

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

1 (44)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 1 (44), 2020

Научный журнал. Издаётся с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.и.н. Б.Х. Бгажноков, д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
д.ф.н. А.М. Готов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Р.Г. Ошроев, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

1 (44)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 1 (44), 2020

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *T.S. Bittirova*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *R.G. Oshroev*; Candidate of History *D.N. Prasolov*;
Doctor of Philology *H.T. Timizhev*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Средиземно-черноморская трансгрессия и процессы этнической дивергенции внутри хатто-абхазо-адыгской общности	7
<i>Мирзоев А.С.</i> Народная военная медицина черкесов	13
<i>Жанситов О.А.</i> Деникинский режим в Кабарде: факторы лояльности	22
<i>Гугова М.Х.</i> К вопросу о гендерных аспектах модернизационных процессов у кабардинцев и балкарцев в конце XIX – первой трети XX века	29
<i>Тетуев А.И.</i> Восстановление автономии и возвращение балкарского народа на Родину в документах и воспоминаниях	36
<i>Кешиева З.М.</i> К вопросу о развитии художественной культуры народов Кабардино-Балкарии в середине 1980-х – начале 1990-х гг.	49

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Алхасова С.М.</i> Интертекстуальное пространство романа Алима Кешокова «Корни»	58
<i>Биттирова Т.Ш.</i> Бекир Чобан-заде: у истоков карачаево-балкарского литературоведения	64
<i>Сарбашиева А.М.</i> Творчество Танзили Зумакуловой в зеркале литературно-критической мысли	73
<i>Тымыжь Хь.Т.</i> Лъэпкъ лъапІэныгъэхэм усакІуэ Бэрбэч Зубер и усэхэм щаубыд увыпІэр	79
<i>Берберов Б.А.</i> Карачаево-балкарские сатирические миниатюры о Ходже Насреддине: специфика семейно-бытового цикла	85
<i>Абазэ М.М.</i> Адыгэ (къэбэрдей-шэрджэс) литературэбзэм и макъзешэхэм я системэр	93
<i>АфІэунэ (Токъу) А.А.</i> Адыгэбзэм макъыщІэм и гуэшыныгъэм иІэ щхъэхуэныгъэ нэхъыщхъэхэр	99
<i>Жылэтеж Хь.Ч.</i> Адыгэбзэ псалъэкІапэхэм я мыхъэнэмрэ я грамматикэ нэцэнэхэмрэ	108
<i>Токмакова М.Х.</i> Фразеомотивы кабардино-черкесского языка с глаголами <i>етын, щІын, хъун, иІэн</i>	115

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Bgazhnokov B.Kh.</i> Mediterranean-black sea transgression and processes of ethnic divergence inside the hatt-abkhaz-adyge community	7
<i>Mirzoyev A.S.</i> Folk military medicine of the circassians	13
<i>Zhansitov O.A.</i> Denikin's regime in Kabarda: factors of loyalty	22
<i>Gugova M.Kh.</i> The question of gender aspects of modernization processes in the kabardinians and balkars in the late 19th and first thirds of the 20th century	29
<i>Tetuev A.I.</i> Restoration of autonomy and return of the balkarians people to their Homeland in documents and memories	36
<i>Kesheva Z.M.</i> On the development of artistic culture of the peoples of Kabardino-Balkaria in the mid of 1980 – early 1990-s	49

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Alhasova C.M.</i> Intertextual space of the novel Alim Keshokov «Roots»	58
<i>Bittirova T.S.</i> Bekir Choban-Zade: at the origins of karachay-balkarian literary studies	64
<i>Sarbasheva A.M.</i> Creativity of Tanzili Zumakulova in the mirror of literary-critical thought	73
<i>Timizhev Kh.T.</i> Moral empire of ethnos in poetry kabardian poet Z.A. Berbekov	79
<i>Berberov B.A.</i> Karachay-balkarian satirian miniatures about Hoja Nasredin: specificity of family-household cycle	85
<i>Abazova M.M.</i> The system of consonants of the kabardino-cherkess literary language	93
<i>Afaunova A.A.</i> Basic principles of classification of interbednations of the kabardino-cherkessk language	99
<i>Zhiletezhev Kh.C.</i> Semantic-grammatic characteristic of particles of the kabardin-cherkess language	108
<i>Tokmakova M.Kh.</i> Krabardin-cherkess language phraseo emotives with the verbs of <i>ethin, schiin, khun, ien</i>	115

УДК 94 (262+479)

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-7-12

СРЕДИЗЕМНО-ЧЕРНОМОРСКАЯ ТРАНСГРЕССИЯ И ПРОЦЕССЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ ВНУТРИ ХАТТО-АБХАЗО-АДЫГСКОЙ ОБЩНОСТИ

Бгажноков Барасби Хачимович, доктор исторических наук, заведующий сектором древней истории и археологии Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН)», bbarasbi@yandex.ru

Рассматриваются вопросы хатто-абхазо-адыгского древнего единства, условия, причины и формы последовавшей вслед за этим этнической дивергенции и сепарации. Отмечается, что одной из причин такого развития событий стала средиземно-черноморская трансгрессия IX–VIII вв. до н.э., а результатом – формирование кавказской и анатолийской ветви хатто-каскайцев с дальнейшим распадом первой из них на абхазскую и адыгскую (черкесскую). Приводятся связанные с затоплением черноморской впадины мифы и легенды черкесов. К числу последствий черноморского потопа отнесено подтвержденное археологическими разысканиями замедление человеческой деятельности на Западном Кавказе в период неолита. С последующим восстановлением этой деятельности в энеолите связано, как предполагается, включение хатто-каскайцев в процессы культурного развития восточного региона Балкано-Карпатской металлургической провинции, что впоследствии стало почвой для становления майкопской культуры.

Ключевые слова: Западный Кавказ, Анатолия, средиземно-черноморская трансгрессия, мезолит, неолит, энеолит, хатто-абхазо-адыгская общность, этническая дивергенция.

Существует мнение, что в кавказско-анатолийской контактной зоне еще в самом конце каменного века могла образоваться «обширная восточнопричерноморская этнокультурная область, лежавшая в основе хатто-абхазо-адыгского древнего единства» [Бетров 1998: 101]. Предполагается, таким образом, что в период мезолита протохатто-абхазо-адыгские (хатто-каскайские) племена занимали обширную территорию на северо-востоке Малой Азии, на Западном и Северном Кавказе. Соединяясь друг с другом через восточный берег Черного моря, эти племена, судя по всему, активно и плодотворно взаимодействовали с соседними народами Кавказа, Ближнего Востока, Юго-Восточной Европы.

Постоянные и длительные контакты хатто-каскайцев с соседними племенами сложились, видимо, в период перехода отдельных групп ближневосточного населения от присваивающего хозяйства к производящему. Размеры Черного фактически тогда еще не моря, а пресноводного озера или группы озер были гораздо меньше нынешних, и потому общение родственных племен Малой Азии и Кавказа было более доступным и свободным.

С известной долей осторожности это позволяет предположить, что покрытая лесами, озерами и реками огромная черноморская впадина была зоной постоянного взаимодействия южного, анатолийского и северного, кавказского хатто-каскайского

и индоевропейского населения. Похоже, что именно здесь в тесном контакте с праиндоевропейским населением Юго-Восточной Европы и «азианическим» на Кавказе и Ближнем Востоке складывались основы протохатто-абхазо-черкесского культурно-языкового единства. Однако еще в доисторические времена хаттская культурно-языковая общность распалась на две ветви. Первая *анатолийская*, вторая *кавказская*.

Одной из причин такого развития событий стало начавшееся в IX тыс. до н.э. глобальное потепление и таяние ледников. На заключительном этапе вызванной этим процессом средиземноморской трансгрессии Чёрное море поднялось более чем на 100 м. Вместе с труднодоступными горами и густыми лесами Западного Кавказа водная преграда, возникшая после затопления Черноморской впадины, стала дополнительным препятствием для общения анатолийских и кавказских хаттов (протоабхазо-черкесов). Обособившись друг от друга географически и, вследствие этого, этнически, каждая из этих ветвей протоабхазо-адыгского населения развивалась затем в основном самостоятельно и независимо друг от друга. Вот почему культурная и языковая связь между ними устанавливается лишь благодаря специальным изысканиям археологов, этнологов, лингвистов.

Вместе с тем в историческом сознании абхазо-адыгов сохраняются закреплённые в легендах и мифах отголоски «золотого века» кавказско-анатолийского единства, представления о наиболее значимых маркерах пространств, которые охватывало это единство. В частности, заслуживает внимания воспоминание о «Кавказской Атлантиде», заключённое в легендах о мифическом «Золотом подворье» – *Луэдыцэ* (Одиша). В традиционном сознании черкесов это благодатный край и «сердце» черкесской прародины. Навянное фольклором поэтическое представление о Золотом Подворье, о чудесной стране с раскидистым белым (серебристым, бархатистым) тополем на одной из вершин Кавказа содержится в замечательных стихах кабардинского поэта И. Клишбиева:

*Луэдыцэ и зы цыгу лъагэм
Зы щихуихуэ еклуу кыщыкІт,
Къудану щІэрацІэ дахэм
Дуней псори кыщыгуфІыкІт. [Къылышбий 2009: 27].*

*На одной из вершин Золотого Подворья-Одиша,
Украшая его, величественный тополь стоял.
Цветущим видом, статью своей и красотой
Радовал он весь белый свет.*

Устанавливается, как мы видим, поэтическая связь между Золотым Подворьем и тополем на одной из вершин Кавказа. Дело в том, что белый или серебристый тополь, известный у черкесов под названием – *къэдабэ щиху*, «бархатистый тополь», а у русских под именем «белолістка» считался и считается по сей день символом благоденствия и оберегом народа, страны, Кавказа в целом. Отсюда, возможно, и происхождение слова *щи-ху*, «тополь». В нем заключено значение близкое к словосочетанию – «белая святость», семантически перекликающееся с внутренней формой и значением оронимов Кавказ, Гуащхэмахуэ (Эльбрус), Каспий (Казбек) и этнонимов кас, касаг, caucası.

Конечно, тополь, на одной из вершин Кавказа может рассматриваться, только как поэтический, мифологический образ и уже по той причине, что серебристые (белые) кавказские тополя или белолістки растут только в долинах рек, а не на вершинах гор. Но эта неточность не снижает, напротив, усиливает значимость стихов Клишбиева для понимания истоков и основ истории абхазо-адыгского народа.

Подчеркивается вместе с тем, что красота и величие серебристого тополя были под стать красоте и величию Кавказских гор. Таков описанный в 1866 году знаменитым русским художником и писателем А.В. Верещагиным величественный священный тополь убыхов, росший до начала XX в. в долине реки Сочи, выше Пластунских ворот. «Ствол белолистики, – пишет Верещагин, – по измерению на высоте 2 ½ аршин (около полутора метров) от земли оказался в окружности 17 ¾ аршина (около 12,5 м), окружность же ствола у самой земли 20 аршин (около 14,5 м). Показательно, что ствол был внутри практически пустой, имел вход и держался на «сердцевине столбом толщиной (диаметром) не более восьми вершков (35,6 см)» [Верещагин 1874: 54]. Это означает, что пустота внутри ствола образовалась в результате удара молнии. По поверьям адыгов, это считалось, что сам Бог-громовец – Шибла избрал данное дерево в качестве священного.

Верещагин пишет, что из-за сходства пустого пространства в тополе, возникшего в результате удара молнии, с комнатой русские поселенцы называли это дерево «черкесской кунацкой» – местом их «сходок для совещаний и религиозных отправлений». У этого дерева, по рассказам местных жителей, «черкесы из племени Убых, жившие в окрестностях Сочи, держали свой последний совет перед выселением их в Турцию» [Верещагин 1874: 41].

В дополнение к сказанному надо заметить, что по своему содержанию и стилистике в прямой связи с описанным здесь восприятием Золотого подворья и серебристого тополя находится благоговейное отношение к Анатолии, значительную часть которой занимали южные, ближневосточные хатты. Я имею в виду отложившиеся в черкесском фольклоре стандартные высказывания об Анатолии как о «Золотой долине», почитаемой как божество. Особенно ярко они представлены в известном каждому адыгу зачине традиционных адыгских гимнов, молитв, здравиц, ср.:

*О наш Бог, Великий Бог,
Анадола, Золотая долина!*

*Уэ ди Тхьэ, Тхьэихуэ,
Анэдолэ, дыцэ къуэладжэ!* [Кабардинские здравицы 1985: 67].

Вообще Анатолия предстает в языке и фольклоре адыгов как хорошо знакомый край, в котором они живут, где сбываются мечты человека о счастье. Также точно воспринимался и Кавказ, метафорическое название которого *Луэдыцэ* – «Золотое подворье», сохранилось, кажется, в названии средневековой Менгрелии в виде Одиши.

Образы «Золотой долины» и «Золотого подворья», как мы видим, и в самом деле ассоциируются с «золотым веком» в истории хатто-абхазо-адыгских (майкопско-анатолийских) племен и народов, с эпохой их культурно-языкового единства. Остается только сказать, что все это является, судя по всему, эмоциональным откликом на бедствия и потери, которые обрушились на древних хаттов в результате средиземноморской трансгрессии и затопления Черноморской впадины в VIII тыс. до н.э.

В этот период, на завершающем этапе последнего глобального потепления и таяние ледников под водами мирового океана оказалась значительная часть суши во всех концах земли. Началась, как полагают специалисты, еще в IX в. очередная, самая мощная и катастрофическая по своим последствиям средиземно-черноморская трансгрессия. По всем данным она сопровождалась сначала медленным, а затем, примерно в середине VIII тыс. до н.э., очень быстрым подъемом уровня воды в Черноморской впадине. А закончилась ее почти полным затоплением и образованием на рубеже VII–VI тыс. до н.э. Азовского моря [Долуханов 2002: 11–12].

При этом вода прибывала и ее уровень увеличивался сначала (в позднем плейстоцене), за счет таяния местных ледников и сброса вод из Каспийского моря по Манычу. Но затем очень быстро из-за подъема уровня мирового океана и притока морской воды из бассейна Средиземного моря [Янко-Хомбах 2011: 79], вытесняя протоабхазо-адыгское население из Черноморской впадины в сопредельные районы Кавказа, Анатолии, Юго-Восточной Европы.

В 1998 году американские ученые У. Райян и У. Питман после проведенных ими подводных палеонтологических исследований в Черном море пришли к выводу, что в 6100 гг. до н.э. уровень воды в Средиземном море стал значительно выше, чем в Эвксинском (Черноморском озере). В течение примерно года Черноморская впадина стремительно наполнялась морской соленой водой [Ryan 1998]. Позднее, в 2003 году У. Райян отнес дату этого черноморского потопа к 7500 году до н.э. [Ryan 2003: 525–554]. В 2000 г. Р. Баллард провел в Черном море аналогичное исследование и пришел к тем же выводам [Ballard 2001: 607–623].

Хотя некоторые специалисты видят в этих выводах множество изъянов, в целом представленная американскими учеными картина вполне согласуется с общим мнением о последнем глобальном потеплении и последствиях, вызванной этим средиземно-черноморской трансгрессии, в результате, которой были затоплены большие участки освоенной древними людьми суши. Аналогичные изменения природного и культурного ландшафта происходили в доисторические времена во многих других концах планеты: появление Берингова пролива, пролива Ла Манш и др. Несомненно, это была глобальная природная и гуманитарная катастрофа, гибельная для больших масс населения, изменившая облик земли и всего человечества.

Следует думать, помимо всего прочего, что она кардинально изменила характер этнических процессов на Западном и Северном Кавказе. По всей вероятности, в конечном итоге горные цепи и водный барьер, сложные процессы социокультурного и собственно этнического развития, связанные с этим изменения этнодемографической, экологической, экономической ситуации в регионе разделили хатто-каскайский этнический массив. По всей вероятности, в этот период значительная часть хаттского населения отступила не только на Кавказ, но также на Балканы и в Северное Причерноморье, где вступила во второй половине V тыс. до н.э. в тесный контакт с носителями культур Винча, Триполи-Кукутени, Гумельница [Бифов 2018: 50–65].

Взаимодействие с развитыми культурами Балкано-Карпатского региона в период энеолита, как мне представляется, сопровождалось развитием навыков металлургического производства, что стало впоследствии почвой для расцвета майкопской культуры. Можно предположить, одним словом, что древние хатто-абхазо-адыгские племена были включены в процессы культурного развития восточного региона Балкано-Карпатской металлургической провинции, который, по мнению Н.В. Рындиной, охватывал степные и лесостепные районы от Северного Причерноморья до Поволжья [Ryndina 1998: 194].

С другой стороны, в этот период активизировались, по понятным причинам, процессы этнической дивергенции и сепарации внутри самой хатто-абхазо-адыгской общности. Сформировались – предположительно в конце V – начале IV тыс. до н.э. – три наиболее тесно связанные с протоабхазо-адыгским населением субкультуры: хаттско-анатолийская (протохеттская) – в северо-восточных областях Малой Азии, хаттско-протоабхазская – на юго-восточном побережье Черного моря, хаттско-проточеркесская – на Западном и Северном Кавказе.

В заключение следует сказать, что воспоминания о черноморской трансгрессии VIII–VII тыс. до н.э. и о чудесном спасении остатков местного населения во главе с пророком Нухом (Ноем) прочно сохраняются среди черкесов в настоящее время. По преданию, выжившая горстка людей расположилась на Эльбрусе, что

казалось им большим счастьем. И отсюда название этой горы *Луацхьэ махуэ* – «Гора счастья». По совету Ноя, чтобы не умереть с голода, каждый из выживших принес все, что у них осталось из съестного: вода, соль, фасоль, кукуруза, сушенное мясо, молоко. Из этого набора был сварен суп, позволивший им выжить, набраться сил и продолжить борьбу за существование.

В честь этого события по традиции, которая сохраняется среди черкесов повсюду, ежегодно на сороковой день после курмана (байрама) справляется праздник, посвященный чудесному спасению далеких предков, и в этот день все варят и съедают суп из семи названных выше ингредиентов. Большой популярностью до последнего времени пользовалось также мужское имя *Нухь*, как память о мудрости и стойкости Ноя, способная передаваться носителю этого имени. В мусульманской традиции Нух считается одним из множества пророков, облагородивших религию ислама.

С этими мифами перекликается относящееся к 1666 году сообщение Эвлия Челеби о том, что черкесы верили в мифы о потопе и Нухе как спасителе жителей Кавказа. Они утверждали, в частности, что на вершине горы Бештау в Центральной Кабарде расположены остатки Ноева Ковчега. Подчеркивается в этой связи, что из пяти расположенных здесь гор-близнецов Бештау самая высокая и остроконечная, а окружающие ее четыре горы ниже и не столь труднодоступны. На вершине этой самой высокой горы, пишет Эвлия Челеби, находится «ветхая корабельная доска длиной в триста шагов и шириной в два шага. В некоторых местах доски есть отверстия от гвоздей и буравов». По мнению местных правителей, продолжает Эвлия Челеби, эта доска «должна быть доской Ноева Ковчега» [Эвлия Челеби 1979: 91].

Конечно, это всего лишь реликты народного сознания и творчества черкесов. Однако нельзя исключать, что они связаны в какой-то мере с реальными событиями на Кавказе, с этногенезом и этнической историей абхазов и адыгов. На наш взгляд, в общем и целом представленная здесь общая картина черноморской трансгрессии и ее последствий коррелирует также и с современными археологическими разысканиями и открытиями. В частности, с Черноморским потопом можно связать период «остановки» или стагнации в культурном развитии Западного Кавказа, новые данные о замирании человеческой деятельности в этом регионе в период неолита [Трифонов 2009: 84–93; Мешвелиани 2013: 61–62; Канделакки 2016: 51, 54].

Существенные признаки возрождения этой деятельности отмечаются, как выясняется, лишь в энеолите, когда начинается медленное восстановление прежней жизни и «вторичное заселение» (В.А. Трифонов) Западного и Северного Кавказа. Известно, что именно в этот период, начиная примерно с V тыс. до н.э., получают развитие одишская и дарквети-мешоковская культуры. Согласно разысканиям последних лет различные центры этих культур охватывают Восточное Причерноморье, Западный и также Северный Кавказ вплоть до Нальчикского могильника [Трифонов 2009].

Источники и литература

1. *Бетрозов Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998. 260 с.
2. *Бифов Э.Р.* Вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов в свете современных данных лингвистики, генетики и археологии // Вестник науки АРИГИ. № 12 (36). С. 50–65.
3. *Верещагин А.В.* Путевые заметки по Черноморскому округу. М.: Тип. Н.Н. Мамонтова и К, 1974. 204 с.
4. *Долуханов П.М.* Березань, Черное море, миграция // Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб.: Нестор-История. 2002. С. 11–21.

5. *Кабардинские здравицы (Адыгэ хьуэхьухэр)* / сост. З.П. Кардангушев. Нальчик: Эльбрус, 1985. 140 с.
6. *Канделаки Д.А.* Неолитизация Восточного Причерноморья: проблема интерпретации в контексте общего понятия «неолит» (взгляд историка) // *Актуальная археология* 3. Новые итерпретации археологических данных. СПб., 2016. С. 51–54.
7. *Къылышбий Исмэхьил.* МафІэм имыса усэхэр. Налшык, 2009. 182 с.
8. *Мешвелиани Т.К.* К вопросу о возникновении неолита в Западной Грузии. *Археология, этнография и антропология*. 2013. № 2 (54). С. 61–62.
9. *Трифонов В.А.* Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // *Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе*. СПб., 2009. С. 84–93.
10. *Эвлия Челеби* Книга Путешествия. Вып.2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. 288 с.
11. *Янко-Хомбах и др.* Геология и полезные ископаемые Мирового океана. 2011. № 2. С. 79.
12. *Ballard R.D. a.o.* Deepwater Archaeology of the Black Sea: The 2000 Season at Sinop Turkey // *American Journal of Archaeology*. 2001. V. 105. 4 P. 607–623.
13. *Ryan W.B., Pitman W.C.* Noah,s Flood The New Scientific Discoveries About the Event That Changed History. N.Y.: Touchstone, 1998. 249 p.
14. *Ryan W.B. a.o.* Catastrophic Flooding of the Black Sea // *Annual Review Earth and Planetary Science*. 2003. Vol. 31. P. 525–554.
15. *Ryndina N.V.* Ancient metal working in South-East (Origin and development in the Neolithic-Cooper Age). Moscow, 1998.

MEDITERRANEAN-BLACK SEA TRANSGRESSION AND PROCESSES OF ETHNIC DIVERGENCE INSIDE THE HATT-ABKHAZ-ADYGE COMMUNITY

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich, Doctor of History, Head Sector of the Ancient History and Archeology of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bbarasbi@yandex.ru

The questions of the Hatt-Abkhaz-Adyghe ancient unity, the conditions, causes and forms of the subsequent ethnic divergence and separation are examined. It is noted that one of the reasons for this development of events was the Mediterranean-Black Sea transgression of the IX-th–VIII-th centuries. BC, and the result is the formation of the Caucasian and Anatolian branches of the Hattian-Cascians with the further collapse of the first of them into Abkhaz and Adyghe (Circassian). The myths and legends of the Circassians related to the flooding of the Black Sea basin are given. Among the consequences of the Black Sea flood, the fading of human activity in the Western Caucasus during the Neolithic period, confirmed by archaeological investigations, is attributed. With the subsequent restoration of this activity in the Eneolithic, it is assumed that the inclusion of the Hattian-Cascians in the processes of cultural development of the eastern region of the Balkan-Carpathian metallurgical province, which later became the basis for the formation of the Maikop culture.

Keywords: Western Caucasus, Anatolia, Mediterranean-Black Sea transgression, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, Hatt-Abkhaz-Adyghe community, ethnic divergence.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-7-12

НАРОДНАЯ ВОЕННАЯ МЕДИЦИНА ЧЕРКЕСОВ

Мирзоев Асланбек Султанович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), marzeibach@mail.ru

Военная медицина черкесов является частью их развитой традиционной военной культуры. Накопленный за столетия эмпирический опыт в условиях милитаризованного быта способствовал созданию достаточно эффективных методов народной медицины для лечения различных ран, переломов, ожогов и других последствий боевых действий. Носителями специальных знаний, передававшихся из поколения в поколение внутри отдельных семей, были черкесские лекари – «Iazэ», представлявшие отдельную социальную страту в обществе, наряду со священнослужителями, народными бардами (джегуако) и другими. Оказание медицинской помощи больным методами народной медицины, помимо медикаментозных, лекарственных средств, сопровождалось действиями психотерапевтического, магического характера, нашедшие отражение в обряде излечения раненного – «кIапщ».

Ключевые слова: народная военная медицина, лекари «Iazэ», обряд излечения раненного – «кIапщ», лекарственная флора, вербальная магия.

Милитаризованный быт, на фоне которого столетиями протекала жизнь черкесского этноса, должен был породить такой элемент военной организации как военная медицина. И он действительно имел место, но это была не наука в современном её понимании, а народная медицина, возникшая в результате тысячелетнего эмпирического опыта. Тем не менее, как отмечает в своем исследовании, посвященном народной медицине адыгов Г.Г. Тхагапсова, медицинская наука XIX века дала высокую оценку методам лечения ран и переломов у горцев [Тхагапсова 1996: 6]. В частности П.И. Попов в статье, опубликованной в Военно-медицинском журнале в 1855 г. писал: «Громкая слава, которой пользуются горцы в лечении ран вообще, дала повод думать на Кавказе, что они владеют тайными средствами, неизвестными образованным европейским врачам. Это поселило между нашими больными особое доверие к горским врачам, многие раненные наши, даже офицеры, в приятной надежде на верное излечение, прибегали и прибегают к горской медицине при первой к тому возможности» [Попов 1855: 41].

Н.И. Пирогов, один из основателей российской школы военно-полевой хирургии, после знакомства с искусством врачевания переломов у горцев Северного Кавказа пересмотрел свои взгляды относительно известных ему научных методов лечения данного вида патологии: «вера его в непогрешимость учения Лоррея, по которой при осложненных переломах больших костей, считалось показана превентивная ампутация, была подорвана, особенно, когда он узнал, что хакиды (врачи горцев) лечат их консервативными методами и получают, по признанию русских раненых, лучшие результаты, чем ... при ампутации» [Пирогов 1941: 22]. Последняя вообще никогда не применялась черкесскими лекарями. В своих воспоминаниях русский офицер Ф.Ф. Торнау, проживший в

плену у черкесов два года писал: «Надо отдать справедливость искусству, с которым горские лекари вылечивают самые опасные раны. Ампутация у них не в употреблении, и мне не раз случалось видеть кости, сращенные после того, как они были раздроблены картечью» [Торнау 1999: 322]. Во время Кавказской войны многие русские офицеры предпочитали лечиться у горских лекарей, отдавая им предпочтение перед российскими военными хирургами [Манышев 2013: 122]. А.Н. Дьячков-Тарасов в своем очерке, посвященном абадзехам, также отмечал: «С большим искусством горские врачи лечили раны, причем редко прибегали к ампутации, а исключительно прикладывали травы и мази» [Дьячков-Тарасов 2004: 619]. Предпочтение, которое отдавали русские офицеры, служившие на Кавказе, народной медицине горцев, свидетельствовало в пользу её эффективности. Один из известных примеров этого – случай с Н.И. Евдокимовым, будущим командующим Кавказской линией. В 1842 г., он тогда ещё майором, служа на Левом фланге, в Дагестане, получил опасную рану кинжалом, от которой благополучно излечился у горского лекаря.

Если не в каждом ауле, то почти в каждой местности на Кавказе можно было найти лекаря, по черкески именуемых «Іэзэ». Как отмечает в своем исследовании Г.Г. Тхагапсова, институт военных лекарей в традиционно-бытовой культуре черкесов имел семейный характер, когда медицинские знания передавались из поколения в поколение в рамках одной семьи и ближайшего круга родственников (от отца к сыну, от матери к дочери или сыну, от свекрови к невестке, от мужа к жене) [Тхагапсова 1996: 38]. Хан-Гирей в связи с этим отмечал, что «... лекари со тщанием скрывали способы своего лечения и в их роду переходят эти способы от предков к потомкам ...» [Хан-Гирей. Записки... 1992: 107]. Народные лекари «Іэзэ» могли быть выходцами, как из крестьянской среды, так и из дворянских сословий. В одной из своих работ П.Г. Бутков, говоря о хирургическом искусстве кабардинцев, писал: «Лечение наружных ран производится у них с успехом в Большой Кабарде. Род узденей Фокичевых упражняется в том издревле. Он имеет и крепко хранит греческие рукописи из коих предки его, почерпнув сведения о сей науке, передавали оное изустно одному своему потомству» [Неопубликованная рукопись 2020: 29].

Обычно услуги лекаря щедро оплачивались, хотя сами они никогда не устанавливали и не требовали платы за свой труд. Это было, видимо, связано с представлениями, согласно которым, пациент должен был что-то оставить лекарю, даже незначительную плату или вещь, в знак благодарности, иначе, в противном случае это может повредить лекарю, так как болезнь может остаться в доме. Но сам лекарь никогда не попросит и не скажет об этом. «Таким образом, – отмечает Г.Г. Тхагапсова, – мы столкнулись с древнейшей формой оплаты лекарского труда. Она заключается в том, что лекарь не может запрашивать и устанавливать цену за оказанную услугу, однако срабатывает обычай благодарности, и больной, получив помощь, в зависимости от своих возможностей выражает эту благодарность» [Тхагапсова 1996: 40].

В источниках периода Русско-Кавказской войны лекари часто упоминаются в составе воинских формирований черкесов, в то же время, мы не располагаем данными, что они сопровождали отряды наездников во время дальних походов, направленных за пределы этнической территории [Остахов 2008: 121]. Следует отметить, что опытные воины-наездники имели навыки оказания первой медицинской помощи и транспортировки раненых. Среди необходимых вещей, находящихся в дорожном багаже наездников, был набор специальных средств: лекарственные травы и мази, имевшие кровоостанавливающее и дезинфицирующее действие, перевязочные бинты из пропитанных воском (дезинфицированных) льняных или хлопчатобумажных тканей (шэхудэ), специальных тампоны – затычки, для сквозных и глубоких ран (лыыс) [Информатор Яхтанигов Хасан Хабасович].

Существует даже такое мнение, что в основу растительных орнаментов нанесенных чернью на обратные стороны бляшек наборных серебряных мужских поясов, положены виды тех или иных лекарственных растений, которые можно было использовать в полевых условиях для остановки кровотечения или дезинфекции ран [Информатор Кештов Алисаг Масхудович]. Известно, что растительное царство было первой аптекой человечества, и лекарственные растения издревле использовались в народной медицине. Лекарственная флора Северного Кавказа насчитывает свыше 3000 тысяч видов растений [Мамбетов, Маслов 1981: 3–4]. В арсенал лекарственных средств используемых при лечении ран входили минеральные вещества, лекарственные травы, мази. Среди лекарственных трав информанты называют «уІэгъудз» (портулак огородный), «гын щхъуантІэ», «блэшэгъэфІэІу» (конский щавель), «кхъуэудз», «удздэгугу» (лебеда садовая), «фафІэ гын» (цикорий обыкновенный), «кълэгъэн» (лапчатка лежачая), «хъэбзэгугу», «фарий тхъэмпэ» (подорожник), «бэджкъиш» (тысячелистник), «удз дэжей» (вьюнок полевой), «екІапцІэ» (кора ольхи) [Хабекирова 2006: 116–121; Хъэкъун Барэсбий 1975: 31, 110, 149]. Черкесские лекари раны, нанесенные огнестрельным и холодным оружием, лечили одними и теми же средствами и способами, но в первом случае сначала извлекали из раны пулю или осколки. Искусные лекари, которые умело удаляли пули из ран, назывались «шэхэх» (извлекатели пуль) [Хабекирова 2006: 121]. Во время операции извлечения из раны пули, осколков и других инородных тел использовались специально изготовленные хирургические инструменты: «штапхъэ», «шэхэхыльэ» [Информатор Яхтанигов Хасан Хабасович]. Первый – хирургический инструмент, род пинцета для извлечения пули из раны. Второй инструмент, также приспособленный для извлечения из раны пуль, наконечников стрел, осколков и других инородных тел, имел форму шипа с ложечкой на боку острия. Ф.А. Колетани, иностранец, издавший в 1859 г. в Дрездене книгу с описанием своего путешествия по Черкесии, в одном из разделов под названием «Фармацевтика у черкесов» сообщает о способе обработки ран следующее: «Первая задача при лечении огнестрельной раны – очистить ее от инородных тел. Для этого применяют очищенный хребет невареной форели, то есть хребты форели различной высоты очищаются от мяса, рыбы кости коротко обрезают, оставшиеся кончики обтачивают, придавая им закругленную форму, и такие хребты запасают впрок в достаточном количестве. Такой хребет форели в сквозную огнестрельную рану вводится несколько раз в разных направлениях и продевается туда и сюда. Эта операция кажется очень болезненной... Но благодаря ей рана очищается от попавших в нее волокон одежды и особенно от овечьей шерсти. И таким образом удаляются частички, которые препятствуют лечению и вызывают нагноения, кроме того благодаря этому методу скарифицируется внутренняя поверхность раны, к тому же без всякого промывания рана полностью закрыта от воздуха и вместе с тем постепенно стягивается, что происходит следующим образом: со свежезарезанной овцы снимают шкуру, внутренней стороной прикладывают к ране и оборачивают ее вокруг... свежий кусок шкуры всюду хорошо прилегает и стягивает рану, очень медленно и постепенно высыхая... и исцеление происходит ... в кратчайшие сроки, с малыми потерями сил и лимфы больного и незначительном нагноением, которого часто и не бывает. Также раздробленные конечности врачуют описанным способом [Колетани 2017: 74–75]. Если рана была сквозная, использовался и такой способ: рану очищали и через отверстие протаскивали предварительно продезинфицированный пучок конских волос. В процессе заживления и стягивания раны из нее каждый день вытягивали один конский волос. Это давало возможность сукровице и гною вытекать из раны, если там шел воспалительный процесс [Информатор Яхтанигов Хасан Хабасович]. Процесс извлечения пули был болезненным. Учитывая, что черкесы не использовали обезболивающих средств, а по черкесскому этикету громко стонать или как то

проявлять нетерпение от боли порицалось, роль морально-психологической поддержки выполняли исполняемые в таких случаях специально сложенные для таких случаев так называемые «песни извлечения пули» (шэхэх уэрэд).

Большое внимание черкесы уделяли транспортировке и иммобилизации раненых. Для этого использовались специальные конные носилки (шыпхъаблэ), средства для иммобилизации: повязки (щхэн) и шины (пхъэкIэпх) [Тхагапсова 1996: 64].

Говоря о традиционных методах лечения и особенностях горской медицины, следует подробнее остановиться на обряде излечения раненого «кIапщ» или «щIопщакIуэ». По мнению З.М. Налоева термины «кIэпщ» и «щIопщакIуэ» следует толковать как «магическое воздействие», «заклинание». Корень «пщ» восходит к слову епшен, буквально дуть на кого-либо, что-либо, означающему магическое исцеление, снятие болезни, то есть способ пользования, при котором на больного дуют, одновременно шепча заклинательные «стихи» [Налоев 1978: 6–8].

Описанный во многих этнографических работах, этот обряд наиболее обстоятельное изложение получил у Хан-Гирея, которого нам хотелось бы подробно процитировать. Вот что он пишет: «Раненого знатного происхождения по большей части помещают в доме владельца ближайшего аула к тому месту, где он получил рану. Владелец аула, как по долгу гостеприимства, так равно и по приличию общепринятому, приглашает раненого к себе, и [тот] без особых обстоятельств не отказывает принять его предложение, потому что отказ может его оскорбить.

Минутевнесения [раненого], предшествует суеверие: порог дверей возвышают, прибав толстую доску. Девица моложе 15 лет обводит вокруг внутренней стены дома черту коровьим калом, в надежде предохранить этим больного от вредного влияния нечестивых взоров, как говорят черкесы. У постели больного ставят чашу с водой и куриным яйцом. Тут же кладут железную соху с молотом того же металла. Посетитель, в первый раз посещающий больного, подойдя к нему, трижды ударяет молотом по сохе, потом слегка окропляет одеяло на больном из той же чаши, в которой положено яйцо и, произнеши: «Бог да соделает тебя здоровым», отступает от постели больного и занимает приличное его летам и званию место.

Входящие в дом к больному и выходящие оттуда осторожно переступают возвышенный порог, боясь задеть за него ногою, что почитается неблагоприятным предзнаменованием. Также посетитель ударяет молотком по сохе так сильно, чтобы звук был слышен всем в доме находящимся: есть у них поверье, что если посетитель братоубийца или убийца невинного человека, то удар молота не произведет звука; также от его прикосновения к чаше с водой лопнет яйцо, там положенное, и что это служит доказательством преступления посетителя.

По принесении больного в дом, немедленно призывают человека, пользующегося репутацией знатока, который остается при больном до его излечения. Аул, где находится больной, делается сборным местом не только соседних, но даже дальних дворян и всего высшего класса, да и простого народа, в том и соседних аулах живущего. Всякую ночь к больному сходятся приезжие, остановившиеся в том ауле; также старцы и молодежь всякого звания. Почитается приличным для отцов и матерей семейств, чтобы их дочери посещали больного; причем иногда предшествует приглашение жены и дочерей хозяина дома, где больной находится. Но должно заметить, что женщинам строго воспрещается вход к больному, зато девицы составляют предмет удовольствия всего сборища.

В сумерки начинают собираться к больному, и тогда же пение раздается под сводом его жилища. Посетители поющие разделяются на две партии, и каждая старается превзойти другую, и поют сначала песни, для подобного случая

сложенные, а там переходят к обыкновенным песням, в том случае, если больной находится вне опасности и весел, в противном же случае продолжают петь те же песни до усталости. Потом, прекратив пение, начинают разные увеселительные игры и забавы, в которых девицы в особенности принимают участие.

После начинаются разные другие игры, сопровождаемые криком, шумом, волнением и толкотнею. Наконец, все эти забавные шалости постепенно утихают, и песни – преимущественные принадлежности содержания раненого, опять охриплым голосом начинаются, но уже не долго продолжаются; к ужину являются столы, отягощенные яствами и напитками в кувшинах для почтеннейших гостей и в огромных кадках для народа. Девицы, в сопровождении друзей хозяина, возвращаются в женское отделение, а оттуда, поутру, расходятся по домам, около же сумерек опять собираются к больному.

По окончании ужина, пропев ещё несколько веселых песен, все, за исключением неотлучно находящихся при больном, удаляются до наступления другой ночи. Опять в сумерки все являются к больному с новыми силами, после отдохновения в течение дня ...

Такие сборища продолжаются до излечения больного или до его кончины. Само по себе разумеется, когда нет надежды на выздоровление больного, когда явно он приближается ко гробу, то и сборища бывают невеселы; следы уныния заметны на лицах посетителей, которые в таком случае бывают не так многочисленны и состоят по большей части из друзей больного и хозяина дома, его содержащего. Но песни не прекращаются и в самую последнюю ночь жизни больного.

Больной сам участвует в забавах и пении, нередко преодолевая несносную боль; и при входе почтенного посетителя или девиц всякий раз встает с постели; если же исполнить это ему нет возможности, то, по крайней мере, он приподнимается с изголовья, несмотря на запрещение пользователя.

Если больной охает, морщится и не встает при входе посетителей, навлекает на себя дурное мнение народа и подвергается насмешкам. Это обстоятельство делает черкесов терпеливыми до неимоверности.

В продолжение лечения родственники и близкие хозяина, аталыки больного и знакомые, нередко даже и вовсе посторонние, но живущие в близости дворяне, пригоняют и присылают скот на убой, приготовленные кушанья и напитки, потребные при содержании больного.

По выздоровлении раненого иногда хозяин дома, где он лечился, делает пир выздоровевшему в его доме; причем подносит ему подарки, состоящие в оружии, и подводит лошадь со всею конскою сбруею. Лекарю, пользовавшему его, также делает большие подарки, кроме того, ему принадлежат все кожи быков и баранов, съеденных народом в доме хозяина, где содержался больной в продолжение его пользования. Вылечившийся одаряет ту женщину, которая обыкновенно мыла бинты, тряпки и прочее в продолжение его лечения, равно как и тех, которые неотлучно находились при нем в услугах. Сверх того, он делает подарок и той молодой девице, которая обвела чертою внутренние стены дома, где лечился. Впоследствии самому хозяину раненый князь иногда дарит семьи людей, и дружба водворяется между ними» [Хан-Гирей. Записки... 1992: 289–293].

В черкесской мифологии Тлепш – покровитель кузнечного ремесла, был также покровителем раненых. Возможно, обычай бить молотом по металлическому лемеху сохи при посещении больного, имеет определенную связь с этим. Тлепш, согласно мифологическим представлениям черкесов, первый сковал оружие для нартов и имел магическую власть над железом. А так как воины получали свои раны от железа, то Тлепш, отмечает Г.Х. Мамбетов, мог повлиять на процесс скорейшего заживления этих ран [Мамбетов 1965: 118]. На «щ[Иэпш], устраиваемом для раненного, не должно было быть никакого оружия, а посетители, входя в комнату с больным произносили приветствие «Лъэпшу ди къаныр уи Іэзэщ, Іэзэ

махуэ Тхьэм фхуищI» (Глепщ, наш кан, твой целитель, пусть удачно исцелит тебя!) [Хабекирова 2006: 122–123].

В организации помощи больному и в вышеописанном обряде «кIэпщ» ключевую роль занимал лекарь «Iазэ». Возле постели больного постоянно стоял стул для «Iазэ» на который в его отсутствие никто не мог садиться. «Если кто-нибудь во время чапща нарушал этот запрет, то на него падало «тазыр» (наказание), проявлявшееся в организации следующего чапща [Тхагапсова 1996: 43].

Так, Тебу де Мариньи отмечал: «Молодые люди и дети развлекались самыми различными и самыми шумными играми, в то время как лекарь, сидевший с важным видом подле больного, лишь изредка произносит одно-два слова. Его место свято, никто не занимает его пока он отсутствует, тот, кто сделает эту попытку осквернить его, должен будет платить лекарю значительную сумму» [Мариньи 2002: С. 71].

В системе организации медицинской помощи раненому, важная роль предавалась уходу за больным, который в современных медицинских учреждениях осуществляют медсестры или сестры милосердия, как называли их в XIX веке. Как отмечает Г.Г. Тхагапсова «к больному... звали не только «Iазэ» лекаря, но и «дае» – сестру милосердия. Дае могла стать молодая девушка. В обязанности дае входила помощь Iазэ при наложении и смене повязки. Дае осуществляла уход за больным, дежурила у постели больного, следила за соблюдением двигательного режима ... Она кормила больного, принимала участие в чапще. Около постели больного стоял стул для Iазэ, на этот стул в его отсутствие могла сесть только дае. Дае звали даже тогда, когда в доме были сестра и мать, способные выполнять все функции по уходу за больным. ... дае жила в доме больного до полного выздоровления подопечного. Возникшие в процессе ухода за больным связи искусственного родства закреплялись выработанными для этого соответствующими ритуалами. Последний чапщ у постели больного должна была провести дае. Для этого она привозила из дома «кьурман» (жертвенное животное) и подарки. В ответ семья больного тоже устраивала в честь дае джегу-вечеринку, делала подарки и в сопровождение почетного эскорта её привозили домой» [Тхагапсова: 43–44].

Во время обряда чапщ, как сообщает Хан-Гирей, помимо обычных народных песен, исполнялись песни, специально предназначенные для таких случаев. Это так называемые «щIопщакIуэ уэрэд» (песни ранения). Текст одной из таких песен опубликован в сборнике черкесского фольклора, опубликованного в 1968 г. [Адыгэ IуэрыIуатэхэр 1963: 157–158]. Вышеупомянутая песня «извлечения пули» (шэхэх уэрэд), исполнялась во время операции по извлечению пули самим лекарем Iазэ, или приглашенным для развлечения раненого народным бардом-джегуако. Песня должна была помочь переносить боль. Песни излечения раненого (щIэпщакIуэ уэрэд), как и песни извлечения пули (шэхэх уэрэд), должны были иметь магическое действие. Как отмечает С.Х. Мафедзев их форма и содержание различны: «В одних из них воспевается героизм, другие были насмешливыми и ироническими, а третьи исполнялись с неприкрытым юмором, шуткой не лишенной даже известного сарказма» [Мафедзев 1979: 176]. Несколько песен такого рода приводятся и анализируются в работе С.Х. Мафедзева. Приведем отрывки некоторых из них:

«Кто принесет на спине пулю, тот не достоин щIэпщакIуэ.

Кто станет для врага мишенью, кромешного ада пусть не минует.

Кольчуга может кровью сочиться, но для достойного это начало»

Принести пулю спиной, т.е. быть раненным в спину, а не в грудь, адыги приравняли к бегству с поля боя. Поэтому, естественно, для трусов, изменников «щIэпщакIуэ» не устраивали [Мафедзев 1979: 176].

Анализируя содержание этих песен С.Х. Мафедзев отмечает, «что они были призваны развлечь больного, отвлечь его от мучительных болей. Многие из них

содержали вербальную магию. С другой стороны, надо полагать, что шутки, смех и юмор в этих песнях, по представлению адыгов, должны были оказывать на больного психотерапевтическое, благотворное влияние, внушая ему веру в свое выздоровление или же, веру в то, что он отдал свою жизнь не напрасно, а в народе о нем будут помнить» [Мафедзев 1979: 176–177].

Другая неотъемлемая принадлежность обряда излечения раненного анализируемая С.Х. Мафедзовым – различные игры сопровождающие его. В частности, он пишет: «При всем этом в «щӀӀпщакӀуэ» значительное место занимали игры. Особой популярностью во время «щӀӀпщакӀуэ» пользовались те игры и забавы, в которых больной сам участвует. Как уже отмечалось, эти игры вначале были не шумные, а затем, в зависимости от состояния больного, сменялись играми задорными и шумными» [Мафедзев 1979: 177].

Эти игры у постели раненного обычно носили характер театрализованного драматического зрелища с преобладанием комического сюжета: рукобитье (ӀӀгуауэ), сватовство (псӀӀльыхӀу), продажа иглы (мастӀӀцӀ) и др. Одной из таких традиционной для обряда игр «щӀӀпщакӀуэ» была «ӀупӀгӀу». Специально для этого приготовленный обрядовый пирог или печенье круглой формы подвешивали на веревочках к потолку на уровне плеч играющих и придавали вращательное движение, после чего еще раскачивали. Участники игры, рассевшись вокруг или же стоя, под общий смех зрителей, стремились схватить качающийся и вращающийся пирог зубами и откусить, что удавалось далеко не всем [Мафедзев 1979: 177].

Игру «ӀупагӀу» у черкесов (натухайцев) наблюдал в 1818 г. Тэбу де Мариньи во время своего путешествия на Северо-Западный Кавказ. «Молодые люди и девушки, – пишет он, – играют, поют песни в честь раненого и развлекаются тем, что стараются надкусить круглый пирог, подвешенный к потолку на веревочке» [Мариньи 2002: 72].

Выздоровление больного отмечалось большим торжеством. На нем, как на свадьбе, в зависимости, от состоятельности больного или содержащего его хозяина, собиралось много народу, устраивались различные игры и танцы, состязания, джигитовка, скачки» [Мафедзев 1979: 187].

Задаваясь вопросом, какую же роль выполнял чапщ в процессе пользования больного с тяжелыми ранениями, исследователь Г.Г. Тхагапсова приходит к выводу, что «чапщу в этом лечебном комплексе отводилась роль симптоматического воздействия и, в частности, отвлекающего внимание больного от ощущения острой боли. Как показывает полевой материал, в арсенале средств народной медицины адыгов не было ни методов, ни средств обезболивания. Адыги не знали опия и его препаратов, мандрагоры, спирта и тому подобных наркотических веществ, широко применявшихся в этномедицине других народов. В традиционной медицинской культуре адыгского этноса, по всей видимости, был выработан другой способ облегчения страданий больного. Сопровождающие обряд чапщ шум, крик, громкое пение создавали в коре больших полушарий новую, более сильную доминанту, способную вызвать торможение патологических функциональных очагов. Второй важной функцией группового ритуала «кӀӀпщ» является социальная, т.е. поддержание в больном наиболее ценимых в адыгском обществе черт характера человека, таких как мужество и терпение. ... стоны, стенания, крики ... больного воина вызывали не жалость, а насмешки и способствовали снижению его социального статуса, а также социального статуса его семьи и рода. ... два взаимосвязанных момента: отсутствие обезболивающих средств и необходимость проявления мужества и терпения – получили психологическую защиту в обряде «кӀӀпщ». Обряд выполняет не только медицинскую, но и социальную функцию, разрешая конфликт между индивидом и общностью, поддерживая и закрепляя необходимые этносу психологические черты» [Тхагапсова 1996: 48–51].

Последние случаи бытования этого обряда были зафиксированы в первой половине XX столетия на черноморском побережье Северо-Западного Кавказа.

Обряд «Клапщ» был описан Н. Жардецкой, проводившей этнографическое исследование у черкесов-шапсугов в 1934 г. При этом она отмечала, что этот обряд у них уже находился грани исчезновения из быта [Жардецкая 1940: 62].

Источники и литература

1. *Тхагансова Г.Г.* Народная медицина адыгов. Майкоп, 1996. 157 с.
2. *Попов П.И.* Лечение ран у кавказских горцев // Военно-медицинский журнал. Санкт-Петербург, 1855 г. № 1. Кн. 33. Ч. LXV, отдел IX. № 2. С. 41–69.
3. *Пирогов Н.И.* Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции. М.–Л.: Медгиз, 1941. Ч. I. 339 с.
4. *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Воспоминания и документы. Нальчик, Издательский центр Эль-Фа, 1999. 492 с.
5. *Маньшиев С.Б.* Военная медицина народов Северного Кавказа в первой половине XIX в. // Этнографическое обозрение. М., 2016. № 2. С. 116–129.
6. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи (Историко-этнографический очерк) // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. 806 с.
7. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. 346 с.
8. Неопубликованная рукопись П.Г. Буткова по истории Кабарды. Серия БЛИКИ» (БЫТ, Личности, История Кавказа в Источниках). Вып. 12. Нальчик. Издательская типография «Принт Центр», 2020 / сост. Р.К. Кармов. 209 с.
9. Информатор Яхтанигов Хасан Хабасович, 1943 г.р., сел. Вольный Аул КБР.
10. *Остахов А.А.* Военные обычаи и организация медицинской помощи у черкесов в XVIII–XIX вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 3. Пятигорск: ООО «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2008. С. 121–126.
11. Информатор Кештов Алисаг Масхудович, 1914 г.р., сел. Псыхурей, Баксанского р-на КБР.
12. *Мамбетов Г.Х., Маслов А.А.* Из истории народной терапии Кабардино-Балкарии (XIX–начало XX в.) // Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 3–39.
13. *Хабекирова Х.А.* Лечебная культура черкесов (Лечебные методы и лекарственные средства в народной медицине адыгов (черкесов)). Черкеск, 2006. 217 с.
14. *Хьэкьун Барэсбий.* Къэкьыгъэццэхэм я псалъалъэ. Черкеск, 1975. 203 с.
15. *Колетани Ф.А.* Путешествие по Черкесии. Майкоп: ООО «Полиграф-Юг», 2017. 106 с.
16. *Налоев З.М.* Из истории культуры адыгов. Нальчик: «Эльбрус», 1978. 191 с.
17. *Мамбетов Г.Х.* Культ железа, общинные кузнецы в Кабарде и Балкарии // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1965. Т. XXIII. С. 119–124.
18. *Мариньи де Т.* Путешествие по Черкесии // Тебу де Мариньи. Путешествие по Черкесии. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик. Издательский центр «Эль-Фа», 2002. Т. I. С. 19–82.
19. Адыгэ Гуэрыуатэхэр. Нальчик, 1963. Т. 1. 339 с.
20. *Мафедзев С.Х.* Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX – начале XX века. Нальчик: «Эльбрус», 1979. 293 с.
21. *Жардецкая Н.* Народная медицина и лечебная магия у черкесов // Религиозныепережитки у черкесов-шапсугов / ред. С.А. Токарева и Е.М. Шиллинга. М.: МГУ, 1940. С. 58–65.

FOLK MILITARY MEDICINE OF THE CIRCASSIANS

Mirzoyev Asla nbek Sultanovich, Candidate of History, Senior Researcher Fellow Department of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center

«Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), marzeibach@mail.ru

Circassian military medicine is part of their developed traditional military culture. The empirical experience accumulated over centuries in the conditions of a militarized way of life has contributed to the creation of traditional medicine quite effective in the treatment of various kinds of wounds, fractures, burns and other consequences of military operations. The carriers of special knowledge passed down from generation to generation within individual families were Circassian doctors – «Iaze», who represented a separate social stratum in society, along with clergymen, folk bards (jeguacos) and others. The provision of medical care to patients with traditional medicine methods, in addition to medicines and medicines, was accompanied by psychotherapeutic, magical actions, which were reflected in the rite of healing the wounded – «KIapsh».

Keywords: traditional military medicine, doctors «Iaze», the rite of healing the wounded – «KIapsh», medicinal flora, verbal magic.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-13-21

ДЕНИКИНСКИЙ РЕЖИМ В КАБАРДЕ: ФАКТОРЫ ЛОЯЛЬНОСТИ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yanex.ru

Установление власти А. Деникина в национальных округах Терской области, с одной стороны, как в случае Чечни и Ингушетии сопровождалось мощным общенародным вооруженным сопротивлением, с другой, как в случае Кабарды, было поддержано значительной частью населения. Причины этой поддержки явились предметом рассмотрения данной статьи. В связи с этим, внимание обращается на особенности социальной структуры кабардинцев, важным элементом которой выступали высшие сословия, доминировавшие в различных сферах жизни общества, чего не наблюдалось в вайнахской среде. Отмечается, что преследование и ущемление экономических прав кабардинского дворянства большевиками, как социально враждебной советской власти группы, побудило его примкнуть к А. Деникину, который гарантировал сохранение сословных привилегий и стоял на страже частной собственности.

В качестве важного фактора лояльности кабардинцев белой власти рассматривается необходимость защиты общенациональных интересов. Делается вывод, что решение большевиками земельного вопроса в Терской области, в ходе которого малоземельным горским народам была передана часть территорий кабардинцев, мотивировало последних поддержать белое движение. Отмечается, что А. Деникин не признавал преобразований советской власти, в том числе и перекройку административных границ на Терке, что соответствовало интересам кабардинцев.

Ключевые слова: Терская область, Кабарда, советская власть, деникинский режим, большевики, национальная автономия, революция.

В Кабарде власть Деникина была установлена в начале января 1919 г. в ходе наступления белых на Терскую область. При этом, что характерно, в авангарде деникинских войск, занявших Кабарду находились сами кабардинцы – два конных полка, сформированных на добровольной основе З. Даутоковым-Серебряковым еще в августе 1918 г. Власть белых продержалась в Нальчикском округе до марта 1920 г. Созданные ею структуры военной и гражданской администрации функционировали, в том числе, и благодаря добровольному и широкому участию в последних представителей коренного населения. Деникин в своих «Очерках русской смуты» подчеркивал, что Кабарда, как и Осетия присоединились к белым «сразу и добровольно, созвали вскоре национальные съезды, избрали правителей и советы, установили вполне благоприятные отношения с главноначальствующим и особым совещанием» [Деникин 1925: 121]. Бекович-Черкасский, возглавивший деникинскую администрацию в Кабарде в должности Правителя (учреждена в январе 1919 г. для обозначения высших политических лиц в горских округах Терской области), контролировал ситуацию на подведомственной территории, опираясь, по преимуществу, на собственные силы, благодаря чему удалось сформировать из местного населения Кабардинскую конную дивизию (шесть полков), подавить очаги краснопартизанского сопротивления, а также реализовать некоторые мероприятия в хозяйственной и культурной сферах.

В отличие от Кабарды, в соседних Чечне и Ингушетии местные администрации при белых, возглавляемые также бывшими офицерами царской армии, Правителями Алиевым и Мальсаговым, происходившими из влиятельных горских фамилий, осуществляли свою власть номинально, поскольку подавляющая часть населения этих округов вела крупномасштабные боевые действия с белогвардейскими частями.

Так почему же в пределах территориально крошечной по меркам Российской империи Терской области с ментальной и культурной близостью населяющих его народов белая власть столкнулась в случае вайнахов с ожесточенным сопротивлением, а в случае Кабарды получила относительно спокойный тыл? Какие факторы повлияли на лояльность части кабардинцев деникинскому режиму?

Особенности социальной структуры.

К. Бутаев – видный советский политический, общественный деятель, современник революционных событий на Северном Кавказе в своих мемуарах отмечал следующее: «К концу 1917 г. горцы были достаточно напитаны национальными тенденциями. Но сквозь национальную пелену были видны отдельные группы, интересы которых вот-вот столкнуться. Как в Кабарде, так и в Осетии единой национальной физиономии уже не было. Гражданский мир на основе национальных интересов как там, так и здесь уже давал значительные трещины. Наоборот, в Ингушетии и Чечне сохранилась национальная физиономия и гражданский мир. Здесь приходилось говорить пока что со всем народом. Если за революцию – то весь народ, если против – тоже весь народ. Только отдельные непримиримые элементы возвышались над массой, как яркие контрреволюционеры, или с другой стороны, как яркие революционеры» [А ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 31. Л. 14–15].

Описания Бутаева отчетливо отражают специфику революционного периода в Кабарде, заключающуюся в том, что в отличие от чеченцев и ингушей, имеющих в сложившихся условиях общую повестку, кабардинцы оказались разобщены на противоборствующие лагеря и помимо решения общих задач национального возрождения здесь развернулась борьба за власть между традиционной сословной элитой и обозначившими свои политические амбиции представителями крестьянства и духовенства.

На эти обстоятельства, кроме Бутаева, указывали и непосредственные участники гражданской войны в регионе. Лидер большевистского движения в Чечне Н. Гикало в своей речи на одной из региональных партийных конференций 1925 г. говорил следующее: «...Кабарда как раз оказывается тем народом, где феодализм принял достаточно большие формы. ...Кабардинский народ восстал и особенно уже в 20-е г. почти поголовно вырезал князей... Это говорит о том, что в Кабарде пошла другая борьба, пошла борьба против феодализма, против князей... И борьба в Кабарде отличается от борьбы среди других горцев тем, что она жесточайшая, глубочайшая борьба» [А ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7. Л. 132]. Деникин в своих мемуарах также обращал внимание на сословную составляющую гражданского противостояния в Нальчикском округе: «Большая Кабарда... выставила против большевиков отряд сначала в две сотни, потом разросшийся до бригады конницы под начальством ротмистра Серебрякова (Зурбека Даутокова-Серебрякова. – О.Ж.) – представителя кабардинских узденей (дворянства). В то же время представитель «кабардинского пролетариата» пастух Катханов на советские средства сформировал отряд из кабардинцев-большевиков, понесший вскоре поражение в бою с Серебряковым» [Деникин 1991: 169].

Обострившиеся в Кабарде в ходе революции социальные противоречия были обусловлены тем, что среди народов Терской области именно кабардинцы выделялись разветвленной сословной структурой. Будучи трансформированной в

ходе социально-экономических преобразований в регионе, эта структура в общих чертах, все же сохранилась к началу XX века. К. Чхеидзе в своих описаниях дореволюционной Кабарды отразил это положение: «Кабардинцы в социальном отношении делятся на: 1 – князья, их не много, пять-шесть фамилий: Атажукины, Эльбездуковы, Мисостовы, Карамурзины, Наурузовы, Докшукины; 2 – высшее дворянство, три фамилии: Куденетовы, Анзоровы и Тамбиевы; 3 – обыкновенное дворянство – кабардей-ворки, их вместе с двумя первыми разрядами до 25% населения; 4 – вольный народ и бывшие вольноотпущенники; 5 – народ просто, бывшие раньше в рабстве» [Чхеидзе 2008: 53].

Соответственно, четверть населения Кабарды, представленная выходцами из княжеских и дворянских фамилий, автоматически оказывалась в оппозиционном большевикам лагере. Он, к тому же пополнился многочисленным зажиточным крестьянством, бывшими офицерами царской армии, интеллигенцией. То есть чуть ли не половину населения Кабарды можно было отнести в соответствии с большевистскими классовыми критериями к категории «социально-чуждых» советской власти «элементов». Все перечисленные слои были подвергнуты различного рода репрессиям – от реквизиции собственности и лишения избирательных до арестов и расстрелов. При этом большевики старались мобилизовать для своих деяний местное «социально-близкое» население, представленное малоимущим крестьянством, что им отчасти и удалось.

В этих условиях для ущемленных советской властью слоев населения Кабарды, белая власть виделась единственной силой способной противостоять большевикам, положить конец провоцируемому ими хаосу и вернуть прежний, пусть далеко и не идеальный, но порядок. Тем более, что попытка организовать антибольшевистскую борьбу с опорой на собственные ресурсы, что выразилось в движении З. Даутокова-Серебрякова, завершилась, в условиях численного и материального превосходства северо-кавказской Красной армии, неудачей. Отныне продолжение этой борьбы для кабардинцев было возможным лишь в составе Белой армии.

На территориях, занимаемых Добровольческой армией Деникина, в том числе и в Кабарде, все декреты и распоряжения советской власти отменялись, будучи признанными противозаконными, возвращалось прежнее законодательство. Соответственно, все пострадавшие при большевиках лица в Кабарде получили возможность восстановить свои частновладельческие права, вернуться к полноценному участию в общественно-политической и хозяйственной жизни округа. В то же время в притесненном положении в Кабарде оказались сторонники советской власти, представлявшие низшее духовенство и малоимущие слои крестьянства, которые заняли должности в сельских, участковых, окружных администрациях (советах), получили в пользование земельные участки, реквизированные у частных собственников.

Теперь от этих благ приходилось отказываться и компенсировать неустойку вернувшимся владельцам за пользование их участками [Улигов 1979: 218]. Кроме того многие жители кабардинских селений, участвовавшие в разграблении дворянских имений и частных хозяйств в период большевистской анархии, были обложены штрафами в пользу пострадавших. Подобная ситуация обостряла социальную конфронтацию. В условиях, когда притесненная при белых пробольшевистски настроенная часть кабардинского социума не желала терять полученные от советской власти преференции, остальная его часть была заинтересована в сохранении деникинского режима как гарантии неприкосновенности своих групповых интересов.

Национальные интересы.

Ровно в той же мере как поддержка чеченцами и ингушами в определенный период «русской смуты» отвечала их национальным интересам, лояльность

Кабарды деникинскому режиму отвечала национальным интересам Кабардинцев. Участие горцев Терека в борьбе за советскую власть мотивировалось, прежде всего, ожиданиями разрешения остро стоящего земельного вопроса. Как известно, большая часть земельного фонда региона, включавшего наиболее пригодные для распашки участки, сосредоточилась по результатам Кавказской войны в руках Терского казачества. В этих условиях многим горским хозяйствам приходилось вступать в арендные отношения с казаками, и часто арендные условия оказывались неподъемными для горцев, что порой выступало триггером межнациональных конфликтов в области [Гугов 1975: 143]. Пребывающие в стесненном материальном положении по причине малоземелья горцы – чеченцы, ингуши, часть осетин, балкарцы являлись подходящей социальной базой для утверждения в регионе советской власти. Этот мощный ресурс большевики умело использовали для подавления антисоветского восстания Терских казаков (июль-ноябрь 1918 г.). В свою очередь горцы оказали действенную поддержку советской власти, передавшей им часть казачьих земель и пообещавшей широкую национальную автономию.

Кабарда, в отличие от своих соседей, была в целом обеспечена землей, даже несмотря на значительные территориальные потери времен Кавказской войны. Как и к терским казакам, к кабардинцам приклеился ярлык «народа-помещика», хотя земельные владения первых были несравненно обширней, а последним в определенные хозяйственные циклы приходилось выпасать скот на полях соседней ставропольской губернии. Тем не менее, после провозглашения советской власти в Терской области малоземельные горские народы наделялись помимо казачьих, также и кабардинскими землями. Это обстоятельство послужило одним из решающих факторов организации в Кабарде антибольшевистского движения, деятели которого координировали свою борьбу с восставшими терскими казаками. Антибольшевистские круги Кабарды удерживавшие власть в округе в августе – ноябре 1918 г. признали незаконными решения Терской чрезвычайной земельной комиссии об отторжении части кабардинских территорий и на специально созванном народном съезде вынесли постановление об их возвращении [Кажаров 1999: 49–50].

После поражения антисоветского восстания на Тереке, как было отмечено выше, кабардинские повстанческие отряды под командованием З. Даутокова-Серебрякова отступили на Кубань и влились в ряды Добровольческой армии Деникина. Последний не признавал никаких преобразований советской власти, в том числе и земельных, всколыхнувших Терскую область. Соответственно заняв регион, он восстановил, существовавшие здесь до октябрьского переворота административные границы горских округов и казачьих отделов. Этот шаг, конечно же не делает Деникина реставратором «старых царских порядков», ущемляющих горцев, как это представляла советская историография. В этой связи заметим, что и отстаивающий интересы коренного населения региона, демократический «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана», также не покушался на перекройку сложившихся до революции административных границ в целях разрешения остро стоящего земельного вопроса, рассмотрение которого откладывалось до Учредительного собрания.

Таким образом, кабардинцы в период властвования в регионе белых могли не опасаться потери своих территорий, что выступало одним из факторов их лояльности деникинскому режиму.

Теперь рассмотрим, каким образом в условиях деникинского режима соблюдались интересы кабардинцев в сфере их автономистских устремлений, что так же являлось важной повесткой революционного периода для всех горцев Северного Кавказа. Не пытался ли Деникин подавить эти устремления и вернуться к имперской стратегии в национальном вопросе в регионе? Исследователь белого

движения на юге России В. Цветков отмечает по этому поводу: «Общепринятым в советской историографии был тезис о великодержавности, реакционности национальной политики белого движения на Юге России. В соответствии с этим и политика в отношении горских народов считалась основанной исключительно на силовом варианте подавления любых стремлений к автономии. Однако неправомерно было бы считать, что белая власть в своей политике на Кавказе не стремилась к миру, к максимально возможному в рамках единой России уступкам горской самостоятельности. В сравнении с порядком государственного управления, сложившегося на Кавказе во второй половине XIX в., это было заметным шагом вперед. Горцам предоставлялось право избрания своих правителей на съездах, гарантировалось сохранение шариатского права и суда, создание местного самоуправления, разрабатывались земельные законопроекты, призванные обеспечить право горцев на землю даже за счет частичной передачи им казачьих земель» [Цветков 1997: 70–71].

Административные преобразования, проведенные белой властью в регионе, способствовали росту этнического самосознания народов Северного Кавказа. В составе образованного Терско-Дагестанского края были выделены четыре национальных округа – Кабардинский, Чеченский, Ингушский и Осетинский. То есть, в названия горских административных единиц была возвращена этническая компонента, выведенная из официального употребления после завоевания региона в середине XIX в.

Лидер белого движения на юге России в своих трудах подчеркивал, что в период пребывания региона под его управлением «горские племена пользовались полнейшей самостоятельностью. Единственной государственной тяготой для них была платная поставка продовольствия расположенным в их районах войскам и обязанность выставлять в действующую армию боевые части сообразно численности своего населения». В качестве иллюстрации к этому утверждению Деникин приводил правителя Кабарды Т. Бековича-Черкасского, который получив уведомление о необходимости согласовывать грузоперевозки в Кабарде с краевой властью ответил, что «Кабарда есть самостоятельное административное управление, и оно лишь может запретить им разрешить перевозку грузов по своей территории» [Деникин 1925: 115, 119].

О возможностях автономии кабардинцев в вопросах внутренней жизни свидетельствуют и архивные документы, в частности переписка правителя Кабарды с белыми властями. Стремясь повысить раскрываемость преступлений в Терской области деникинская администрация обратилась к Бековичу-Черкасскому с предложением организовать в Кабарде отделения уголовного розыска, на что последний ответил отказом, сославшись на то, что подобные учреждения не приживутся в специфической горской среде [УЦГА АС КБР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 44. Л. 22].

Деникин открыто декларировал лояльное отношение белой власти к национально-религиозной специфике горского социума. В Ростове был образован Мусульманский центр и приняты его положения: «Все мусульманские народы России: черкесы, кабардинцы, осетины, ингуши, чеченцы, дагестанцы... являются равноправными членами семьи народов Российского государства, им открыты пути для культурного и экономического развития» [ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 97. Л. 68–70].

Национально-освободительное движение коренного населения Северного Кавказа в годы революции развивалось не только в союзе с большевиками против казачества, но и в союзе с белой армии против, собственно, большевизма, который не имел повсеместной поддержки в регионе. К. Чхеидзе указывал на неприятие в горской среде «...проповеди насилия, разрушения, отвержение религиозных и семейных устоев, ненависти ко всему личному, национальному – словом, хаоса, который представляли собой большевики» [Чхеидзе 2008: 45].

А. Деникин, утверждая свою власть на Северном Кавказе, учитывал активизировавшиеся на революционной волне процессы национального самоопределения горских народов. Уже предвидя крах белого движения в начале 1920 г. и желая заручиться поддержкой горцев в сдерживании Красной армии, он даже пообещал последним признать независимость Северного Кавказа до созыва Общероссийского Учредительного собрания.

Формы автономии, предложенные Деникиным, конечно, выглядели ограниченными на фоне большевистских лозунгов о праве наций на «самоопределение, вплоть до полного отделения». Однако предоставляемая советской властью национальная автономия во многом носила декларативный характер. Внутренняя жизнь горских народов при большевиках жестко контролировалась, регламентировалась и координировалась центральной властью. Для Кабарды советская автономия, к тому же, оборачивалась потерей важных структурообразующих групп населения, представленных дворянским сословием, зажиточным крестьянством, национальной интеллигенцией, религиозными деятелями что, как показали дальнейшие события, негативным образом отразилось на возможностях культурного, духовного и общественно-политического развития оставшейся части социума. В условиях же деникинского режима сценарии отрицательной селекции не имели место, что послужило дополнительным мотивом лояльности к последнему в кабардинской среде.

Таким образом, Кабарда, в отличие от соседних национальных округов, оказалась для Деникина менее проблемным регионом в плане лояльности белой власти. Этому способствовали следующие факторы. Во-первых, социальная структура кабардинцев с ее сословной иерархией, доминирующей дворянской компонентой не вписывалась в большевистскую стратегию утверждения в регионе, предполагавшую опору на малоимущее крестьянство. В связи с этим, представители высших сословий и зажиточного крестьянства Нальчикского округа, автоматически оказавшиеся в оппозиции советской власти и подвергшиеся репрессиям поддержали Деникина, как единственную в России силу, способную противостоять большевикам и не покушавшуюся, в отличие от последних, на сословные привилегии и частную собственность.

Во-вторых, помимо защиты групповых интересов, с Деникиным в Кабарде связывали и отстаивание общенациональных, так же погранных большевиками. Прежде всего они были затронуты передачей части кабардинских территорий соседним горским народам в ходе разрешения земельного вопроса в Терской области. Деникин не признавал легитимность советских преобразований, в том числе и перекройку границ административных единиц региона, что явилось одним из факторов лояльности кабардинцев (также как и терских казаков, пострадавших в результате земельного передела) белой власти

Источники и литература

1. А ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
2. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
3. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 495 с.
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин: Слово, 1925. 244 с.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. С. 169
6. Кажаров В.Х. Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.

7. Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 354 с.

8. УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

9. Цветков В.Ж. Забытые страницы «второй кавказской войны» // Белая гвардия. 1997. № 1. С. 70–71.

10. Чхеидзе К.А. Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков: Гражданская война в Кабарде. Нальчик: Кавказская здравница, 2008. 120 с.

DENIKIN'S REGIME IN KABARDA: FACTORS OF LOYALTY

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, Associate Professor, Researcher of the New History Section of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The establishment of the power of A. Denikin in the national districts of Tersk Oblast, on the one hand, as in the case of Chechnya and Ingushetia, was accompanied by strong popular armed resistance, on the other, as in the case of Kabarda, was supported by a large part of the population. The reasons for this support were the subject of a review of this article. In this regard, attention is drawn to the peculiarities of the social structure of the Kabardians, an important element of which was the higher classes that dominated various spheres of society, which was not observed in the Vainach environment. It is noted that the persecution and infringement of the economic rights of the Kabardin nobility by the Bolsheviks, as socially hostile to the Soviet power of the group, prompted him to join A. Denikin, who guaranteed the preservation of class privileges and stood on the guard of private property.

The need to protect national interests is considered to be an important factor in the loyalty of the Kabardinians to the white authorities. It is concluded that the solution of the land issue by the Bolsheviks in the Tersk region, during which part of the territories of the Kabardians were transferred to small-earth mountain peoples, motivated the latter to support the white movement. It is noted that A. Denikin did not recognize the transformation of Soviet power, including the redrawing of administrative boundaries on Terek, which was in the interests of the Kabardinians

Keywords: Terek region, Kabarda, Soviet power, Denikin's regime, Bolsheviks, national autonomy, revolution.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-22-28

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТАХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ У КАБАРДИНЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Гугова Марина Хабасовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), gugowa@mail.ru

В статье рассматриваются трансформации повседневной культуры двух народов Центрального Кавказа – кабардинцев и балкарцев, исторически объединенных земельными, хозяйственными, административными, социальными и культурными факторами совместной жизнедеятельности. Целью работы является определение места архаических регуляторов в процессе трансформаций материальной культуры, семейных ценностей, половозрастной иерархии. Научный метод, выбранный для предпринятого анализа – гендерный подход, это обусловлено тем, что российское покорение Северного Кавказа сопровождалось трансформациями гендерной идеологии, пренебрежением к местным «имиджам маскулинности» и их постепенным низвержением. Основной вывод видится в следующем: наиболее заметные изменения в культуру повседневности кабардинцев и балкарцев на рубеже XIX–XX вв. внесли экономические преобразования, связанные с земельным переделом и миграционными процессами. На традиционные модели маскулинности и феминности оказали решающее влияние революция и гражданская война, социалистическая модернизация и политика женской эмансипации. В конце 20-х гг. XX в. наряду с отходом от новой экономической политики и ужесточением государственной политики в экономической и идеологической сферах, произошел резкий поворот от мирного сосуществования с традиционными институтами к политике их полного вытеснения из повседневной жизни кабардинцев и балкарцев.

Ключевые слова: модернизационные процессы, повседневность, Северный Кавказ, гендер, традиционное общество, женщина, кабардинцы, балкарцы.

С середины XIX в. горские общества Кавказа испытывали изменения, вызванные чередой исторических событий, обусловивших их постепенную модернизацию: 1. завершение Кавказской войны и включение края в состав Российского государства существенно изменили этнический состав населения Северного Кавказа, следствием чего стала интенсификация культурных взаимовлияний; 2. существенную роль в катализации процесса перехода кавказских горцев от традиционного уклада жизни к новым социально-экономическим отношениям сыграли реформы 1863–1869 гг.: земельная, крестьянская, административная, судебная, военная. Ускорение модернизации северокавказского общества связано с революциями 1917 года, гражданской войной и становлением советской власти.

Цель написания статьи состоит в прослеживании изменений в повседневной культуре двух народов Центрального Кавказа – кабардинцев и балкарцев, исторически объединенных земельными, хозяйственными, административными, социальными и культурными факторами совместной жизнедеятельности, и определении места традиционных регуляторов в процессе трансформаций материальной культуры, семейных ценностей, половозрастной иерархии.

Научный метод, выбранный для предпринятого анализа – гендерный подход. Это обусловлено тем, что российское покорение Северного Кавказа сопровождалось трансформациями гендерной идеологии, пренебрежением к местным «имиджам маскулинности» и их постепенным низвержением. Это пренебрежение состояло в том, что, признавая привлекательность кавказского, в частности, черкесского мужского образа жизни, и перенимая внешние его составляющие: костюм, вооружение, манеру поведения – колонизаторы создавали некую «иерархию маскулинностей колонизируемых народов... Коренные народы классифицировались как «более мужественные» или «менее мужественные»... В дальнейшем для противопоставления завоевателя и аборигена использовался набор символов превосходства и неполноценности. Так политика колонизации применяла один из способов оправдания своего предназначения «экспорта цивилизации в невежественный и дикий мир». «Темному» горцу противопоставлялся образованный европеец, необузданному и дикому хищнику – культурный и разумный военный специалист и т.д.» [Текуева 2006: 188].

Модернизационные процессы в экономике привели к появлению новых критериев маскулинности. «Образец сурового воина, проводившего жизнь в седле и пренебрегающего «черным» земледельческим трудом и торговлей, аскета, презирающего стяжательство и комфорт, постепенно смещается в сторону новых мужских ценностей: умение управлять хозяйством, выгодно торговать, работать на земле не покладая рук...» [Текуева 2006: 190]. Но были и сторонники такого рода изменений. Позитивный взгляд на трансформации сформулирован в афоризме известного кабардинского народного певца Ляши Агнокова: «Чем мечом рубящий, [лучше] на гармони играющий / Чем плетью грозящий, [лучше] борозду проводящий» [Налоев 2000: 13–14]. В этом изречении содержится революционное социальное обобщение. Ляша Агноков сумел зафиксировать реалии нового исторического периода, требующего перестановки акцентов с мужского идеала воина на культивирование образа мирного труженика, для которого необходимы были бы те же специфические мужские качества физической силы, выносливости, сдержанности и пр. Изменилась идеологическая нагрузка на носителей этих качеств. Время требовало адаптации к изменившимся политическим условиям и социальным отношениям [Текуева 2006: 191].

Но все же, в обществе были еще сильны патриархальные представления о роли мужчины в семье и обществе. Например, в революционных событиях 1917 года и в Гражданской войне очень быстро возрождаются качества традиционной маскулинности. Во всех противоборствующих лагерях востребованными оказались военные навыки, агрессия и культ силы – универсальные составляющие мужского портрета [Текуева 2003: 110]. Проявления ренессанса милитаризированной маскулинности наглядно иллюстрируют некоторые элементы повседневного поведения мужчин, характерного для обыденности тех лет. Так, в ноябре 1917 года современники, не без иронии отмечали, что «все портняжки мастерские были завалены заказами по пошиву черкесок, и сугубо «гражданские лица», примеряя черкески, тут же нашивали на них погоны полковников, ротмистров и др.» [АИГИКБНЦРАН. П. 22. Л. 3].

Но окончание Гражданской войны и установление советской власти привели традиционный адыгский институт наездничества к полному исчезновению и резко изменили представления о «мужественности» и «женственности». Под влиянием классово-идеологических ориентиров новой власти формируется новый культурно-антропологический тип «горца-колхозника», «горца-интеллигента», «советского человека». Вместе с тем новая власть полностью не отказывается от опыта традиционного общества и в рудиментарной форме элементы, например, прежних мужских союзов используются в организации сельскохозяйственных станков, кошевых объединений колхозного типа, бригадах косарей и т.д.» [Текуева 2006: 193].

Одним из главных последствий модернизационных процессов в кабардинском и балкарском обществах является женская эмансипация. Изменения в гендерном статусе женщин связаны, в первую очередь, с мероприятиями советской власти. Провозглашение равноправия полов привело к включению женщины в публичную сферу образования, труда и политики.

В традиционном обществе особенности социально-культурного поведения кабардинки и балкарки во многом определялись нормами этикета. Взаимоотношения между мужчинами и женщинами характеризовались полным и беспрекословным подчинением мужчине и в то же время уважительным и справедливым отношением к женщине. Мужчина в семейной иерархии стоял выше женщины. Об этом говорят и адаты, которые на протяжении веков регулировали почти все стороны жизни общества. Обычное право кабардинцев и балкарцев четко отражало социально-правовой статус всех социальных групп общества, включая и гендерный аспект. Обычное право кабардинцев и балкарцев в вопросах наследования имущества учитывало только мужчин [Ладыженский 2003]: прямыми наследниками признавались сыновья, при отсутствии сыновей наследниками становились братья умершего или его племянники. Т.е. недвижимость обязательно должна была остаться в распоряжении рода, передаваясь в случае отсутствия сыновей, по боковой линии [Правовые нормы... 1997: 174–175]. Но со второй половины XIX века женщины стали в некоторых случаях обращаться к нормам шариата, претендуя на выделение части наследственного имущества после смерти отца или мужа [Першиц, Смирнова 1998: 81]. Но, соглашаясь с тем, что мусульманское право направленно защищает имущественные интересы женщины по сравнению с адатом, и, учитывая большую степень свободы кабардинских женщин в сравнении с соседними народами, вывод о положительном влиянии шариата на положение женщины в Кабарде и Балкарии представляется недостаточно обоснованным реальными фактами [Текуева 2006: 144]. Кроме того, в конце XIX века, при решении имущественных споров обращались, хотя и редко, и к российскому законодательству, по которому женщины имели право на наследство наравне с мужчинами [Меретуков 1987: 57].

Слабый процесс экономической эмансипации женщин в регионе можно связать с экономическими же причинами разрушения патриархальной общины и большой семьи, связанными с крестьянской реформой 1863–1869 гг. При перераспределении земли по подымному, а не по подушному принципу большая семья вынуждена была выделять из себя нуклеарные ячейки, в которых трансформировались хозяйственные связи и экономические обязательства, в том числе и по отношению к овдовевшей невестке. В условиях разрушения семейно-общинной собственности и некоторого ослабления родственной солидарности, необходимо было оговаривать имущественные права женщин, не полагаясь на обычное право. Готовыми нормами, к которым народы региона были адаптированы, явились нормы шариата [Текуева 2006: 146].

Кардинальные же трансформации гендерных отношений, связанные с социальными ролями женщин и мужчин, произошли после установления советской власти в регионе в 20–30-х годах XX века. Новая власть, решая проблемы эмансипации женщин, начала с корректировки «части традиционных и обрядовых пережитков, так или иначе затрагивавших статус женщины: калым, многоженство, выдача замуж несовершеннолетних и т.д.» [Шоранова 2010: 16–17]. Первыми мероприятиями в этом процессе стало принятие общественных постановлений по запрету калыма и умыкания девушек (такие решения с конца XIX в. принимались неоднократно, но практически не исполнялись). Уже в мае 1918 г. Нальчикский окружной народный Совет поставил вопрос об ограничении суммы калыма до 1000 рублей независимо от социального статуса девушки. Для большей эффективности принятого решения предписывалось признавать брак недействительным,

если эфенди или мулла совершали обряд бракосочетания с нарушением данного условия или без согласия на брак девушки, а сам служитель культа навсегда отстранялся от должности [Гугова, Дзагов 2013: 146].

В 1921 году в Кабарде и Балкарии был наложен полный запрет на калым и похищение девушек. Новая власть считала калым «пережитком старины» и считала недопустимым явлением «торговлю свободными женщинами». А умыкание напрямую связывалось с распространением кровной мести на почве этих похищений, которая уносила «массу ни в чем не повинных жертв, и поэтому подобным явлениям не должно быть места в кабардинском и балкарском обществах» [ЦДНИ КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 17. Л. 79], для чего местным властям предоставлялись особые полномочия. Так, по Уголовному кодексу РСФСР 1922 года Центральные комитеты отдельных республик и национальных областей имели право дополнять УК статьями, преследующими за преступления, составляющие пережитки местных обычаев [Гугова, Дзагов 2013: 147]. А «пережитками» представители власти могли объявить все традиции и обычаи, не отвечавшие интересам новой идеологии. В этом смысле показательна практика большевиков писать историю «с чистого листа, сняв с себя и возложив на царский режим всю ответственность за проституцию, сиротство, инвалидность, неравенство», т.е. «...всем без исключения проблемам присваивался статус пережитков царизма и капитализма, тяжкого наследия прошлого, для преодоления которого необходимо лишь изменить характер собственности («освободить труд») и перевоспитать человека, направить массы, добиться становления нового этноса» [Лебина и др. 2007: 60].

В 1924 году наказания за бытовые преступления (похищение женщин, многоженство, принуждение к вступлению в брак, брак с несовершеннолетними, кровная месть) в национальных республиках и областях были приведены к единообразию. Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О дополнении Уголовного, Уголовно-процессуального и Земельного кодекса» были предложены дополнения, принятые и утвержденные в последующем Облисполкомами [ЦГА КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 374. Л. 44–46].

Согласно статьям 194 и 195 десятой главы Уголовного Кодекса РСФСР предусматривались меры по предотвращению кровной мести и ведению расследования убийств. За уплату или принятие калыма предусматривалось лишение свободы до одного года и штраф. Похищение женщины каралось лишением свободы до двух лет. И самое главное: дела о преступлениях, согласно новым дополнениям Уголовно-процессуального кодекса, возбуждались по факту без жалобы потерпевшей.

Итогом проводимых мероприятий по созданию правовых основ равноправия горянки и идеологической пропаганды является ломка традиционного сознания горцев. Естественно, заметные изменения в обыденном сознании требуют внутреннего импульса к трансформациям и долгого времени. Но советская власть, революционно меняя все сферы бытия человека, достигла определенных успехов и в сфере модернизации менталитета кабардинцев и балкарцев. Перемены эти покажутся более наглядными, если применить методы микроистории. Интересный документ, отражающий с одной стороны, заметные изменения в общественном сознании кабардинцев и балкарцев, с другой – традиционализм, как реакцию на модернизацию, хранится в фондах Центрального государственного архива КБР. Это Акт, подписанный 5 мая 1921 года в Нальчике представителями Большой Кабарды, Балкарии и русского населения Кабардинского округа для предотвращения кровомщения: «...Обсуждали вопрос об убийстве гражданина сел. Неурожайного Хамата Максидова гражданином села Арик Уля Геургиевым на почве похищения первым сестры Геургиева с целью взять ее в жены... Мы нижеподписавшиеся, заручились честным словом коммуниста и гражданина т. Казгери Максидова, брата убитого Хамата Максидова, не мстить кровнику за убийство брата, в чем он на сем и дает свою подпись, ибо мщение является позором для культурного человека

и может породить целый ряд убийств и, следовательно, гибель ни в чем не повинных жизней... Довести об этом до сведения граждан Малой Кабарды и ее райсполкома с предложением последним обсудить затронутый вопрос и немедленно примерить обе стороны» [Текуева 2006: 12]. Следует отметить, что Казгери Максидов впоследствии возглавил судебную систему Кабардино-Балкарии, и можно предположить, что ему было нелегко отказаться от традиционных общественных установок и не воспользоваться своей властью для мести.

В 20-х гг. XX в. в местной печати стали появляться публикации, где обсуждали вопросы частной жизни и отношений между полами [Карахалк 1924]. Не вдаваясь в подробности публикаций, косвенно отражающих распространенность и многочисленность подобного рода явлений в обществе, отметим, что уже сам факт возможности публичного обсуждения круга вопросов, что казалось совершенно недопустимым в традиционном обществе, говорит об изменениях в общественном сознании кабардинцев и балкарцев.

Но все же традиционные стереотипы относительно гендерных отношений и ролей в обществе были еще очень сильны. Об этом говорит, например, статистика обращений в суд по поводу бытовых преступлений. Даже в случаях изнасилования «в силу страха перед общественным мнением девушки редко обращались в суд» [Текуева 2008: 308]. Здесь сказывалась и низкая юридическая грамотность, многие попросту не знали о своих правах [Соколова 1927: 27].

В 1926–1928 годах в КБАО (без Нальчикского округа) было зарегистрировано 1606 преступлений, из которых только 48 бытовых или 3 % от общего числа преступлений. При этом необходимо учитывать, что по УК РСФСР от 1924 г., дела по бытовым преступлениям возбуждались по факту, без обращений в суд или другие правоохранительные органы.

Одним из важных составляющих эмансипации женщин является их вовлечение в общественную жизнь [Анчабадзе 2012; Мамсилов 2004; Сабанчиева 2016]. Но женщина-горянка оказалась совершенно не готова к такому повороту. Традиционные стереотипы не допускали ее к активному участию в общественной жизни. Понимая и учитывая это, местные партийные организации в начале 20-х гг. XX в., как правило, проявляли особую сдержанность и пассивность в отношении признания прав женщин на публичную деятельность. С одной стороны, коммунисты являлись главами традиционных семейств с сильными патриархальными устоями, с другой – именно на них возлагалась задача «решения женского вопроса». Амбивалентность такого положения затрудняла модернизационные процессы в повседневной жизни. Так, в справке отдела работниц горянок Кабардино-Балкарского областного комитета партии в 1922 году говорится, что «сами коммунисты считают предосудительным участие своих жен в общих собраниях и сходах... Женская молодежь, хотя и тянется за комсомолом, но, зачастую боясь насмешки того же коммуниста, от нашего влияния уходит» [ЦГА КБР. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 374. Л. 142].

На первом совещании секретарей коммунистических и комсомольских ячеек Кабардинской области, состоявшемся 17 июня 1922 года и посвященном «отсутствию всякой работы среди женщин, выступил мулла, он же секретарь комячейки, который заявил, что он, как коммунист и мулла, готов вести борьбу за самое широкое раскрепощение женщин открыто, на основе Корана» [ЦДНИ КБР. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 17. Л. 80]. Очевидно, открытие для женщин публичного пространства зависело, в первую очередь, от изменения менталитета мужчин. Стремясь к организации «женского движения» в нужном для нее идеологическом русле, партия должна была нейтрализовать влияние других идеологических систем, в том числе, религию и традиционные институты общественных отношений.

Итак, важнейшим фактором социалистической модернизации семьи и семейного быта было раскрепощение горянки, подразумевавшего изменение положения женщины в правовой и экономической сферах. В 1929 году началась компания за предоставление женщинам «формально – права, а фактически – обязанности активно

участвовать в сельскохозяйственных работах, заниматься тяжелым мужским трудом (управлять плугом, трактором, комбайном и т.д.) В широких слоях населения эта компания поддержки не получила: женщины неохотно шли в подобные колхозные бригады, а в ряде случаев их просто не пускали мужа. Использование принудительных мер привело к тому, что к концу 30-х годов уже существовали бригады плугарок, трактористок» [Бабич 1995: 93].

Это оказало определенное влияние и на повседневный крестьянский уклад – более консервативную сферу жизни, в особенности, в период коллективизации, которая внесла коренные изменения в хозяйственный быт крестьянских семей, трудовая деятельность которых теперь перешла в сферу общественного производства, где семья не утратила производственные функции, но перестала быть основной производственной ячейкой крестьянского общества [Смирнова 1983: 176].

В начале 20-х гг. XX в. политика модернизации общественной и повседневной жизни столкнулась с определенными проблемами и в организации светского образования, особенно среди женщин. Светские школы должны были способствовать распространению знаний и подготовке национальных кадров (проводников нового сознания в этнокультурную среду кабардинцев и балкарцев), но оказались в конфликте с традиционной системой народного воспитания, гендерных статусов и отношений. Неприятие новой системы образования было связано в основном с самой формой образования. В частности, совместное обучение мальчиков и девочек являлось одним из факторов, препятствовавших популяризации советских школ.

Таким образом, наиболее заметные трансформации в культуру повседневности кабардинцев и балкарцев внесли экономические преобразования во второй половине XIX в., связанные с земельным переделом и миграционными процессами. Ренессанс традиционных моделей маскулинности: культура силы, агрессии, образа воина – произошел в период революции и гражданской войны. Политика эмансипации женщин имела огромное значение для модернизации повседневной жизни населения Кабарды и Балкарии: расширение границ женской сферы деятельности от усадебного хозяйства до общественного производства изменили бытовой уклад и обыденное сознание всех социальных групп. В конце 20-х гг. XX в. наряду с отходом по всей стране от новой экономической политики и ужесточением государственной политики в экономической и идеологической сферах, произошел резкий поворот от мирного сосуществования с традиционными институтами к политике их полного вытеснения из повседневной жизни кабардинцев и балкарцев.

Источники и литература

1. АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра. Ф. 2. Оп. 2.
2. Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2012. 339 с.
3. Бабич И. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М.: Российская государственная библиотека, 1995. 128 с.
4. Гугова М.Х., Дзагов Р.Н. Изменения в традиционной системе гендерных отношений кабардинцев и балкарцев // Известия КБНЦ РАН. № 6. Т. 1. 2013. С. 144–150.
5. Карахалк. 1924. № 410.
6. Ладыженский А.М. Адагы кавказских горцев/Подготовка текста и комментарии И.Л. Бабич // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. Вып. 18. 208 с.
7. Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 21–67.

8. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик: Эльбрус, 2004. 326 с.
9. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е гг. XX века). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 380 с.
10. Налоев З.М. К биографии джегуако // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 2000. Вып. 3. С. 13–14.
11. Першиц А., Смирнова Я. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 81–88.
12. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. / сост. Х. Думанов, Ф. Думанова. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1997. 187 с.
13. Сабанчиева Л.Х. Гендер в социально-политических процессах в Кабардино-Балкарии (20-е гг. XX в. – начало XXI в.). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. 156 с.
14. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983. 265 с.
15. Соколова О. Новый этап (К итогам III Краевого съезда женщин) // Революция и горец. 1927. № 2. С. 20–27.
16. Текуева М.А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии // Социальная история. Ежегодник. 2008. СПб.: Алетейя, 2009. С. 303–28.
17. Текуева М.А. Историко-правовые и культурные аспекты статуса адыгской женщины // Исторический вестник. Нальчик, 2006. № 4. С. 142–167.
18. Текуева М.А. Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик: Эль-фа, 2006. 260 с.
19. Текуева М.А. Назир Катханов: штрихи к политическому портрету // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2003. № 1. С. 109–123.
20. ЦГА КБР – Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской Республики.
21. ЦДНИ КБР – Центр документации новейшей истории КБР. Ф. Р-3. Оп. 1.
22. Шоранова З.В. Гендерное равенство в культурно-историческом развитии народов Северного Кавказа: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2010. 21 с.

THE QUESTION OF GENDER ASPECTS OF MODERNIZATION PROCESSES IN THE KABARDINIANS AND BALKARS IN THE LATE 19th AND FIRST THIRDS OF THE 20th CENTURY

Gugova Marina Khabasovna, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), gugowa@mail.ru

The article deals with the transformation of everyday culture of the two peoples of the Central Caucasus – Kabardians and Balkars. The aim of the work is to determine the place of archaic regulators in the process of transformations of material culture, family values, gender and age hierarchy. The scientific methods chosen for the undertaken analysis are a gender approach and ethnomethodology that studies everyday rules, norms of behavior, linguistic meanings within the framework of everyday social interaction. The use of a gender approach is due to the fact that the Russian conquest of the North Caucasus was accompanied by transformations of gender ideology, disregard for the local «image of masculinity» and their gradual overthrow. The main conclusion can be seen in the following: the most noticeable changes in the culture of the daily life of Kabardians and Balkars at the turn of the 19th and 20th centuries were the economic changes associated with the redistribution of land, migration processes and the penetration of capitalist elements into the local economy. The traditional models of masculinity and femininity were decisively influenced by revolution and civil war, socialist modernization and the policy of women's emancipation.

Keywords: modernization processes, everyday life, North Caucasus, gender, traditional society, the kabardians, the balkarians.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-29-35

УДК 94 (470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-36-48

ВОССТАНОВЛЕНИЕ АВТОНОМИИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ БАЛКАРСКОГО НАРОДА НА РОДИНУ В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Тетуев Алим Инзрелович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alim-tetuev@mail.ru

В статье на основе архивных материалов и воспоминаний очевидцев исследуются предпосылки и реализация восстановления автономии балкарского народа и в республике во второй половине 50-х годов XX века. Анализируются источники и литература по исследуемой теме. Проведена реконструкция основных этапов политико-правовой реабилитации балкарцев. Раскрывается деятельность партийных и государственных органов власти по организации подготовительной работы, направленной на восстановление упраздненной автономии балкарского народа и возвращения его на родину. Исследуются вопросы решения хозяйственных, жилищно-бытовых и социально-культурных проблем, связанных с возвращением балкарцев. Особое внимание уделяется истории создания новых колхозов и совхозов, строительства школ, лечебных учреждений и клубов. Рассматриваются проблемы реинтеграции балкарцев в общественную и политическую структуры республики.

Ключевые слова: балкарский народ, память, восстановление автономии, возвращение, адаптация, труд, образование, культура.

Во второй половине 1950-х гг. после XX съезда КПСС начался процесс реабилитации депортированных народов. В начале были сняты ограничения в правовом положении спецпоселенцев, затем, после восстановления национальной автономии, балкарцы, калмыки, карачаевцы, чеченцы и ингуши вернулись на историческую родину. Для полной реадаптации реабилитированных народов, в том числе балкарцев, требовалось решение проблем социально-экономического обустройства. Изучение и осмысление исторической памяти о восстановлении автономии балкарского народа и социально-экономическом обустройстве в Кабардино-Балкарии, является актуальной проблемой и имеет научное и практическое значение.

По исследуемой теме опубликованы сборники документов «Реабилитация народов и граждан 1954–1994» [Реабилитация 1994], «Реабилитация: как это было...» [Реабилитация 2000]. В указанные сборники включены реабилитационные документы народов и граждан с 1953 по 1994 гг. Особый интерес представляет сборник «Час испытаний: депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа» [Час испытаний 2001]. В сборник вошли документы, иллюстрирующие восстановление национальной автономии балкарского народа, возвращение на родину и социально-экономическое обустройство в Кабардино-Балкарии.

Отдельные аспекты возвращения на историческую родину и социально-экономической адаптации освещаются материалами сборников воспоминаний «Реквием», «Человек непобедим: к 70-летию депортации балкарского народа», «Балкария: депортация, свидетельствуют очевидцы» и др. [Реквием 1996; Человек

непобедим 2014; Котляровы 2015]. Память о восстановлении и социально-экономическом обустройстве балкарцев широко представлена и в воспоминаниях, опубликованных в республиканских газетах и журналах. В частности, в газетах «Кабардино-Балкарская правда», «Заман», журнале «Минги Тау» ежегодно на русском и карачаево-балкарском языках публикуются материалы, посвященные трагическому событию в истории балкарского народа. Обращение к теме депортации породило целый пласт выселенческого эпоса в художественной словесности.

Таким образом, рассматриваемая тема нашла отражение в различных источниках. Вместе с тем, в изучении указанной проблемы остается много до конца не исследованных вопросов, которые нуждаются в уточнении путем проведения дополнительной работы с архивными документами и воспоминаниями бывших спецпереселенцев.

В данной статье исследуется отражение в исторической памяти проблемы восстановления автономии балкарского народа и его социально-экономического обустройства в Кабардино-Балкарии во второй половине 50-х годов XX в.

Смягчение режима спецпоселений и определенные перемены в судьбах репрессированных народов наступили сразу же после смерти Сталина. Первым правовым актом в этом плане явилось постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев», которое предусматривало работающим спецпереселенцам правом передвижения в пределах данной области края, республики, а по служебным командировкам – в другие города страны на общих основаниях [Реабилитация 1994: 21, 22]. Из-под административного надзора и с учета снимались дети спецпоселенцев в возрасте до 10 лет включительно, а также дети старше 16 лет, обучавшихся в учебных заведениях. Им разрешался выезд к месту учебы в любой регион страны. Однако проведенное освобождение лиц моложе 16 лет в значительной степени было условным: ведь дети, хоть и были сняты с учета, но продолжали жить со своими родителями, находившимися на спецпоселении.

Важное значение в изменении правового статуса репрессированных народов имели постановление Совета Министров СССР от 10 марта 1955 г. «О выдаче спецпоселенцам паспортов», а также распоряжение Совета Министров СССР от 23 марта 1955 г. «О призыве некоторых категорий спецпереселенцев на военную службу», согласно которому подлежали призыву на действительную военную службу спецпоселенцы, родившиеся в 1936 г. [Реабилитация 2000: 260].

Следующим актом по освобождению из-под административного надзора органов МВД и снятию с учета спецпоселения стало постановление Совета Министров СССР «О снятии с учета некоторых категорий спецпереселенцев» от 24 ноября 1955 г. С учета были сняты участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами медалями СССР, члены семей погибших на фронтах Великой Отечественной войны и преподаватели учебных заведений [Реабилитация 1994: 22, 24]. Однако указанное постановление не распространялось на членов их семей. Поэтому Совет Министров СССР 12 марта 1956 г. принял постановление «О дополнительном снятии с учета некоторых категорий спецпоселенцев». В этом документе указывалось: «...снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов Министерства внутренних дел СССР членов семей участников Великой Отечественной войны, членов семей, лиц, награжденных орденами и медалями Советского Союза, и членов семей преподавателей учебных заведений, распространив на них пункты 2 и 4 постановления Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 года» [Час испытаний 2001: 296, 297]. В указанных пунктах было установлено, что снятые с учета могут проживать в любом пункте страны, кроме той области (края,

автономной республики), где они проживали до выселения. Жилые дома и другие помещения, принадлежавшие освобожденным из спецпоселения по прежнему местожительству до выселения, возвращению не подлежат. Кроме того, МВД СССР был обязан обеспечить строгое соблюдение паспортного режима лицами, освобождаемыми из спецпоселения (выделено – А.Т.).

Указанные нормативные акты давали надежду на дальнейшую реабилитацию депортированных народов. Подтверждением этому служит письмо К.С. Отарова (участник Великой Отечественной войны, Член Союза писателей СССР) о возвращении балкарцев, направленное 10 декабря 1955 г. Первому секретарю ЦКПСС Хрущеву Н.С., членам Президиума ЦК КПСС Булганину Н.А. и Ворошилову К.Е. [Реабилитация 1994: 24–26].

Переломное значение для депортированных народов имел XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г. [Известия 1989: 151, 152, 165]. На нем с закрытым докладом «О культе личности и его последствиях» выступил Н.С. Хрущев. Впервые высшим должностным лицом страны была дана оценка совершенному Сталиным и его ближайшим окружением беззаконию в отношении репрессированных народов. Выселение балкарцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев и ингушей и других народов Н.С. Хрущев назвал «грубым попранием национальной политики советского государства». XX съезд партии предложил возродить незаконно упраздненные национальные автономии. Решения съезда имели огромное значение для судеб депортированных народов, способствовали проведению ряда мероприятий, направленных на восстановление исторической справедливости.

28 апреля 1956 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР (далее – ПВС СССР) «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны» [Реабилитация 1994: 24–26]. Но это еще не было полным восстановлением их прав. Пунктом 2 указа было установлено, что снятие ограничений по спецпоселению с лиц, перечисленных в статье первой настоящего указа, не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют право возвращаться в места, откуда были выселены. При этом с «освобождаемых» спецпоселенцев брались расписки о том, что они не претендуют на возвращение конфискованного имущества и что им нельзя возвращаться в те места, откуда были выселены (выделено – А.Т.).

16 июля 1956 г. аналогичным Указом ПВС СССР были сняты ограничения по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев.

Тем не менее, многие представители репрессированных народов, в том числе и балкарцы, истосковавшиеся по родным местам, стихийно массами возвращались домой. Однако их не прописывали и поэтому они с большими трудностями устраивались на работу. Так, например, Исхак Гиляхов, участник Великой Отечественной войны вернулся в апреле 1956 г из Киргизии в с. Белая Речка. В своих воспоминаниях он отмечал: «...В основном все дома в селах Хасанья, Белая Речка были разрушены, а в сохранных домах жили местные. Поэтому те, кто приехал раньше жили в палатках или на съемной квартирах.. Я снял в родном селе две комнаты за оплату 50 руб. в месяц в доме, где до выселения проживала семья Тачи Созаева... В связи с отсутствием прописки в колхоз «Кенже» меня не приняли. Через некоторое время меня приняли на работу учителем в Лесную школу. ...На сессию депутатов сел Хасанья и Белой Речка, куда я был приглашен, официальные лица возмущались: «Кто Вам разрешил приехать? Почему Вы требуете возвращения домов, в которых жили до выселения? Уезжайте обратно ...» [Реквием 1996: 179–183].

Другой аналогичный пример: «В июне 1956 г. мы, пять семей, вернулись на родину. Но в родном селе Верхняя Балкария нам не разрешили поселиться.

За проживание без прописки в городе Нальчике меня штрафовали три раза на 50 и 100 руб. Мы приехали в с. Бабугент в лесхоз, где требовались рабочие. Нам на каждую семью выделили по землянке. Каждый день на пяти-шести ослах нам приходилось вывозить из чащи до десяти кубометров древесины, которую потом на машинах отправляли для изготовления бочек» [Человек непобедим 2014: 240, 241]. Приведенные воспоминания свидетельствуют о том, что местные органы власти КБР не были готовы принять всех приехавших на родину.

В связи с этим Кабардино-Балкарский обком КПСС принял постановление «О балкарцах, вернувшихся в Кабардино-Балкарскую АССР с мест поселения» от 15 мая 1956 г. В постановлении отмечалось: «...За последние несколько месяцев 1956 г. в Кабардинскую АССР вернулись 496 балкарцев (125 семейств). Все прибывающие балкарцы-спецпереселенцы отказываются покинуть Кабарду» [РГАНИ Ф. 5. Оп. 47. Д. 132. Л. 32–33; УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 707. Л. 1–3]. Учитывая, что к пребывающим балкарцам было нецелесообразно применять административные меры для выселения, а Кабардинская АССР имела возможность трудоустроить их, Кабардино-Балкарский обком КПСС за подписью секретаря обкома В. Бабича обратился 22 мая 1956 г. в ЦК КПСС с конкретными предложениями: «1. Разрешить трудоустроить и оставить в Кабардинской АССР прибывших и прибывающих балкарцев. 2. Выделить 1млн руб. для оказания помощи пребывающим балкарцам в строительстве жилых домов и приобретении скота» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 132. Л. 32–33].

Вместе с тем, в 1956 г. в партийные и советские органы Кабардинской АССР поступали письма от балкарцев, проживающих в Киргизии и Казахстане. Так, в июне 1956 г. было направлено коллективное письмо от балкарцев, проживающих в Киргизской ССР в Кабардинский обком КПСС, Президиум Верховного Совета и Совета Министров Кабардинской АССР с просьбой обратиться в ЦК КПСС по вопросу восстановления автономии балкарского народа [Час испытаний 2001: 319–320].

Учитывая это и сложившуюся ситуацию в республике Кабардинский обком КПСС, считал целесообразным осуществить организованное переселение всех балкарцев в Кабардинскую АССР. Поэтому бюро обкома КПСС, обсудив сложившуюся ситуацию, принял постановление «О балкарцах» от 9 июня 1956 г. В нем подчеркивалось: «1. Считать возможным возвращение балкарцев частично в места прежнего проживания с организацией новых колхозов и частью в кабардинские русские населенные пункты республики. 2. Просить ЦК КПСС при рассмотрении этого вопроса учесть необходимость выделения значительных денежных и материально-технических средств для трудового и бытового обустройства возвращающихся в республику балкарцев. 3. Поручить Совету Министров Кабардинской АССР (т. Тлостанову) в трехдневный срок подготовить предложения о порядке, сроках и пунктах расселения балкарцев и расчет средств, необходимых для полного устройства всех балкарцев с тем, чтобы внести этот вопрос в ЦК КПСС» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 56. Л. 67].

После приезда в конце августа 1956 г. в г. Нальчик очередной группы работников аппарата ЦК КПСС, в республике более активно начали заниматься вопросами возвращения балкарцев. Осенью 1956 г. в республику, по имеющимся данным, прибыло уже более 1600 семей балкарцев (8600 человек). С приближением холодов положение прибывающих могло только ухудшаться. В этой связи 3 сентября 1956 г. Кабардинский обком КПСС принял очередное постановление «О балкарцах». В документе содержалось поручение райкомам КПСС и горисполкомам... в месячный срок трудоустроить прибывших балкарцев преимущественно в колхозах и совхозах, и решить вопросы их бытового устройства [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 56. Л. 64, 68]. К этому времени были подготовлены необходимые документы, которые содержали сведения и расчетные данные о процессе переселения балкарцев.

После XX съезда КПСС заметно возрос поток писем от представителей депортированных народов с просьбой решить вопросы реабилитации и возвращения на родину. Такие коллективные обращения в Президиум Центрального Комитета КПСС направили 23 июля 1956 г. представители балкарского народа, писатель Ж.Ж. Залиханов направил письма Первому Секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву: 23 июля 1956 г. – о возвращении балкарцев на родину и 26 июля 1956 г. – о восстановлении государственности [Час испытаний 2001: 297–301, 319, 320, 323–326].

7 июля 1956 г. члены КПСС Ж. Залиханов, К. Уянаев, М. Цораев и обратились с письмом Первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву с просьбой принять их как представителей балкарского народа, находящихся на спецпоселении в Средней Азии и Казахстане*. Они были приняты Секретарем ЦК КПСС, членом Президиума ЦК Л.И. Брежневым. Во время беседы была высказана просьба о необходимости не только возвращения балкарского народа на родину, но и важности восстановления государственности [Час испытаний 2001: 320]. Указанные письма и просьбы, на наш взгляд, ускорили принятие официальных решений о восстановлении их упраздненной государственности.

В этой связи ЦК КПСС и Кабардинский обком КПСС начали изучать состояние населенных пунктов в Кабардинской АССР для расселения балкарского населения. В ходе выезда группы партийного аппарата ЦК КПСС в Кабардинскую АССР и ознакомления с состоянием бывших балкарских районов в Справке отмечалось, что балкарцы жили в 6 горных районах, в основном – в Черекском, Хуламо-Безенгиевском, Чегемском, Эльбрусском, а часть – в Нагорном и Лескенском районах [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 153. Л. 75–77; Час испытаний 2001: 310–312, 314, 315]. Подавляющая часть балкарских населенных пунктов, расположенных в высокогорных местах и состоявших из примитивных жилых и хозяйственных строений, остались незаселенными и были совершенно разрушены. Из 62 балкарских селений сохранились 18, жилых помещений – 2117 (23%), в том числе свободных только 49. Всего в Балкарии было 32 колхоза, которые имели земли – 514848 га, в том числе в присельских участках – 400817 га, из них: пашни – 6397 га, садов – 396 га, сенокосов – 53904 га, выпасов – 157268 га. Кроме того, в долгосрочном пользовании имелись на Куре – 6322 га пашни, на Нагорных пастбищах – 18603 га пастбищ и на Черных землях (Бажиган) 79000 га выпасов.

Наряду с этим комиссия ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР и МВД СССР, изучив условия жизни балкарцев в Казахстане и Киргизии, 17 сентября 1956 г. представила справку «О положении населения балкарской национальности». В документе констатировалось, что во второй половине 1950-х гг. в 54 районах и городах Казахстана и Киргизии проживало 7990 семей балкарцев, численностью 30446 чел. Из 19000 трудоспособных в народном хозяйстве были заняты 12700 чел., остальные были заняты в различных организациях и учреждениях [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 156. Л. 114–118]. На новых местах жительства балкарцы хозяйственно были обустроены. Из 6148 балкарских семей, проживающих в сельской местности, 4900 построили себе дома, а часть работающих в совхозах и МТС проживали в ведомственных квартирах; 4657 домохозяйств имели коров. Вместе с тем некоторые балкарцы испытывали материальные затруднения. Ими главным образом были престарелые, потерявшие своих кормильцев, вдовы фронтовиков. Балкарцы имели хорошую репутацию среди местного населения как трудолюбивые и добросовестные. Многие, особенно работающие в сельском хозяйстве, имели высокие производственные показатели. Благодаря трудовым достижениям спецпереселенцев стали ценить и выдвигать по деловым качествам. Между тем, большинство представителей

* К документу были приложены список подписавшихся на 22 листах.

интеллигенции не работали по специальности, лишь незначительная часть выдвигалась на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу. Председателями колхозов и промысловых артелей работали только 4 балкарца, депутатом райсовета избирался один человек, в состав горкомов и райкомов партии – 9 чел., в партийном аппарате балкарцы отсутствовали.

Председателями колхозов и промысловых артелей работали 4 балкарца, депутатом райсовета избирался один человек, в состав горкомов и райкомов партии – 9 чел., в партийном аппарате балкарцы отсутствовали.

Партийные и государственные органы Казахстана и Киргизии рассматривали выезд балкарцев из республик как нежелательный, так как они зарекомендовали себя как опытные специалисты в разных сферах народного хозяйства. В связи с этим для организации обучения на родных языках и развития национальной культуры был предложено создать национальные районы и сельские советы на территории в Киргизии и Казахстана. Так, на заседании ЦК КП Киргизии 15 августа 1956 г. при обсуждении вопроса о выполнении решения ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев» предлагалось создать национальные районы и сельские советы в местах компактного проживания выселенцев [УЦГА АС КБР. Ф. Р-774. Оп. 3. Д. 6. Л. 1–9, 15–19, 32, 46–49]. Однако балкарцы относились к этому отрицательно. Поэтому ЦК КП Киргизии и Совет Министров республики считали целесообразным проводить выезд балкарского населения на Северный Кавказ постепенно, чтобы это не отразилось негативно на результативности народного хозяйства региона.

Руководство Кабардинской АССР, Ставропольского края, и Астраханской области положительно относилось к возвращению бывших спецпоселенцев балкарцев, карачаевцев и калмыков, и ходатайствовало «ускорить принципиально решения этого вопроса, так как согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г. пребывание названных народностей на данной территории является незаконным» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 224–225]. Это положение вызвало большие затруднения, как с трудовым, так и хозяйственным обустройством прибывающих переселенцев.

Для стабилизации сложившейся ситуации в указанных регионах важную роль имело постановление ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» от 24 ноября 1956 г. [Реабилитация 1994: 44–49]. В нем предписывалось: восстановить национальную автономию указанных народов, определить сроки возвращения населения на родину 1957–1958, 1957–1960 гг. 11 февраля 1957 г. был принят Закон СССР «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов» [Реабилитация 1994: 44–50]. Значение этих документов в истории репрессированных народов трудно переоценить. Они подвели черту под тринадцатилетней ссылкой и стали правовой основой восстановления их государственности.

После принятия указанных нормативных актов, от представителей репрессированных народов стали поступать обращения в партийные и советские органы власти. Так, 10 марта 1957 г. представители балкарского народа, члены КПСС, слушатели шестимесячных курсов при ЦК КПСС, проживающие в Киргизии, обратились в ЦК КПСС и Совет Министров СССР с просьбой о решении некоторых вопросов, связанных с их возвращением на Кавказ [Час испытаний 2001: 404–406]. Выражая искреннюю благодарность за исправленную несправедливость, они высказали просьбы, от решения которых зависит судьба автономии балкарского народа: «...чтобы уцелевшие дома были освобождены и возвращены, ибо между вселившимися жильцами и хозяевами-балкарцами будут иметь место

неудовольствия; выдать каждой семье 5–7 тыс. руб. для переезда и восстановления разрушенных домов; выделить вновь организуемым балкарским колхозам 15 тыс. финских домов; выделить для восстановления основных фондов вновь создаваемых колхозов из неделимых фондов колхозов Казахстана и Киргизии, долю работающих в них колхозников-балкарцев; в связи с возвращением балкарцев на прежние места жительства их дома остаются без надзора и разрушаются. Оказать содействие в их приобретении заинтересованными колхозами, совхозами и предприятиями, учреждениями. Следует отметить, что основные проблемы, изложенные в письме, были учтены при подготовке документов, касающихся оказания помощи, возвращающимся представителям репрессированных народов, на историческую родину».

Партийные, советские, хозяйственные органы Кабардинской АССР провели большую работу по подготовке возвращения балкарцев. Кабардинский обком КПСС и Совет Министров Кабардинской АССР обратились 23 января 1956 г. в ЦК КПСС с предложениями по вопросам, связанным с переселением балкарцев в Кабардинскую АССР [Час испытаний 2001: 382–395]. В документе были изложены предложения, связанные с восстановлением границ Кабардинской АССР по их состоянию до депортации балкарцев. Из числа прибывающего балкарского населения в марте – мае 1957 г. 15 тыс. чел., в марте – сентябре 1958 г. – 20 тыс. чел. предлагалось организовать 19 новых колхозов и 2 совхоза. Общая сумма капиталовложений по работам, связанным с переселением балкарцев, по подсчетам руководства республики составляла на 1957 г. – 117,4 млн. руб., на 1958 г. – 128,4 млн. руб. и последующие годы – 64,1 млн. руб.

В связи с восстановлением Кабардино-Балкарской АССР обком КПСС 1 февраля 1957 г. обратился в ЦК КПСС с просьбой увеличить штат обкома КПСС кадрами на 6 чел. и контингент краткосрочных курсов по переподготовке партийных и советских кадров при обкоме КПСС на 20 человек [Час испытаний 2001: 396]. 16 марта 1957 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР приняло специальное постановление «Вопрос Кабардино-Балкарского обкома КПСС», в котором констатировалось: «Принять предложение Кабардино-Балкарского обкома КПСС об установлении штатов обкома КПСС в количестве 49 ответственных и 16 технических работников» [РГАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 22. Л. 139, 140–141].

Совет Министров РСФСР в целях дальнейшего развития хозяйства и культуры Кабардино-Балкарской АССР принял постановление «О мерах помощи Кабардино-Балкарской АССР» 25 февраля 1957 г. [Час испытаний 2001: 397–401]. Этот документ представляет собой своеобразную программу социально-экономического и культурного возрождения балкарского населения. Для исполнения указанного постановления бюро обкома КПСС и Совет Министров КБАССР приняли постановление «Об организационных мероприятиях по приему и размещению балкарцев, возвращающихся в республику в 1957 г.» [Час испытаний 2001: 406–425].

28 марта 1957 г. Верховный Совет СССР преобразовал Кабардинскую АССР в Кабардино-Балкарскую АССР.

Для координации перевозок возвращающегося балкарского населения и организации работы по их обустройству было создано переселенческий отдел Совета Министров Кабардинской АССР. В этих целях отдел совместно переселенческими управлениями и оргнабора рабочих РСФСР, Казахстана и Киргизии занимался организацией переселения и трудоустройства балкарцев и проводил через своих представителей среди них разъяснительную работу.

Переселение балкарцев осуществлялось в два этапа. Согласно информации переселенческого отдела Совета Министров КБАССР от 6 января 1958 г. на первом этапе в течение 1957 г. возвратилась (включая и прибывших до 1 января 1957 г.) 4671 семья в составе 19026 чел., в том числе 8305 трудоспособных. Всего

было трудоустроено 4500 семей, в том числе в колхозах – 3556, в совхозах – 540, на промышленных предприятиях – 396, в учреждениях – 179.

Семьи были размещены в свободных домах из числа бывших балкарских – 152, купленных за счет личных средств домах – 852 и временках – 143, построенных за счет личных средств домах – 1155 и временках – 484. В сельской местности 4509 семьи получили земельные участки [УЦГА АС КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–4].

В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 12 апреля 1957 г. всем возвращавшимся семьям предоставлялся долгосрочный кредит: 10 тыс. рублей на семью для строительства жилья, до 3-х тыс. рублей на ремонт домов и 1,5 тыс. рублей на приобретение скота. К 15 декабря 1957 г. было выдано кредитов переселенцам на строительство или покупку домов 45,9% к плану, на приобретение коров, соответственно, 24,6% [УЦГА АС КБР. Ф. Р-774. Оп. 2. Д. 7. Л. 27]. Эти данные свидетельствуют о том, что значительная часть балкарцев не воспользовались возможностью получения кредита для строительства дома, так как он выдавался строительными материалами, которых на складах было недостаточно для всех желающих. Подтверждением этому служат и воспоминания многих возвратившихся, которые указывали, что дома строили в основном за счет собственных средств [Человек непобедим 2014].

Безусловно, этот процесс не был простым и безболезненным. Особенно напряженным был первый год возвращения – не хватало жилья, осложняло положение то, что после выселения балкарцев власти сочли нецелесообразным заселять высокогорные населенные пункты. Расположенные здесь жилые и хозяйственные постройки были переданы предприятиям и колхозам республики для использования в качестве строительных материалов. Селения Верхняя и Средняя Балкария, Безенги, Шики, Верхний и Нижний Хулам, Актопрак, Думала, Верхний Чегем, Булунгу, Чилмас и Верхний Баксан были практически разрушены.

В связи этими обстоятельствами Совет Министров КБАССР 11 июля 1957 г. направил письмо Совету Министров РСФСР, где разъяснялись причины приостановки переселения балкарского населения в Кабардино-Балкарию [Час испытаний 2001: 507–509]. В нем указывалось, что в соответствии с решениями Правительства РСФСР вместо 5 тыс. балкарских семей приняли 4545 в составе 18712 чел, в том числе трудоспособных 8032 чел., трудоустроено 6818, не трудоустроен 1214 чел. В республике создано 16 новых балкарских хозяйств, однако отсутствие скота в них не позволяет интенсивно использовать земельные угодья и рабочую силу. Значительная часть возвратившихся балкарцев находятся в крайне тяжелом состоянии, так как все расходы, связанные с дальним и длительным переездом из Казахстана и Киргизии, производился за их счет. Из общего числа 4545 семей ввиду отсутствия жилья 3964 семьи должны построить дома за собственные средства, так как, согласно инструкции, Сельхозбанк не выдает кредит наличными. Кроме того, в письме указывалось, что колхозы не имеют достаточного количества техники и строительных материалов. В связи с вышеизложенным, Совет Министров КБАССР обратился с просьбой разрешить: Совету Министров КБАССР произвести поставку организуемым колхозам 17 тыс. голов крупного скота, 30 тыс. овец и коз, 1600 рабочих лошадей в течение 1957–1958 гг. в счет обязательных поставок натуроплаты и госзакупок мяса из существующих колхозов республики через скотозаготовительные организации; выдавать ссуды на строительство домов наличными. Дополнительно выделить 1500 тыс. руб. для оказания единовременной помощи остро нуждающимся семьям в пределах до 500 руб., 50 грузовых автомобилей, 45 тракторов тягачей, строительные материалы для строительства жилья.

Рассмотрев письмо, Совет Министров РСФСР 13 августа 1957 г. принял постановление «Об оказании единовременной помощи семьям балкарцев,

возвращающихся в Кабардино-Балкарскую АССР» [Час испытаний 2001: 522]. В документе указывалось: уменьшить на 1957 г. колхозам Кабардино-Балкарской АССР план закупок на 2000 тонн, выделить: Совету Министров КБАССР для оказания единовременной помощи семьям балкарцев, возвращающимся в республику, дополнительно 500 тыс. руб. в счет сметы Переселенческого управления и оргнабора рабочих РСФСР и 300 тыс. руб. из бюджета республики, а также из резерва Совета Министров РСФСР 10 пилорам, 10 тыс. тонн гвоздей. Кроме того, Роспотребсоюз был обязан обеспечить не позднее 20 октября 1957 г. поставку лесных и строительных материалов, выделенных для продажи колхозам и населению КБАССР на 1957 г. Принятые решения создали условия для социально-экономического развития балкарских колхозов.

Подготовка ко второму этапу переселения балкарцев началась во второй половине 1957 г. В партийные и советские органы страны и республики поступали сотни писем с просьбой разъяснить порядок переселения, размещения и др. Так, переселенческий отдел Совета Министров Кабардинской АССР, рассмотрев обращение А.А. Агтоева, жителя с. Григорьевское Иссык-Кульской области Киргизской ССР, сообщал: «Возвращение всех остальных будет проведено в организованном порядке в апреле, мае, июне 1958 г. Балкарцы будут заселяться по районам прежнего местожительства. При переселении (эшелонами) везите с собой домашние вещи, хлеб (зерно), картофель и обязательно весь домашний скот. Удостоверение на проезд будут выдаваться командированным к Вам инспектором переселенческого отдела Совета Министров Кабардинской АССР» [Час испытаний 2001: 519].

Много писем было по вопросам возвращения домов, в которых проживали до выселения. Например, И.Б. Чабдаров, старший лейтенант, летчик – испытатель, обратился 16 августа 1957 г. в ЦК КПСС с заявлением: «В 1945 г. после окончания войны я был демобилизован из Красной армии и направлен в распоряжение Министерств авиационной промышленности, где и работаю в настоящее время в качестве летчика испытателя на заводе. Прослужил более 20 лет на летной работе, в данное время ухожу на пенсию и имею желание с семьей жить на родине в собственном доме в с. Белая Речка, принадлежавшем по наследству мне, который после выселения в 1944 нашей семьи, был передан известковому заводу. Я обращался в Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР с заявлением о возврате мне моего дома, однако положительного результата не получил. Я обращаю Ваше внимание на то, что я не был спецпереселенцем и *Указ Президиума Верховного Совета СССР (от 28 апреля 1956 г. – уточнение А.Т.)*, на который ссылается Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР, не может быть распространен на меня. Поэтому прошу дать указание о возврате мне моего отцовского дома» [Час испытаний 2001: 526–527]. Тем не менее органы государственной власти, ссылаясь на нормативно-правовые документы, не удовлетворили просьбу И.Б. Чабдарова.

Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР 27 января 1957 г. обратился в Министерство путей сообщения с просьбой: «В соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР и ЦК КПСС в марте 1958 г. начинается организованное балкарцев в Кабардино-Балкарскую АССР из Казахстана и Киргизии. Для перевозки балкарского населения, их имущества и скота требуется в марте, апреле и мае 3194 крытых вагона назначением ст. Нальчик Орджоникидзевской железной дороги. В разрезе дорог требуется: Ташкентской железной дороге – 442, Туркестано-Сибирской жел. дороге – 2377, Карагадинской – 375 вагона. Просим Вас дать указание начальникам указанных дорог о своевременном предоставлении указанного количества крытых вагонов, согласно прилагаемой заявке, в указанные сроки» [Час испытаний 2001: 587].

Одновременно в республике приходилось решать и проблему внутреннего переселения, так как после выселения балкарцев отдельные селения были заняты

местным кабардинским населением. При этом подавляющее большинство прибывающих балкарских семей размещались в тех местах, где они жили до вселения. В этих условиях кабардинцы, проживающие в с. Гунделен, обратились в Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР с просьбой «разрешить им переселиться из бывшего балкарского села в другое новое место в организованном порядке». Рассмотрев просьбу кабардинских семей о переселении, Совет Министров республики, считая это переселение целесообразным, 24 февраля 1957 г. обратился в Совет Министров РСФСР с просьбой о разрешении переселения кабардинцев в пределах республики и распространения на эти семьи всех льгот, предусмотренных Постановлением Совета Министров СССР от 22 января 1958 г. № 96 [УЦГА АС КБР. Ф.Р-774. Оп. 2. Д. 21. Л. 7]. Получив разрешение, Совета Министров республики, поручил отделу переселения и оргнабора рабочих республики оказать помощь в планировке нового места поселения и руководство переселением. В 1958 г. 500 кабардинских семей из села Гунделен переселились в с. Заюково.

Весной 1958 г. началось организованное переселение балкарцев, оставшихся в Казахстане и Киргизии. Всего в 1957–1959 гг. возвратились на историческую родину 9335 балкарских семей*, общей численностью 35823 человека [Час испытаний 2001: 769]. По состоянию на 1 июля 1960 г. жили в свободных домах из числа бывших балкарских – 102, купленных за счет личных средств – 1612, построенных за счет личных средств – 3992, коммунальных – 1059, во временках – 1312, в условиях подселения в домах местного населения – 1258, строят дома – 945 семьи [УЦГА АС КБР. Ф. Р-1025. Оп. 2. Д. 239. Л. 237–240]. Тем не менее, по воспоминаниям, возвратившихся все дома, в которых они жили до выселения, выкупали у живущих там жильцов. Это подтверждается воспоминаниями Зои Хульчевой, Даулета Атабиева, Зои Мусукаевой, Елены Гигашвили [Котляровы 2015: 11, 49, 110, 104]. К примеру, бывший спецпереселенец Касым Акаев вспоминал: «...Как это можно забыть? Я сам видел на стене дома моих родителей объявление «Дом продается». Живущие в нашем доме «новые хозяева нам сказали, что если Вы не купите, то мы продадим другим... Конечно, были вынуждены выкупить свой дом по названной цене» [Реквием 1996: 296, 297].

Возвратившиеся балкарцы были трудоустроены: в колхозах (5291 семья), совхозах (2420 семей), на предприятиях и учреждениях (1624 семьи).

В сельских районах расселения балкарского населения были созданы 13 колхозов и 3 совхоза, за которыми было закреплено 45 103 гектара сельскохозяйственных угодий, в том числе 10 310 гектаров пашни, 386 гектаров садов и свыше 30 тысяч гектаров сенокосов и выпасов. Значительную материальную помощь балкарским колхозам оказало государство. За 1957–1960 гг. они получили от государства 43,9 млн. руб. ссуды на капитальные вложения. На индивидуальное жилищное строительство и хозяйственное устройство переселенцы получили 36,7 млн. руб. [УЦДНИ АС КБР Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1313. Л. 1–10].

Кроме того, значительная помощь вновь организуемым балкарским колхозам была оказана кабардинскими и русскими колхозами республики. Они безвозмездно передали балкарским колхозам 145 рабочих лошадей, 36 волов, большое количество мелкого рогатого скота, а также 82 брички, 175 комплектов обозной сбруи, сотни центнеров зерна, картофеля и технических культур.

Большая работа проведена по культурно-бытовому устройству балкарского населения, благоустройству старых и новых населенных пунктов. Для строительства домов инвалидам Отечественной войны и труда, не имеющих трудоспособных членов семьи, а также семьям погибших воинов было выделено

* На 1 января 1960 года в Казахской и Киргизской ССР оставались 1084 балкарских семьи, которые по разным социально-экономическим и другим причинам пожелали пока не возвращаться.

государством в 1957–1960 гг. 3,8 млн. руб., за счет которых построено 199 домов, 41 – строились. При этом следует отметить, что при назначении размера денег на индивидуальное строительство некоторые райисполкомы распределяли в основном по 3–5 тыс. руб. на одного инвалида, а также семьям, погибших воинов, тем самым не было возможности обеспечить строительство за счет выделенных средств [УЦГА АС КБР. Ф. Р-774. Оп. 1. Д. 10. Л. 4–6].

Для оказания единовременной материальной помощи балкарским семьям было отпущено 4,5 млн. руб., из них 1 млн. руб. в 1959 г. Более 2 тыс. семей получили из этих денег безвозмездную денежную помощь. Вместе с тем были допущены серьезные недостатки и нарушения в использовании государственных средств, выделенных на хозяйственное устройство балкарского населения. Так, в постановлении бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС от 15 апреля 1959 г. отмечалось, что выявлены факты, когда единовременная денежная помощь выдавалась материально обеспеченным лицам и неоднократно. В Зольском районе из 600 семей, которым оказана помощь, 53 семьи были материально обеспечены. В Чегемском 21 семье, Советском 9 семьям выданы пособия свыше 1 тыс. руб., причем большинство из них являлись семьями ответственных работников. В результате отсутствия контроля со стороны председателей Зольского, Советского, Эльбрусского райисполкомов допущена растрата средств в сумме 8980 руб. Имелись нарушения и в использовании государственных кредитов, отпускаемых колхозам на приобретение скота, машин, строительство и другие нужды. В этой связи в постановлении бюро обкома партии указывалось: «Обязать руководителей райкомов и райисполкомов, министерств финансов и Госбанк Кабардино-Балкарской республики принять срочные меры к устранению выявленных недостатков и нарушений, усилить контроль за правильным использованием средств, отпускаемых государством на оказания единовременной денежной помощи остро нуждающимся переселенцам и на строительства жилых домов инвалидам войны и труда из числа балкарского населения, возвратившегося в республику» [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1313. Л. 1–10].

В балкарских селениях было построено или восстановлено 16 школ на 3460 мест, 4 клуба, 4 детских сада, 14 предприятий торговли и общественного питания, строятся 3 больницы и 2 Дома культуры. В райцентрах Чегемского и Советского районов построены пекарни. Введена в строй первая очередь Советской ГЭС. Электрифицировано 19, радиофицировано и телефонизировано 26 балкарских селений [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1105. Л. 141–144].

Особое внимание уделялось развитию народного образования, культуры и искусства. В каждом населенном пункте открылись общеобразовательные школы. Возобновили работу балкарская труппа драматического театра и студии радиовещания. С января 1957 г. начали выходить на балкарском языке альманах «Шуехлукъ» и республиканская газета. Центральные и местные издательства на нескольких языках выпустили произведения основоположника балкарской художественной литературы Кязима Мечиева, а также ведущих поэтов и писателей – Кайсына Кулиева, Сайда Шахмурзаева, Берта Гуртуева, Керима Отарова, Жанакаита Залиханова и других.

Проводилась целенаправленная подготовка и выдвижение представителей балкарской национальности на партийные, советские и хозяйственные посты. В 1959 г. на номенклатурных должностях уже работало около ста балкарцев, а более пятисот человек были выдвинуты на различные руководящие должности среднего звена.

Важное значение придавалось подготовке кадров высшей квалификации. В Кабардино-Балкарском государственном университете на дневном отделении обучалось 215 балкарцев 80 балкарцев – выпускников средних школ были направлены вне конкурса в другие вузы страны.

Итоги проведенных реабилитационных мероприятий по народам Северного Кавказа были подведены на Всероссийском совещании в Нальчике, проходившем

25 апреля 1960 г. На совещании констатировалось, что в основном переселение, трудовое и хозяйственное устройство возвратившегося населения в автономные республики и области Северного Кавказа было завершено. При этом отмечалось что не в полном объеме было выполнено строительство объектов культурно-бытового и производственного назначения. Так, Кабардино-Балкарии до сих пор не были сданы в эксплуатацию 4 больницы и 2 клуба [ГАРФ. А-518. Оп. 1. Д. 15. Л. 45].

Таким образом, целенаправленная подготовительная работа партийных, советских и хозяйственных органов Российской Федерации, Кабардино-Балкарии, благожелательное, братское отношение к балкарскому народу со стороны кабардинцев, русских и других народов республики, их готовность протянуть руку помощи, позволили в короткие сроки решить многие проблемы по приему и обустройству людей.

Восстановление во второй половине 50-х гг. XX в. государственности репрессированных народов стало важной вехой в их социально-экономическом и культурном развитии, обусловило рост национального самосознания. Однако комплекс мер, принятых советским правительством в 50-е гг. XX в., не обеспечил полную политическую, социальную и территориальную реабилитацию и не снял полностью всех обвинений, предъявленных им на момент выселения. Только обновление советского общества в процессе его демократизации и формирования правового государства в 90-е гг. XX в. создали благоприятные возможности для полной реабилитации репрессированных народов.

Источники и литература

1. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
2. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.
3. Котляровы М. и В. Балкария: Депортация: свидетельствуют очевидцы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. 272 с.
4. Реабилитация народов и граждан 1954–1994. Документы / сост. И.И. Алиев. М.: ИЭА РАН, 1994. 304 с.
5. Реабилитация: как это было. Март 1953 – февраль 1956 гг. / сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М.: МФД, 2000. Т. 1. 960 с.
6. Реквием / С.И. Эфендиев, И.Х. Ахматов, Ж.М. Гузеев. Нальчик: Эльбрус, 1996. 384 с.
7. РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории.
8. УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.
9. УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.
10. Час испытаний: Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа: (Документы и материалы) / сост.: Б.М. Зумакулов и др. Нальчик: Эльбрус, 2001. 901 с.
11. Человек непобедим: к 70-летию депортации балкарского народа. Воспоминания и литературные произведения. На балкарском языке / сост. пред. и послесл. М.Х. Табакоев. Нальчик: Эльбрус, 2014. 600 с.

RESTORATION OF AUTONOMY AND RETURN OF THE BALKARIANS PEOPLE TO THEIR HOMELAND IN DOCUMENTS AND MEMORIES

Tetuev Alim Inzrelovich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Sector of Recent History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alim-tetuev@mail.ru

The article on the basis of archival materials and memories of eyewitnesses explores the prerequisites and realization of restoration of autonomy of the Balkarian people and socio-

economic development in the Republic in the second half of the 1950s. Sources and literature on the subject under study are analysed. Reconstruction of the main stages of political and legal rehabilitation of the Balkarian was carried out. The activities of the party and State authorities to organize preparatory work aimed at restoring the abolished autonomy of the Balkarian people and returning them to their homeland are described. The issues of solving economic, housing, household and socio-cultural problems related to the return of the Balkarians are investigated. Special attention is paid to the history of the creation of new collective farms and state farms, the construction of schools, medical institutions and clubs. Problems of reintegration of the Balkarians into the social and political structures of the Republic are under consideration.

Keywords: Balkarian people, memory, restoration of autonomy, return, adaptation, labor, education, culture.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-36-48

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В СЕРЕДИНЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг.

Кешева Зарема Мухамедовна, и.о. зав. сектором новейшей истории отдела исторических наук Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kesheva10@gmail.com

В статье исследуются вопросы, связанные с развитием художественной культуры народов Кабардино-Балкарии в период Перестройки. Актуальность темы обусловлена тем, что контексте основных вех российской истории новейшего времени присутствует преемственность в историко-культурной динамике советской и постсоветской России, и конечно Кабардино-Балкарии. В процессах развития культуры современного периода можно выделить два этапа: первый – 1985–1991 гг., связан с перестройкой общественного сознания, процессами демократизации. Второй – постсоветский, начавшийся с 1992 г., характеризуется построением новой концепции культурного развития. Важно проследить значимость каждого периода и его влияние на дальнейшую историю государства в целом и его субъектов в частности. Материалы СМИ и документы, извлеченные из архивов КБР позволяют осветить и углубить представления о развитии духовной культуры республики, выявить факторы влияния данного этапа на дальнейшую трансформацию этнокультурного пространства республики.

Ключевые слова: Перестройка, гласность, художественная культура, Кабардино-Балкария.

Государство и общество, определяя стратегии культурного развития в стране, исходят из потенциала своего культурного наследия, а также задач его сохранения и воспроизводства. Ресурсы культуры – это наиболее деятельная часть культурного и природного наследия, которую составляют достижения материальной и духовной (нематериальной) культуры, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства и науки. И в новых исторических условиях речь идет о поиске оптимальных условий и эффективных механизмов взаимодействия экономики, политики и культуры, от которых зависит не только целостность социального организма, но и его способность к выживанию в новых условиях. Центральной проблемой становится выбор приоритетов и определение стратегии культурной политики, способной сохранить специфику отечественной культуры и продуктивно использовать ее огромные ресурсы для поддержки тенденции совершенствования демократических институтов, расширение возможностей гражданского общества. Факт, что в Стратегии национальной безопасности страны (утвержденной Указом Президента РФ 12 мая 2009 г.) фигурирует фраза о «национальной безопасности в сфере культуры» говорит о том, что культуре придается стратегическое значение. Для выверенного определения перспектив развития духовной культуры народов России, очень важно проанализировать опыт предыдущих периодов для того, чтобы иметь возможность прогнозировать дальнейшую ситуацию.

В процессах развития культуры современного периода можно выделить два этапа: первый – 1985–1991 гг., связан с перестройкой общественного сознания,

стремлением к демократизации и гуманизации социалистической культуры. Постсоветский начинается с 1992 г. и характеризуется построением новой концепции культурного развития в рамках полиэтничного демократического общества.

Существуют две основные тенденции в развитии современного искусства Кабардино-Балкарии: первая – повышение интереса к историческому прошлому и как следствие – особый интерес к культурному наследию, фольклоризм и мифологизация искусства. Вторая – проблема выхода национального искусства из узких рамок традиционности. Период с середины 1980-х гг. до начала XXI века отмечен активизацией модернизационных процессов в развитии культуры народов КБР [Базиева 2010].

Различные аспекты духовной культуры народов Кабардино-Балкарии рассматриваемого периода исследовались в работах Х.Х. Хавпачева [Хавпачев 1999], Г.Д. Базиевой [Базиева 2010; Базиева 2013], Ф.С. Эфендиева [Эфендиев 1999], в коллективной монографии «Народы Северного Кавказа и культурная глобализация» [Народы... 2010]. Однако недостаточное внимание уделено влиянию КПСС на культурные процессы, а также тому, как в период ломки общественного сознания менялось отношение к культуре. Между тем, этот вопрос имеет важное значение, так как именно на этапе перехода от советской к постсоветской государственности закладывались основы государственной политики в области культуры.

К середине 1980-х гг. СССР под воздействием геополитического, информационно-технологического, социально-политического и экономического факторов столкнулся с жесткой необходимостью кардинальных перемен. После апрельского пленума ЦК КПСС 1985 г. в СССР начался сложный, противоречивый и непредсказуемый период Перестройки, который продлился до 1991 г. и привел в конечном итоге к развалу СССР. Впоследствии Горбачев, первый и последний президент СССР отмечал: «Было бы ошибкой считать, что буквально через месяц после Пленума ЦК в марте 1985 года внезапно появилась группа людей, все понимающих и все осознающих, и что эти люди во все проблемы внесли полную ясность. Таких чудес не бывает» [Горбачев 1987: 12].

Впервые термин «гласность» прозвучал в выступлении Горбачева на XXVII съезде КПСС. Гласность представлялась как обновление признанной повсеместно неугодной официальной идеологии, необходимым прикрытием для обновления кадров идеологического аппарата партии.

Слова «перестройка», «гласность», «демократия», «ускорение», прочно вошли в лексикон не только политиков, но и представителей культуры. Если в советский период культура, как один из важнейших рычагов пропаганды, находилась в руках КПСС, то теперь она постепенно стала высвобождаться из-под партийно-государственного контроля. Становятся доступными ранее не публиковавшиеся произведения, в СМИ появляются острые публицистические материалы. Начинается активное заполнение «белых пятен истории», благодаря рассекреченным ранее архивным документам.

Активные процессы, происходившие в политической, экономической, социальной жизни республики не могли не сказаться на развитии культуры Кабардино-Балкарии с середины 1980-х – до начала 1990-х. Внутри РСФСР также сильно было стремление автономных республик к изменению в своей политической и культурной жизни, привлечению центра к решению давно назревших проблем, отмечался рост национального самосознания. Появилось множество общественных организаций, которые на первых порах не затрагивали этнополитические проблемы, ограничивая сферу деятельности вопросом сохранения родных языков и культурным возрождением наций, к которым раньше применялся эгалитарный подход [Кешева 2005: 54].

В Кабардино-Балкарии подобную работу проводили общественные объединения кабардинского народа «Ашэмэз» и балкарский «Ныгъыш». «Ашамаз» был организован в 1985 г. в Нальчике по инициативе кабардинской творческой интеллигенции. Основной задачей любительского объединения было возрождение среди кабардинцев культуры и искусства адыгов. Основными задачами объединения являлись: содействие развитию общественно-политической и социальной активности жителей республики; пропаганда знаний, достижений национальной, отечественной и мировой культуры и искусства; участие в воспитании подрастающего поколения и т.д. Но постепенно приоритеты стали меняться и от решения проблем культурного развития «Ашамаз» перешел к решению проблем политических. В 1990 г. объединение «Ашамаз» стало массовой организацией, и было переименовано в общественную организацию «Адыгэ хасэ» [Кешева 2005: 54].

Формирование балкарского национального движения началось с создания кружка «Ныгъыш», который возник по инициативе творческой интеллигенции в 1984 г. Целью его деятельности являлось изучение и пропаганда истории, культуры, традиций и обычаев балкарского народа. В дальнейшем он перерос в одноименное общественное объединение «Ныгъыш». Оно с первых дней своего существования уделяло серьезное внимание не только изучению, но и оказанию содействия в возрождении и развитии различных жанров народного искусства и, прежде всего, танцевального. Однако в дальнейшем, от решения задач возрождения духовной культуры, организация перешла к постановке политических проблем и в мае 1990 г. «Ныгъыш» и самостоятельное формирование «Бирлик» путем слияния двух организаций создали единую общественно-политическую организацию «Тёре» (Балкарский форум) [Табаксов 2019].

На социально-политическую ситуацию в Кабардино-Балкарии в начале 1990-х гг. оказал влияние общероссийский кризис со всеми присущими ему атрибутами: спад экономического производства, безработица и т.д. Эти процессы проходили на фоне разраставшегося процесса гласности, активно декларируемой демократизации общества, всеобщей политической открытости. Начали формироваться новые отношения между бывшими автономными республиками и федеральным центром. Так, 30 января 1991 г. была принята Декларация о государственном суверенитете и изменено название с исключением слова «автономная». Спустя два месяца из названия республики были исключены слова «советская» и «социалистическая» [Кудаев 1999: 42].

Стремление к политической самостоятельности привело к провозглашению 17 ноября 1991 г. Республики Балкария и национального суверенитета балкарского народа. Созванный по инициативе «Адыгэ Хасэ» 10 января 1992 г. съезд кабардинского народа принял ответное решение о восстановлении суверенной Кабардинской Республики в пределах исторической территории кабардинского народа и создании постоянно действующего между съездами органа – Конгресса Кабардинского народа (ККН). Благодаря взвешенной политике властных структур КБР и конформистски настроенной части общества, республика смогла уйти от конфронтации, но политические события не могли не отразиться на социально-экономическом и культурном развитии республики.

Однако далеко не сразу после выступления Горбачева на апрельском пленуме ЦК КПСС 1985 г. в стране начались радикальные перемены. В середине 1980-х гг. еще велика была сила партийного контроля над культурой. В документе, подводящем итоги проведения в КБАССР смотра самодеятельного художественного творчества, посвященного 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне отмечается: «В соответствии с постановлением ЦК КПСС в период с октября 1983 года по май 1985 года в Кабардино-Балкарской АССР проходил смотр самодеятельного художественного творчества, посвященный

40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Решение о проведении Всесоюзного смотра самодеятельного художественного творчества было воспринято трудящимися и участниками художественной самодеятельности республики, как одно из ярких проявлений внимания и заботы Коммунистической партии и советского правительства о духовном росте и развитии художественной культуры советского народа» [УЦГА КБР. Ф. Р-517. Д. 84. Оп. 5. Л.Л. 210–212].

То есть можно сделать вывод о том, насколько велико было внимание КПСС к вопросам самодеятельного народного творчества. В 1980 г. в системе Министерства культуры КБР функционировало 1173 кружка художественной самодеятельности (21 973 участника); в 1985 г. – 1243 кружка (24 263 участника); в 1988 г. – 1852 кружка (38 721 участник). Таким образом, к концу 1980-х гг. интерес к участию в художественной самодеятельности был высоким, это можно связать с тем, что и положение в стране в 1980-е гг. было достаточно стабильным, влияние Коммунистической партии не подвергалось сомнению. В связи с тем, что партия контролировала положение дел в культуре, был ряд положительных аспектов. Нет сомнения в том, что без достаточной материальной базы не могло бы существовать ни одно учреждение культуры. И хотя для экономики СССР был характерен остаточный принцип финансирования социальной сферы, науки и культуры, коллективы художественной самодеятельности обеспечивались самым необходимым хоть и недостаточно, но регулярно.

Самодеятельные коллективы принимали участие в проведении массовых театрализованных представлений, в вахтах памяти, в фестивалях и конкурсах героико-патриотической и политической песни, тематических выставках. Повсеместно проходили концерты, посвященные победителям социалистического соревнования, производственным достижениям трудовых коллективов. Художественная самодеятельность Кабардино-Балкарской АССР была активно включена в движение борьбы за мир, организуя тематические праздники, театрализованные митинги, концерты с перечислением собранных средств в советский фонд мира [УЦГА КБР. Ф. Р-517. Д. 84. Оп. 5. Л.Л. 210–212].

Методы жесткого партийного контроля применялись к тем, кто недостаточно активно, по мнению партийного руководства участвовал в культурно-воспитательной работе. В постановлении Бюро Обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР о мерах по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 апреля 1986 г. «О мерах по дальнейшему улучшению концертной деятельности в стране и укреплению материально-технической базы концертных организаций» было отмечено, что средства массовой информации не проявляют должной активности в пропаганде достижений музыкальной культуры, формировании художественных потребностей советских людей. Принижена ответственность первичных партийных организаций художественных советов за формирование концертных программ, репертуара творческих коллективов, солистов. Медленно решаются вопросы укрепления материально-технической базы концертных организаций, подготовки творческих кадров для профессионального искусства. «В целях дальнейшего усиления роли музыкального искусства в идейно-эстетическом воспитании населения бюро обкома КПСС и Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР постановили, что Министерству культуры КБАССР, горкомам и райкомам КПСС, горрайисполкомам следует усилить координацию деятельности органов культуры, радио и телевидения, просвещения, образования, общественных организаций и творческих союзов по совершенствованию пропаганды музыкального искусства и массового музыкально-эстетического воспитания, формированию активной жизненной позиции, высоких идейных и нравственных качеств советских людей [УЦГА КБР. Ф. Р-517. Д. 84. Оп. 5. Л.Л. 210–212].

СМИ КБР так же активно освещали вопросы, связанные с развитием самодеятельного народного творчества. В 1987 г. праздновался 70-летний юбилей Октябрьской революции, этому событию было посвящено большое количество культурно-массовых мероприятий. В частности, II Всесоюзный фестиваль народного творчества. На страницах газет данное мероприятие широко освещалось. «В комплексе разносторонних мер по совершенствованию социально-культурной сферы Коммунистическая партия придает особое значение развитию самодеятельного народного творчества» – подчеркнула перед началом фестивального концерта в Нальчике председатель оргкомитета, заместитель Председателя Совета Министров КБАССР Е.М. Кимова Эпиграфом фестиваля стали слова «Пусть над нашей солнечной республикой звучат, не смолкая, величественные песни, прославляющие любимую Родину – Советский Союз, родную Коммунистическую партию, которая уверенно ведет нас к коммунизму» [КБП. 1986. 25 марта]. О том, какое значение придавали партийные и советские руководители развитию самодеятельности, свидетельствует присутствие на фестивальном концерте членов бюро Кабардино-Балкарского обкома КПСС, руководящих работников Совета Министров КБАССР, облсовпрофа и Министерства культуры КБАССР.

В начале 1990-х гг., после развала Советского Союза и утраты компартией руководящей роли, многие учреждения культуры пришли в упадок. Резко снизилось количество самодеятельных коллективов. Те, что выжили, не могли обеспечить себя костюмами, инструментами и т.п. Лишь к середине 1990-х гг. наступил период относительной стабилизации.

В конце 1980-х гг. изменения в духе реформ стали происходить и в профессиональных областях культуры и искусства. Наметились процессы стремления к большей самостоятельности. Правление Союза писателей Кабардино-Балкарской АССР 27 декабря 1989 г. обратилось к Первому секретарю обкома КПСС Е.А. Елисееву с просьбой рассмотрения вопроса о придании самостоятельного статуса журналам, выходящим на языках титульных народов республики. В объединенную редакцию журнала «Эльбрус» – органа СП КБАССР – входило три литературно-художественных и общественно-политических журнала, издававшихся на 3-х языках («Ошхамахо» – на кабардинском, «Минги-Тау» – на балкарском, «Эльбрус» – на русском), в объединенную редакцию детского журнала «Свет» – два журнала («Нюр» выходил на балкарском, «Нур» – на кабардинском языке). В письме отмечалось: «Нам представляется нецелесообразным формальное объединение журналов, выходящих на разных языках в одной редакции, положение, когда номера подписываются в печать главными редакторами, не владеющими балкарским языком («Минги-Тау» – П. Шевлоков, «Нюр» – П. Кажаров и заместителями главных редакторов, не знающими кабардинского языка («Ошхамахо» – И. Бабаев, «Нур» – Э. Гуртуев). Более того, все пять журналов имеют независимые друг от друга редакционные коллегии. Исходя из вышеизложенного, правление СП КБАССР просит решить вопрос о придании самостоятельного статуса журналам «Ошхамахо», «Минги-Тау», «Эльбрус», «Нур», «Нюр», что соответствует объективному положению дел в настоящее время» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 24. Л. 123].

В результате было принято решение о принятии предложения правления Союза писателей КБАССР о создании самостоятельных редакций журналов «Ошхамахо» (на кабардинском языке), «Минги-Тау» (на балкарском языке), «Эльбрус» (на русском языке), а также редакций детских журналов «Нур» (на кабардинском языке) и «Нюр» (на балкарском языке).

Однако многие деятели культуры Кабардино-Балкарии выступали против разобщения, разделения литератур, искренне переживая за сохранение родных языков и культуры. С. Гуртуев, балкарский поэт, переводчик и общественный

деятель, на VII съезде писателей РСФСР подверг критике ситуацию, сложившуюся в национальных литературах. Он отмечал: «...Мы сегодня вынуждены смотреть на центр не как на объединяющую силу всех лучших духовных возможностей России, а как на противоборствующую стихию двух начал, которые в конце концов приведут к падению общей культуры и каждой в отдельности. ...Складывается ситуация, когда из-за честолюбивой вражды в центре становится не до талантов и талантливых произведений в республиках и областях... Декларируя равноправие наций и народов страны, их языков, культур, литератур, на самом же деле в центре создавались невозможные для развития этих ценностей условия. Факультативы по изучению родного языка и литературы, истории родного народа и края в школах привели к прямому предательству духовных ценностей народов, создававшихся веками и служивших взвешенности во взаимоотношениях народов, любви к соседу, стремлению к познанию нравственных ценностей другого народа и на этой основе – воспитанию в себе уважения к ним, как к своим собственным» [КБП. 1991. 24 января].

Гуртуев заострял внимание на проблемах издания произведений национальных литератур, говоря о тех ухищрениях, к которым приходилось прибегать: «Наше издательство большую часть фондов бумаги расходовало на издание так называемых безгонорарных произведений для того, чтобы заработать на издание убыточных национальных книг. И того хуже – взрослая художественная литература, начиная с 1988 г., была снята с госзаказа, стало быть, и с Фондового обеспечения бумагой» [КБП. 1991. 24 января]. Далее Гуртуев предлагал прекратить разгосударствление полиграфических мощностей и бумажных комбинатов на территории РСФСР, так как это противоречило государственной политике развития культур народов России. Однако в формирующихся рыночных условиях, когда важнее стало получение прибыли, не окупающие себя, невыгодные в экономическом плане предприятия должны были выживать самостоятельно, лишившись стабильности из-за отсутствия госзаказов. Таким образом, ликвидация системы государственных заказов, приватизация и денационализация отрицательно сказалось на развитии национальных культур.

«Разделительные» тенденции эпохи перестройки коснулись и театральной сферы. 23 января 1990 г. в соответствии с принятой на Пленуме ЦК КПСС «Долгосрочной программой по совершенствованию межнациональных отношений, интернационального и патриотического воспитания населения в Кабардино-Балкарской АССР» республиканское министерство культуры внесло на рассмотрение вопрос об открытии самостоятельных Кабардинского и Балкарского театров на базе соответствующих трупп госдрамтеатра им. Али Шогенцукова. Это объяснялось тем, что производственно-технические цеха, предназначенные для одного театра, не обеспечивают в полной мере творческих возможностей двух трупп. При необходимости выпуска каждой труппой 6–8 спектаклей в год, театр вынужден ограничиваться 3–4-мя спектаклями в каждой труппе, что приводит к недостаточной творческой удовлетворенности. В результате, было принято постановление Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР «О создании самостоятельных Кабардинского и Балкарского государственных драматических театров на базе госдрамтеатра им. А.А. Шогенцукова». «В целях развития театрального искусства, улучшения условий деятельности творческих коллективов Кабардино-Балкарского государственного драматического театра им. А.А. Шогенцукова и в соответствии с долгосрочной программой по совершенствованию межнациональных отношений, интернационального и патриотического воспитания населения Кабардино-Балкарской АССР Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР постановляет: «Создать самостоятельный Кабардинский государственный драматический театр им. А.А. Шогенцукова и Балкарский государственный драматический театр

на базе госдрамтеатра им. А.А. Шогенцукова с правами юридических лиц, открытием расчетных счетов в учреждениях Госбанка за счет лимитов предельных ассигнований, имеющихся у существующего драматического театра, размеров оборотных средств и государственной дотации из бюджета» [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 24. Л. 33].

Долгие годы визитной карточкой Кабардино-Балкарии был знаменитый ансамбль песни и танца «Кабардинка». Этот прославленный коллектив побывал в 56 странах Азии, Европы, Австралии, Африки, Латинской Америки, становился лауреатом Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957 г.), а также всесоюзных конкурсов и фестивалей, получил множество дипломов и два Ордена Независимости 1 степени Иорданского Хашимитского Королевства (1981, 1985 гг.). Но в творческом плане ансамбль переживал некоторый кризис, поэтому значительные перемены в жизни страны и республики требовали и внутриансамблевых реформ. На фоне роста национального самосознания и стремления наций к возрождению своей самобытности, в кризисный период, в 1991 г. главным балетмейстером «Кабардинки» был назначен А. Думанишев, который проработал в ансамбле танцором 20 лет. В первую очередь Думанишеву пришлось заняться творческими и кадровыми вопросами. Своей основной задачей Думанишев считал возвращение ансамблю «Кабардинка» самобытности с помощью введения в репертуар старинных адыгских танцев. В свою очередь из «Кабардинки» выделился в отдельный коллектив фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария». А в январе 1990 г. он был преобразован в Кабардино-Балкарский Государственный фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария». В решении об этом говорилось: «В целях дальнейшего развития хореографического искусства, создания необходимых условий деятельности творческих коллективов Государственной филармонии Совет Министров Кабардино-Балкарской АССР постановляет: Принять предложение Министерства культуры КБАССР о преобразовании фольклорно-этнографического ансамбля танца «Балкария» при Государственной филармонии в Кабардино-Балкарский Государственный фольклорно-этнографический ансамбль танца «Балкария» с выделением на самостоятельный баланс, правами юридического лица, открытием расчетного счета в учреждениях Госбанка за счет лимитов предельных ассигнований, имеющихся у существующего ансамбля, размеров оборотных средств... Министерству культуры КБАССР и Нальчикскому горисполкому совместно с Советом по Управлению курортами профсоюзов и другими заинтересованными организациями решить вопросы обеспечения Государственного ансамбля танца «Балкария» помещениями для репетиционной и концертной деятельности» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-517. Оп. 5. Д. 8. Л. 20].

Процессы декультурации, опасность регресса вследствие непродуманной политики государства в сфере культуры вызывали беспокойство работников культуры, в том числе и Кабардино-Балкарии. В октябре 1990 г. в Ленинграде прошел Учредительный съезд творческого Союза работников культуры РСФСР, в работе которого принимали участие и представители республики. Это была добровольная общественная организация, которая ставила своей задачей защитить интересы работников культуры, способствовать возрождению культурных традиций. В работе съезда принимали участие и работники культуры Кабардино-Балкарии. Заместитель министра культуры республики Х. Байсултанова отмечала: «Судьба учреждений культуры – парков, библиотек, музеев, домов культуры, художественных учебных заведений, коллективов самодеятельного народного творчества – продолжает вызывать тревогу. Остаточный принцип финансирования, положение просителей, социальная незащищенность не способствуют подъему культуры. Совершенно очевидно, что для преодоления этой неблагоприятной тенденции сегодня нужны специальные усилия» [КБП. 1991. 30 апреля].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социально-политические трансформации периода 1985–1991 гг. существенно повлияли на развитие художественной культуры Кабардино-Балкарии, особенно ярко в ней отразилось повышение интереса к историческому прошлому и культурному наследию, однако культура была плохо обеспечена в материальном отношении. И хотя тенденции этнического размежевания и затронули культурную сферу республики, в целом она смогла сохранить свои самобытные черты.

Источники и литература

1. *Байсултанова Х.М.* Для возрождения духовности. КБП. 1991. 30 апреля.
2. *Базиева Г.Д.* Художественная культура Кабардино-Балкарии в полиэтничном пространстве России. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 294 с.
3. *Базиева Г.Д.* Этническая культура народов КБР в условиях современных трансформаций: культурологический анализ. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2013. 164 с.
4. Выступление Салиха Гуртуева на VII съезде писателей РСФСР. КБП. 1991. 24 января.
5. *Волосов А.* Фестиваль в начале пути. КБП. 1986. 25 марта.
6. *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. Москва: Издательство политической литературы, 1987. 272 с.
7. *Кешева З.М.* Танцевальная и музыкальная культура кабардинцев во второй половине XX века. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. 162 с.
8. *Кудаев В.Ж.* Курсом политических преобразований. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 165 с.
9. Народы Северного Кавказа и культурная глобализация / отв. ред. И.Л. Бабич. М.: УОП ИЭА РАН, 2010. 177 с.
10. *Табаксоев И.А.* Становление балкарского национального движения (1985–1991) // Кавказология / Caucasology. № 3. 2019.
11. *УЦДНИ АС КБР* – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.
12. *Хавпачев Х.Х.* Профессиональная музыка Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1999. 221 с.
13. *УЦГА АС КБР* – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.
14. *Эфендиев Ф.С.* Этнокультура и национальное самосознание. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 329 с.

ON THE DEVELOPMENT OF ARTISTIC CULTURE OF THE PEOPLES OF KABARDINO-BALKARIA IN THE MID OF 1980 – EARLY 1990-s

Kesheva Zarema Muhamedovna, Candidate of History, Acting Head Sector of the Latest History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kesheva10@gmail.com

The article examines issues related to the development of the artistic culture of the peoples of Kabardino-Balkaria in one of the most difficult and critical stages in the history of the country – the perestroika period, which began with the speech of the General Secretary of the CPSU Central Committee Mikhail Gorbachev at the April Plenum of the Central Committee, where it was announced the beginning of the reform of the socialist system. The relevance of the topic is due to the fact that in the context of the main milestones of modern Russian history, there is continuity in the historical and cultural dynamics of Soviet and post-Soviet Russia, and of course Kabardino-Balkaria. There are two stages in the development of culture of the modern period: the first – 1985–1991, associated with the restructuring of public consciousness, the processes of democratization. The second-post-Soviet, which began in 1992, is characterized by the construction

of a new concept of cultural development. It is important to trace the significance of each period and its influence on the further history of the state in General and its subjects in particular. Media materials and documents extracted from the archives of the KBR allow us to highlight and deepen the understanding of the development of spiritual culture of the Republic, to identify the factors that influence this stage on the further transformation of ethnic and cultural processes.

Keywords: perestroika, glasnost, spiritual culture, Kabardino-Balkaria.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-49-57

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-58-63

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА АЛИМА КЕШОКОВА «КОРНИ»

Алхасова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alkhas55@mail.ru

В статье впервые рассматриваются вопросы интертекстуальности романа Алима Кешокова «Корни». Отмечается, что интертекстуальность произведения выводит на сцену смысловые особенности художественного описания временных пластов, условия его прочтения, уровни восприятия и глубинную природу описываемых явлений и событий. Эти три основные матрицы достаточно ярко просматриваются в романе.

Поднимается вопрос о времени как необходимом компоненте интертекста, условие его существования. Вот почему для понимания интертекста так важен компонент «историческое время». Определив интертекст как информационную реальность, автор тем самым выводит временной фактор произведения. Отмечается, что к общим свойствам такого времени относятся его многомерность и необратимость. Природа интертекста раскрывается в том, что главная героиня – дочь адыгского народа, и зовут её также, как и прабабушку – Дафарадж, и жизненный путь этих женщин всецело предначертан судьбой.

В результате исследования автор приходит к выводу, что стремление писателя осмыслить прошлое, разобраться в настоящем, осознать будущее как историческую перспективу привело талантливого прозаика к этому произведению.

Ключевые слова: интертекст, роман, смысловые особенности, художественное описание, сюжетная линия.

Роман Алима Кешокова «Корни» посвящен не только и не столько художественному описанию истории адыгского (черкесского) народа. Ранее мы отмечали, что автор поставил более глубокую задачу – «...историко-философского осмысления судьбы адыгского народа» [Кешоков 2009: 3]. С помощью художественного описания жизни, исторического пути, пройденного народом, на примере трех поколений одной адыгской семьи, писатель раскрывает исторические события прошлых эпох, ставит философские вопросы и старается на них ответить.

Время есть необходимый компонент интертекста, условие его существования. Вот почему для понимания интертекста так важен компонент «историческое время». Определив интертекст как информационную реальность, мы тем самым выводим временной фактор произведения. К общим свойствам такого времени относятся его многомерность и необратимость. Роман «Корни» – это большое многоплановое полотно, это роман в романе, который охватывает несколько временных пластов: Золотой век Черкесии, период Кавказской войны XIX века и современность. Но интертекстуальное существование романа как раз и оправдано тем, что позволяет вводить в письмо историю. Произведение приобретает осмысленность именно на фоне исторических событий. Авторский замысел в романе

таков: как случилось, что некогда процветающий адыгский народ стал исчезать, постепенно вырождаться, почему стали засыхать его корни? Такая тенденция в романе не только продлевает ему жизнь, но делает его интертекстуальное поле более плотным.

Необычным является построение романа. Сюжетная линия произведения достаточно сложная и имеет множество непростых сплетений. Повествование ведется от лица молодой женщины по имени Дафарадж. Символично, что она врач-гинеколог. Автор романа взял на себя непростую задачу: на протяжении всего произведения мыслить и рассуждать согласно женской логике. В то же время главная героиня романа – женщина с сильным характером, она мыслит и часто поступает как мужчина. К тому же она – феминистка, считает, что женщина и мужчина должны быть равными в правах. «И хотя писателю не в полной мере удалось овладеть женской логикой мышления, тем не менее, женские образы выписаны ярко, рельефно и полнокровно» [Алхасова: 5, 7].

Интертекстуальная плотность романа выражается еще и тем, что каждая часть романа представляет собой новую ткань, сотканную из прошлого. В то же время она является фундаментом, на котором зиждется настоящее и будущее. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом, пластов, и т. д., – все они «...поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку в тексте и вокруг него существует язык оригинала, а уж потом – и язык перевода» [Бархударов 2007: 12–13]. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников (языка, этноспецифики и т.д.) и различных влияний. Она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, также, как и бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек.

Роман начинается с того, что младшая Дафарадж собирается в дорогу, на родину своей прабабушки, в Анапу. Но обстоятельства не позволяют сделать ей этого: к ней, врачу, привозят тяжело больную девочку Салиму, и она вынуждена остаться дома. Сидя у постели больной девочки, врач, молодая женщина, феминистка, целеустремленная и преданная своей работе, старается отвлечь ребенка рассказами об истории своей семьи, жизни и судьбе своей прабабушки. Через историю жизни старшей Дафарадж раскрывается история адыгов не только живущих на Кавказе, но и далеко за ее пределами. История эта идет вглубь веков, вплоть до XIX века и далее, когда адыгский народ пережил трагедию Кавказской войны. Перед нами раскрываются удивительные пласты истории народа, жестокие сцены расправы военных царской армии над местным населением в адыгских селах, сцены гибели в морской пучине лучших отважных черкесских сынов: «Закрываю глаза и вижу воображаемый город Матрадж, что был на месте нынешней Тамани. Крымские сеймены – воины и сборщики дани – пересекали море и становились здесь лагерем, готовясь к нашествиям. Через полуостров устремлялись они черной тучей в Междуречье и обрушивались на адыгские селения. В один из таких набегов на Кызылташ адыги Шапсугии, преследуя налетчиков, потерпели столь сокрушительное поражение, что не осталось в живых ни единого человека, ни даже лошади. А вдовы, находя на поле брани башлык или папаху, поднимали плач по покойнику, словно нашли тело своего воина» [Кешоков 2009: 3].

В более общем плане характеристика персонажей, осуществляемая в романе посредством интертекстуальности, предполагает «...наличие ценностного суждения, а интерпретация цитируемого текста, к которой подталкивает интертекстуальность, не может быть чисто текстовым эффектом» [Степанова 2001: 36–37], лишенным всякой связи с той эпохой, которая эту интертекстуальность порождает: «О чем бы я ни говорила – привношу что-нибудь из сегодняшней жизни. А как иначе? В каком бы времени ни жили женщины из моих историй – есть между ними незримая связь, души их настроены на одну волну, а

если сравнивать судьбы – тут сходства еще больше, разница лишь в малых деталях», – поясняет младшая Дафарадж в начале романа» [Кешоков 2009: 5]. То есть, интертекстуальность приобретает суть через это придание новой значимости теме наследственности и трагической модели испытаний.

Глубинная природа интертекста раскрывается в том, что главная героиня – дочь адыгского народа, и зовут её также, как и мать, и бабушку, и прабабушку – Дафарадж, и что жизненный путь этих женщин всецело предначертан судьбой.

Самым привлекательным является образ старой женщины, которая приходится прабабушкой Дафарадж, она родилась ещё в эпоху Золотого века Черкесии. Старшая Дафарадж, прежде всего, мать: «Вырастив ребенка, адыгская мать говорит ему традиционное напутствие: «Я оградила тебя от огня, я не дала тебе обвариться кипятком» [Кешоков 2009: 23]. Это означает, что она свой долг исполнила, а дальше человеку надлежит заботиться о себе самому. «Но знали ли наши бедные матери, что мы попадем в такую беду, что никакая защита нам не поможет...» [Кешоков 2009: 24]. «Вот оно, женское счастье: оно зримо, как облако, но попробуй достать. Оно гонимо ветрами, оно пропитано грозами и дождями... оно бестелесно, и все же, стоит ему пролиться благодатным дождем на истомленную жаждой землю, на растения, на измученных людей – и жизнь начинается заново» [Кешоков 2009: 230].

Почему роман назван «Корни»? Назван он так не случайно: он посвящен женщинам, а женщины – это и есть корни этноса: «Много прекрасного сказано об адыгской женщине. Среди всех женщин всей земли она – одна из самых прекрасных. Но волею судьбы адыгским (черкесским) мужчинам не всегда удавалось их беречь. И поэтому народ стал гибнуть» [Кешоков 2009: 10]. И далее: «Женщина – основа государства, если женщина благополучна – благополучно и государство. ... Это слова пророка Мухаммеда» [Кешоков 2009: 11]. Эти программные слова вложены автором в уста младшей Дафарадж.

Нередко интертекст мотивируется содержащейся в тексте метафорой. Но он может быть мотивирован и метонимией, когда новый смысл возникает не в результате добавления каких-то элементов к образному строю текста, а по причине наличия между двумя текстами отношения смежности. Этот вид мотивации играет особенно важную роль в романе: «...она знаменита по всей земле своей красотой, домовитостью, хорошими манерами, трудолюбием. На заморских невольничьих рынках покупатель прежде всего спросит: откуда товар? Как слышат в ответ сокровенное слово «адыгэ» – и все сомнения улетучиваются. Ещё бы, с такой женщиной никогда не пропадешь, она соорудит над твоей головой шатер в пустыне, разведет огонь на снегу, оденет тебя и твоих детей в самотканное одеяние, и за ночь сошьет сыромятную обувь. Она встанет до света и не ляжет допоздна, порой никто за всю жизнь так и не узнает, когда же она успевает поспать или поесть. Если бы все женщины рода адыгов могли пускать корни на своей земле – не было бы равных нам по силе, и никакое нашествие нам не грозило. Но... проклятое время работало против нас, и лучших наших женщин продавали первым встречным. И жили наши соплеменники по всему Востоку, улучшая породу иноземцев, либо у услужении у тех, кто мизинца их не стоил...» [Кешоков 2009: 231].

Как известно, роман Алима Кешокова «Лъапсэ» («Корни») впервые опубликован в журнале «Ошхамахо» в 1990–1991 гг. Издан отдельной книгой в книжном издательстве «Эльбрус» в 1994 году. Восприятие данного произведения в 1990 году значительно отличается от его восприятия сегодня, спустя тридцать лет. Ведь в каждую эпоху происходит новое прочтение произведения: прошлое в свете текущих событий, будь оно посвящено политическим событиям, связано с идеологией или искусством. Поэтому роман наделяется новой значимостью, которую эпоха несет в себе как раскрытие условных знаков своего времени, если хотите, как легенду.

Печать обреченности лежит на всех поколениях женщин этой семьи. Старшая Дафарадж рано осталась вдовой с единственным сыном на руках. Ее выкрали купцы-воры и с целью продать ее египетскому паше Мухаммеду-Али, посадили на большую лодку и пустились в путь через море. Но вскоре, неподалеку от родного берега женщина, усадив за спину ребенка, спрыгнула с лодки в море и поплыла назад. Доплыв до берега, она оказалась в незнакомом селении, где жили ее дальние родственники. Не спросив даже согласия, Дафарадж отдала в жены владельцу села. Мечтавшая вернуться в родные места женщина стала терять надежду на скорое возвращение домой. Вскоре убили ее мужа, и Дафарадж вновь стала вдовой. Вырос сын, женился, обзавелся семьей, и, благодаря невестке Дафарадж освободилась от повседневных семейных тягот и забот. И тут Дафарадж увлекается лекарством: она собирает различные травы, варит снадобья и успешно лечит людей. Слава о ее удивительных способностях народной целительницы доходит до турецкого султана Абдул Мажида. Дафарадж везут к султану, и она исцеляет его жену, затем лечит и других его приближенных. В благодарность турецкий паша помогает женщине отправиться в Мекку для принятия обряда хадж. В дороге и в самой арабской стране Дафарадж видит много горя. Но вернувшись домой, она понимает, что и здесь жизнь людей не лучше: всюду несправедливость и горе. Ведь одна часть адыгов вынуждена была уйти в чужие страны и терпит там унижения и гонения. Оставшаяся часть народа осталась жить под гнетом другого государства. «Дафарадж исполнилось уже 100 лет, за плечами у нее уже большой жизненный опыт, вот почему она умоляет своих соплеменников не уезжать в чужие страны, покидать историческую родину. Но люди не слушают ее, ведь говорит им все это всего лишь женщина. «Подлинного уважения и подлинного признания их прав не хватает адыгским женщинам, хочет сказать нам автор романа. – Мужчины и женщины не равноправны. Адыгские женщины бесправны, зажаты, они стали игрушкой в руках мужчин» [Кешоков 2009: 229].

В романе впервые в истории кабардинской литературы показана судьба сразу нескольких поколений, временные планки раздвинуты, насколько это было возможно. Много внимания уделяется социальному построению адыгского общества в XIX веке. Читатель почерпнет много удивительных строк жизни той далекой эпохи, описанных автором художественно достоверно. Писатель мастерски соединил невидимой нитью события прошлых далеких эпох и дней сегодняшних. В романе умело применен способ исторического мышления: то, что происходило в очень давние времена, Дафарадж рассказывает, словно это часть ее жизни.

Интертекстуальность позволяет автору установить очень тесную связь между описанием исторического места и события и временной перспективой. Упоминаемые в произведении тексты удостоверяют неизменность местности, а берущая начало в глубине веков литературная традиция показывает, что, несмотря на все превратности судьбы, местность остается все той же, но постоянно обогащается новыми описаниями. И наоборот, тот факт, что по поводу одной и той же местности можно привести множество текстов, свидетельствует о сохранности и живучести литературной традиции.

Однако наше утверждение можно поменять на обратное, ибо тексты, цитируемые в «Льапсэ» («Корни»), свидетельствуют о противоположном факте – о неизменности пространства при изменении местности; исторические события и в самом деле могут иногда до такой степени изменить место, что оно становится неузнаваемым. Так, чем больше произведение насыщено специфическими особенностями народной жизни, тем ярче проявляется в нем национальное своеобразие. На наш взгляд, национальное своеобразие художественного текста на языке оригинала обусловлено, с одной стороны, выражаемым им содержанием, а с другой – формой, включающей в себя языковые возможности, которые являются плотью и кровью оригинального текста.

Итак, подведем итоги нашего анализа. Во-первых, интертекст становится мерилом трагичности событий в произведении. Он наблюдается в конкретном месте и в конкретное время. Во-вторых, неизменность места не скрывается от читателя никакими обстоятельствами. К примеру, в романе Алима Кешокова «Корни» цитации соединены глубинной связью с историческими темами трагедии народа, войны и разрушения, и вселенского упадка. Как видно из нашего анализа, некоторые формальные особенности интертекста, оригинальности текста, не всегда сохранены. Оправдан ли такой подход, и какой цели подчинил автор такой подход, отступая от текста? Да, оправдан. В данном случае подход к интертекстуальности был подчинен более серьезной задаче – передаче национальной особенности и, главное, художественному содержанию текста. И, конечно же, здесь важен авторский почерк. В данном случае, интертекстуальность значима в параметрах: «субъект», «место», «память». В романе удались многие эпизоды, к примеру, сцены трагических событий, связанных с обстрелами паломников, названные «Черной грозой», а также описания случаев издевательства генералов Лазарева, Ермолова, поведение русского царя Адександра II и др.

Таким образом, интертекст предстает в нашем случае в виде своеобразного шарнира, вокруг которого сгруппировались все события романа. Неизменность основного субъекта романа (адыги) свидетельствует об отсылке к другим произведениям на эту тему, и позволяет субъекту письма вписать себя в реальность, в историю, в литературу.

Источники и литература

1. *Алхасова С.М.* Принцип следования народным традициям в романе Алима Кешокова «Корни» // А.П. Кешоков: Творческая личность в поликультурном пространстве. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию А.П. Кешокова. Сборник материалов. Нальчик, 2015. С. 3, 5, 7.
2. *Кешоков Алим.* Корни. Роман. Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой. Нальчик, «Эльбрус», 2009. С. 3, 5, 11, 24, 230, 231.
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Либроком, 2007. С. 12–13.
4. *Къыщокъуэ Алим.* Лъапсэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 1994.
5. *Степанова Ю.* Субстанции интертекста. Вводная статья // Антология «Семиотика». М.: «Академический Проект»; Екатеринбург: «Деловая книга», 2001. С. 36–37.

INTERTEXTUAL SPACE OF THE NOVEL ALIM KESHOKOV «ROOTS»

Alkhasova Svetlana Mihailovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Cherkess Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

The article first discusses the intertextuality of Alim Keshokov's novel «Roots». The author notes that the intertextuality of the novel brings to the stage the semantic features of the artistic description of the time layers, the conditions for its reading, the levels of its perception and the deep nature of the described phenomena and events. These three main matrices are quite clearly visible in the work of Alim Keshokov.

The question is raised about time as a necessary component of the intertext, the condition for its existence. That is why the historical time component is so important for understanding intertext. Having defined the intertext as informational reality, the author thereby deduces the time factor of the work. It is noted that the general properties of such a time include its multidimensionality and irreversibility. The deep nature of the intertext is revealed in the fact that the main character is the daughter of the Adyghe people, and her name is the same as her mother, grandmother, and great-grandmother – Dafaraj, and that the life path of these women is completely destined.

As a result of the study, the author comes to the conclusion that the writer's desire to comprehend the past, to understand the present, to realize the future as a historical perspective led the talented prose writer to this work.

Keywords: intertext, novel, semantic features, artistic description, storyline.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-58-63

**БЕКИР ЧОБАН-ЗАДЕ:
У ИСТОКОВ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ**

Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tbittir@mail.ru

В работе представлены научная публикация – статья крымского-татарского ученого Бекира Чобан-заде, опубликованная в 1929 г. в журнале СП Азербайджана «Революция и культура», – первая по времени написания работа о балкарской литературе и ее исследование. В ней устанавливаются обстоятельства, предшествовавшие появлению статьи, рассматриваются культурные и научные связи между учеными крымских татар, балкарцев и карачаевцев. В незавершенном труде Б. Чобан-заде впервые дается жанровая характеристика карачаево-балкарскому фольклору, которая не могла быть полной в силу объективных и субъективных обстоятельств. Б. Чобан-заде дает высокую оценку духовному миру балкарцев и карачаевцев, определяет место этой культуры в системе тюркских культур и литератур. В работе важную часть занимает характеристика социально-политических преобразований. Автор говорит о позитивных процессах, обусловленных идеологией социалистического строительства. Ценность работы Б. Чобан-заде состоит в том, что в ней был опубликован отрывок из известных стихов Кязима Мечиева религиозно-дидактического содержания. В статье сделана попытка реконструкции культурных контактов и литературных связей деятелей культуры и науки Крыма, Северного Кавказа и Дагестана вековой давности.

Ключевые слова: Бекир Чобан-заде, Кязим Мечиев, Саид Шахмурзаев, карачаево-балкарский фольклор, литература, культурные контакты, литературные связи.

Литература балкарцев и карачаевцев, в отличие от других тюркских литератур, не имеет многовековой письменной традиции и берет свое начало с первого десятилетия XX в., когда появились напечатанные типографским способом книги. Предписьменный же период отмечен небывалом расцветом поэзии и просветительской публицистики. Произведения классиков карачаево-балкарской поэзии Каспота Кочкарова, Аппы Джанибекова, Кязима Мечиева, Исмаила Семенова к этому времени достигли своего совершенства и определяли во многом духовную жизнь народа. Статьи, очерки, небольшие прозаические произведения (рассказы, эссе, новеллы, рецензии на театральные постановки и др.) карачаево-балкарских просветителей из-за отсутствия письменности на родном языке в основном апеллировали к русскоязычному читателю, будучи опубликованными в различных периодических изданиях дореволюционной России. Мисост Абаев, Ислам Крымшамхалов, Басият Шаханов знакомили читателей с историей, бытом и культурой своего народа. Просветители в своих статьях и очерках писали о необходимости открытия школ, библиотек для кавказских горцев, чтобы они могли безболезненно интегрироваться в культурное пространство России. И здесь нужны были не репрессивные меры, а деятельность, направленная на развитие общей культуры. Как писал выдающийся балкарский юрист и публицист Басият Шаханов, «репрессии ни к чему хорошему привести не могут, так как нужны здесь не они, а нужно поднятие нравственного уровня загнанного, невежественного туземца, нужны школы, нужны просветительские учреждения» [Биттирова 2018: 154].

К периоду установления Советской власти на Северном Кавказе создались необходимые условия для формирования письменной литературы: открылась типография, был разработан алфавит вначале на основе арабской графики и следом – на латинской, были изданы учебники. Все усилия новой власти, направленные на преобразования в сфере культуры, попадали на благодатную почву. В истории карачаево-балкарской литературы 20–30-е гг. XX в. считаются периодом учебы, накопления мастерства при новых общественно-политических и идеологических обстоятельствах. Именно в этот период были востребованы карачаево-балкарские деятели культуры, окончившие в разное время в Крыму школу всемирно известного просветителя Измаилбея Гаспринского. В Карачае это был Исмаил Акбаев, в Балкарии – Саид Шахмурзаев и др. Они были первыми авторами учебников и учебных пособий для новых светских школ. Их учебники и поэтические произведения отличались пониманием задач, стоявших перед деятелями культуры по преобразованию традиционного горского общества, особым гуманистическим мировидением и широким кругозором авторов.

Традиции И. Гаспринского были подхвачены ученым, поэтом и общественным деятелем Бекиром Чобан-заде. «Знаменитый ученый проявлял трогательную заботу о молодых специалистах – выходцах из тюркоязычных народов Кавказа. Он специально ездил в Карачай, Балкарию и Дагестан и отбирал наиболее способных и в дальнейшем старался не упускать их из виду. В их числе был и Саид Шахмурзаев» [Шейх-Аметов 1997б].

Саид Шахмурзаев вернулся на родину после учебы в Крымско-татарском педагогическом техникуме, обретя друзей среди родственного по языку и культуре этноса. Одним из них был Бекир Чобан-заде – известный на весь тюркский мир сын крымско-татарского народа, выдающийся ученый и талантливый поэт, репрессированный и расстрелянный в 1937 г.

Трагическая судьба Бекира Чобан-заде была обусловлена его политической активностью в период становления новой общественной формации в Крыму после свержения самодержавия: в 1921 г. он стал председателем «Милли фирка» – национальной партии крымских татар, 1924 г. был избран ректором Крымского университета, но не утвержден властями. Немаловажную роль в трагической судьбе ученого сыграло и то обстоятельство, что он был заметной фигурой в научном сообществе как СССР, так и за его пределами. Понимая, что в Крыму началась борьба с «буржуазными националистами», Б. Чобан-заде летом 1924 г. принимает приглашение коллег из Баку для работы в Комитете по разработке нового тюркского алфавита. Дальнейшая его жизнь связана с Азербайджаном и благодаря этому шагу, ученый смог работать более десяти плодотворных лет.

«Важная веха в научной судьбе Чобан-заде – Всесоюзный тюркологический съезд, который проходил в 1926 году в Баку. Сюда приглашены ведущие ученые-тюркологи из разных стран. Чобан-заде входит в состав оргкомитета съезда, ведет организационную и научно-методическую работу, является членом редакционной коллегии по изданию бюллетеня съезда, выпустившей впоследствии стенографический отчет...

Эти годы для научной работы Бекира Чобан-заде особенно успешны. Он пишет и издает «Методику преподавания тюркского языка и литературы» в двух частях, около десятка научных и научно-методических статей. В 1927 году он назначен председателем научного совета Всесоюзного комитета нового тюркского алфавита. В следующем году избран действительным членом Института Востока в Москве» [Бекирова 2012].

Но органы НКВД и здесь развернули против ученого клеветническую кампанию в бакинской печати. Несмотря на травлю в печати, Бекир Чобан-заде сохранил высокий авторитет в научных кругах. В 1930–1935 гг. он заведовал кафедрой узбекского языка в Ферганском пединституте, преподавал в Ташкентском

университете, Бухарском пединституте, был избран действительным членом Азербайджанского филиала АН СССР, в 1935 г. – членом Парижского лингвистического общества [Календарь знаменательных ... 2002: 25].

В числе научных интересов Б. Чобан-заде была тема этнокультурного родства тюрков Северного Кавказа, в том числе карачаево-балкарского народа. После изучения полевого материала и научных источников он приходит к выводу, что «кумыки ничто иное, как часть балкаро-карачаевских и северо-крымских тюрков, на что указывают, кроме языковых факторов многочисленные предания, сохранившееся среди современных кумыков» [Чобан-Заде 1926: 5]. Тема, обозначенная Б. Чобан-заде в этом небольшом исследовании, не потеряла своей актуальности, о чем свидетельствуют новые исследования кумыкских и карачаево-балкарских авторов [Алиев 2004; Биджиев 1993; Идрисов, Ханмурзаев, 2008].

Бекир Чобан-заде был сильной личностью, и даже в годы травли он продолжал активно заниматься научной деятельностью. В составе этнографической экспедиции, организованной Ростовским научно-исследовательским институтом по изучению Северного Кавказа (1929 г.) Б. Чобан-заде собрал не потерявший до сих пор своего научного значения фольклорный материал. Как позже стало известно, сопровождал экспедицию Саид Шахмурзаев, благодаря которому ученые смогли встретиться со знаменитыми сказителями и хранителями фольклора. Тогда же Б. Чобан-заде подарил своему молодому коллеге книгу стихов «*Боран*» («Буран»), годом ранее изданную в Симферополе. В день выселения балкарского народа С. Шахмурзаев спрятал подарок Б. Чобан-заде и номера газеты «*Терджуман*» И. Гаспринского в расщелине скалы и после возвращения из депортации нашел их в полной сохранности. Свои реликвии С. Шахмурзаев позже передал в музей И. Гаспринского в Крыму [Шейх-Аметов 1997а; Шейх-Аметов 1997б].

После экспедиции по Северному Кавказу Б. Чобан-заде публикует серию статей в журнале «*Инглаб ве маданият*» («Революция и культура»)*, выходявшей в Баку на азербайджанском языке. Его статья «*Малкар адабият. Биринчи мълумат*» – «Балкарская литература. Первая статья» была опубликована в 1929 г. в 9 номере журнала. Здесь он знакомит азербайджанского читателя с некоторыми фактами истории, жизни и быта балкарцев. Автор проводит типологию жанров карачаево-балкарского фольклора, приводит небольшие примеры по каждому из них в оригинале и переводе на азербайджанский язык. Статья, хотя и названа «Балкарская литература», в основном посвящена фольклору, приводится лишь несколько образцов авторской поэзии.

Что немаловажно, в статье были опубликованы четыре строчки из стихотворения К. Мечиева, без указания автора. Строки из стихотворения К. Мечиева «*Игиллик бла аманлыкъ*» («Добро и зло»), приведенные проф. Чобанзаде, впервые опубликованы в двухтомном издании творчества поэта [Мечиланы 1989: 252–256]. В последующем А. Бегиевым был найден дефтер К. Мечиева, в котором все приведенные Б. Чобан-заде строки соответствуют оригиналу [Кязим 1996: 81–82]. Так строка «*Этгенлеринг тюше башлар эсинге*» в двухтомнике приводится как «*Этген аманлыгынг тюшер эсинге*», что, вероятно, было искажено переписчиками К. Мечиева. Очевидно, что опубликованный А. Тепшеевым вариант строки выбивается из общей стилистики стихотворения. Таким образом, публикация Б. Чобан-заде ценна и тем, что отрывок из стихотворения К. Мечиева, им приведенный, был записан при жизни автора без искажений.

* Печатный орган Союза писателей Азербайджана. Первый номер был издан 28 января 1923 г. под названием «Маариф и Меденият» («Образование и культура»), в дальнейшем несколько раз менял свое название: в 1928–1941 гг. – «Ингилаб ве меденият» («Революция и культура»), в 1941–1946 гг. – «Ветен угрунда» («За родину»), в 1946–1952 гг. вновь стал называться «Ингилаб ве меденият» («Революция и культура»). С 1953 г. журнал носит нынешнее название «Азербайджан».

Возможно, балкарской литературе должно было быть посвящено продолжение статьи, тем более что сам автор здесь же пишет: «Более подробный анализ этих жанров мы сделаем во второй нашей статье» [Чобан-заде 1929: 35], но, к сожалению, оно не было напечатано и это было связано с приведенными трагическими обстоятельствами судьбы ученого.

* * *

БАЛКАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (первая статья)

Малкары – это небольшая народность, проживающая на Северном Кавказе. Со стороны называли (или называют) их «балкарами», но сами себя они называют «малкарами». Необходимо также отметить, что словом «малкары» называлась вначале не вся народность, а только проживавшие совместно в одном ущелье. Весь народ называл (и называет) себя одним общим именем «таулу»... отсюда «таулу къыз» («тавлинская девушка»), «таулу тил» («тавлинский язык»), «таулу жашау» («тавлинская жизнь»), т.е. «горская девушка», «горский язык», «горская жизнь» и проч. – именно такая лексика употребляется сейчас в народе. «Малкары» или «балкары», став общим именем для народа, предпочтительнее для литературного употребления. Народ себя называет не по языку, а согласно бытовых различий. Поэтому слово «таулу» повторяется в языках различных горских народностей, таких как «асетин», «сидан» (? – Т.Б.).

Малкары проживают в различных долинах Северного Кавказа. Вот некоторые из них: Малкар, Холам, Чегем, Баксан, Гунделен. Эти долины находятся вокруг Эльбруса, а также у расположенных вокруг него снежных гор. Балкарские селения находятся вокруг этих вершин. Земли в основном двух типов: лесистые и луговые места. Быт определяется этой средой: охота, использование диких плодов, столярничество, изготовление различных предметов из дерева (этим промыслом малкары значительно прославились среди других народов), наконец, скотоводство. Несмотря на то, что в последнее время начало развиваться и производство зерна, в сельском хозяйстве балкарцев значительное место занимает животноводство. Балкарцы большую часть своей жизни проводит в жайлыкъла – яйлагах («кошлада»), занимаются выпасом скота, разведением животных.

Неизвестна история этого народа, неизвестно откуда, когда они пришли сюда. История до сих пор не располагает никаким материалом, и в устном народном творчестве нет достоверного ответа на этот вопрос.

Вместе с тем, собранный нами среди балкарцев в августе нынешнего года языковой и литературный материал, прослеженный в историческом аспекте, показывает, что:

1. Балкарский народ проживал на Северном Кавказе еще до монголо-татарского нашествия.

2. Балкарцы вначале проживали в солончаках, на равнине, и лишь позже были вытеснены в горы другими народами.

3. Балкарцы по языку относятся к кыпчакской группе турецко-татарских народов, в то же время по быту и культуре очень близки местным народностям Кавказа. Кроме того, и в быту, и в языке, и в литературе на турецко-татарский слой наложены элементы христианства, и в дальнейшем – исламской религии.

4. Общественное устройство их жизни остается под сильным яфетическим влиянием. Классовое расслоение соответствовало тому, как это наблюдается у других кавказских народов. Во главе Балкарского общества стоял «бий» или «таубий», затем «чанки», затем идут «уздени», наконец «куль», «казакки» и «жесиры».

Такое феодальное расслоение у балкарцев зародилось задолго до Октябрьской революции.

В дастанах других турецко-татарских народов нет воспеваемых в литературе большинства героев, таких, как Сосурук, Кубу, Рачкау, Коприан улу Биймай*, они являются героями местных кавказских народов.

Современный балкарский язык разделяется, в основном, на два наречия: 1. Малкарский диалект (чередование в словах подобно азербайджанскому языку: а) чередование в начале слова «й» – «ж», например, «жок» вместо «йок», вместо «ж» – «з», например вместо йок – «зох» б) чередование «з» – «с», например, вместо «баз» – «бас»** и т.д.; 2. диалект Чегемской и Баксанской долин, который тоже относится к тюркскому языку, но близок к казано-татарскому диалекту.

Между балкарским и карачаевским языками нет существенных различий. Если и есть различия, то лишь в некоторых словах и литературных выражениях. Поэтому балкарцы, численность которых не превышает 50 тысяч человек, используют карачаевские книги.

* * *

Балкарское устное народное творчество во многом отличается от других тюркско-татарских народов, но самое значительное отличие заключается в том, что балкарская литература находится еще в зародышевом состоянии. В этом отношении она может сравниться с литературой алтайских тюрков.

Стихотворчество развито менее всего. Встречаются чаще музыканты, играющие на «кыл комузе», это два музыкальных инструмента, сделанные из волос хвоста айгыра (коня). «Жырлаучу» – певцы поют «таурух» (возможно, заимствованное с арабского языка), «нарт жырла», «нарт назмула».

Мы, например, предлагали таким народным поэтам как Чоту и Жабука, которые являлись известными «жырлаучу» в чегемской долине, исполнить некоторые стихотворные произведения, но ничего от них не добились. Они или не знали таких произведений, или в большинстве считали зазорным говорить стихами. В этом отношении балкарские «жырлаучу» являются полной противоположностью киргизо-казахским акынам, не признающим прозу. Наиболее излюбленными жанрами у балкарцев являются рассказы, примеры (масалы). Самое большое искусство «жырлаучу» заключается в том, чтобы растянуть рассказ возможно (даже сверх возможно) больше.

Например, Чоту доказывал, что одну повесть он может рассказывать три дня и три ночи. Естественно, что сейчас, когда мы стремились за короткий срок узнать как можно больше, собрать различных образцов фольклора, такое «доказательство» нас не устраивало. Стихотворные формы употребляются в основном женщинами и молодежью. Вместе с тем после каждой фразы в повествовании идет припев – своеобразный рефрен, который поется в сопровождении кобуза, что придает особый героический оттенок всему рассказу. Нижеследующие примеры, приводимые нами, являются образцами балкарской литературы:

1. «Жырла» – так называется не только рассказ, но и любое произведение устного творчества, как и у других тюрко-татарских народов. Жыр, как мы отмечали, в основном, идут прозой, а иногда идут стихами...***

1. Ёрюзмекни жыры

*Ёрюзмек нелляй киши эди,
Къаялада чыпчыкъ аякълы,
Тёредеде темир таякълы.*

* Коприан улу Биймай – не сохранившийся в карачаево-балкарской Нартиаде герой.

** В карачаево-балкарском языке и его диалектах чередование «з» и «с» не встречается. При этом упущен другой вид фонетической трансформации – переход «ч» в «щ».

*** Здесь автор также допускает неточность, ибо жыр – песня, за редким исключением в форме махараза, стихотворное произведение, переложенное на мелодию.

*Ол атлагъанды да, баргъанды,
Бир ахшылыкъ этейим деп нартлагъа
Деп бара эди да,
Бир тюзню ичинде акъ марал отлай тура эди...*

1. Песня Ёрюзмека

Каким был мужем Ёрюзбек,
В горах его ноги подобны орлиным,
В тѐре он был с железным посохом.
Он встал и пошел,
Чтобы нартам нести добро,
Так он шел,
В одной долине белая маралиха паслась...*

2. Сосурукъ

*Нарт жыйылгъанды да, аулакъгъа чыкъгъанды,
Аулакъгъа чыгъып от табалмадыла,
Онлара, ра, ра, ра.
Жашла, от этигиз, деп айтдыла, уа...
Айлангандыларла, от этерге отлукъ тапмалла,
Онлара, ра, ра, ра...*

2. Сосурук

Нарты собрались и вышли на простор
И в долине не нашли огня.
Онлара, ра, ра, ра.
Молодые, разожгите огонь, сказал он, ла уа...
Ходили, искали, не нашли огня,
Онлара, ра, ра, ра...

3. Жансохлары

*Жансохлары Ташлы Сыртада жашай эдиле,
Къабартыны къой аягъынлай ашай эдиле.
Жансохлары тогъуз болалла,
Тогъузусу тогъуз атха минелле.*

3. Жансоховы

Жансоховы жили в Ташлы-Сырте,
Народ кабардинский как ногу баранью грызли.
Жансоховых девять братьев,
Девятеро садятся на девять коней.

«Ёрюзбек», «Сосурук», «Жансохлары» – отрывки из этих популярных среди балкарцев рассказов создадут у читателя некоторое представление о структуре балкарских произведений. В первом мы видим сочетание рифмующихся и прозаических строк, во втором – припев, который исполняет поэт в сопровождении кобуза, и, наконец, в третьем – мы наблюдаем слабую рифму и повторение.

II. «Инар» или «гинар» – единственное имеющееся у балкарцев стихотворное произведение**, содержание очень поэтическое, и, по нашим сведениям, исполняется только женщинами и девушками. Считается зазорным исполнение подобных строф мужчинами:

*Бийчесында жауады,
Минги Тауда туман къайнайды,
Насыплы боллукъ мени сюйгеним
Тойда нечик аруу ойнайды.*

* Здесь и далее подстрочные переводы с карачаево-балкарского языка Т.Ш. Биттировой.

** Инар также относится к жанру песни, аналогичен частушкам в русском фольклоре.

*Эрттен-ингир чыгып кычырады
Бийчесынны кундузу.
Арысейге кетген бери кайтмайды,
Кёзлерими жарык жулдузу.*

* * *

Дожди на Бийчесыне,
Туман клубится на Минги-Тау,
Пусть будет счастливым мой любимый,
Как он красиво танцует на свадьбе.

Утром и вечером кричит, выглядывая (из норы),
Выдра из Бийчесына.
Уехав в Россию, обратно не возвращается
Сердца моего яркая звезда.

III. Разновидностью стихотворного произведения являются религиозные стихи «назму». Они повстречались нам в Чегемской долине, очень большие по размеру, отрывок из одного «кыяматнаме»^{*} являются своеобразным «плачем»:

*Этгенлеринг тюше башлар эсинге,
Кьоркьуу келир ол заманда кесинге.
Жансыз атха салып, жолгъа чыгъарлар,
Ахлуларынг сени ызынгдан жыларла...*

* * *

Поступки твои начнут тебе вспоминаться,
В опасности тогда окажешься ты сам.
На коня без души (жизни) тебя положив, отправятся в путь,
Родственники вслед за тобой заплачут...

IV. По содержанию устное народное творчество балкарцев можно подразделить на следующие жанры:

- а) нарт сёзле – пословицы,
- б) элберле – загадки
- в) тилбургъучла – скороговорки,
- г) хиликгя, хиликгялыкъ жырла – сатирические (саркастические) стихи,
- д) кроме того, есть скорбные стихи, сказки, марсии, мисалы и охотничьи стихи.

Более подробный анализ этих жанров мы сделаем во второй нашей статье. Прежде, чем завершить эту небольшую статью, я хочу сказать несколько слов и о развитии культуры и литературы у балкарцев.

До Октябрьской революции обучение у балкарцев было в основном через мулл («эфенди»), причем на арабском языке. До Октябрьской революции не было школ и учебников на балкарском языке. После революции начались преобразования в автономной Кабардино-Балкарской республике, с центром в городе Нальчик. В балкарские села, где отроду не было других дорог, кроме конных троп, были проложены шоссейные дороги, стали по ним ходить автомобили. Самые лучшие здания сел были отданы под школы для трудящихся.

В Нальчике выходит газета «Кара Халкъ» на трех языках – кабардинском, балкарском и русском. У балкарцев появились молодые поэты и писатели. В самой

^{*} Б. Чобан-заде выделяет из духовной поэзии жанр «кыяматнаме», который соответствует жанру «мунажат».

народной литературе увеличивается народный дух. В качестве примера представлю ниже сказанные из уст малкарского пастуха строки:

*Суу бойнунда жерк битеди, къайнар ючюн.
Жарлыла да жашайдыла байлар ючюн.
Ёзденлеге, харам бийге бичакъ тийсин,
Къонишусуна харам къартха чечек тийсин.*

На берегу реки растет ольха, чтобы ее варить*.
Бедняки живут ради богатых.
Пусть коснется нож узденей и хитрых князей.
Пусть заразится оспой недоброжелательный к соседу старик.

Изучение балкарской народной литературы на примере малочисленного народа не только показывает благотворное влияние современной социальной структуры и показывает в ней отображение культурной революции, но и дает нам ценную информацию об истории тюрко-татарской литературы и языка и об оказании ею влияния на культурное развитие всего Северного Кавказа. Я же должен поблагодарить Ростовский научно-исследовательский институт Северного Кавказа, который отправил меня и академика Самойловича в Балкарию на месяц для изучения балкарского языка и литературы. Научные результаты этого исследования будут опубликованы известным институтом. Наконец я должен поблагодарить сотрудников Ростовского научно-исследовательского института по изучению Северного Кавказа, которые направили меня и академика Самойловича** на один месяц в Балкарию для изучения балкарского языка и литературы. Это дало возможность изучить влияние на балкарскую народную литературу, как дореволюционных общественных отношений, так и в некоторой степени культурной революции и в то же время дало возможность исследовать в целом тюрко-татарскую литературу и основные направления в развитии культурной революции на Кавказе, получить об этом ценные материалы. Научные результаты этого исследования будут опубликованы названным институтом.

Проф. Б. Чобан-заде
(Перевод с азербайджанского языка Т.Ш. Биттировой)

* В данной строке шуточной песни содержится интересный этнографический факт: в отваре ольховых веточек красили шерсть и кожу животных для дальнейшего производства из них различной одежды и кийизов (войлочных ковров).

** **Самойлович Александр Николаевич** (17(29).12.1880–13.2.1938) – советский востоковед-тюрколог, академик АН СССР (1929 г.; член-корреспондент – 1924 г.). Родился в Нижнем Новгороде, ныне Горьком. Окончил Петербургский университет (1903); профессор там же (1917–30). В 1920–37 гг. профессор (1922–25 гг. – ректор) Ленинградского восточного института, в 1929–33 гг. – академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР, в 1934–1937 гг. – директор Института востоковедения АН СССР. Проводил полевые исследования языка, фольклора, быта тюркоязычных народов Крыма, Поволжья, Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Казахстана, Алтая. Участвовал в создании письменностей для языков народов СССР. Основные труды по языку, литературе, фольклору и этнографии тюрков, по общим вопросам и истории тюркологии [БСЭ, 1590]. В своих исследованиях неоднократно обращался к фактам карачаево-балкарского языка.

Источники и литература

1. Алиев К.М. Дорогою тысячелетий: кумыки и их этнородственные связи. Махачкала, 2004. 128 с.
2. Бекирова Г. Бекир Чобан-заде. Электронный ресурс – <https://ru.krymr.com/a/27072791.html>. (Дата обращения: 12.02.2012).
3. Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа (болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск, 1993. 308 с.
4. Биттирова Т.Ш. Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследование, тексты). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. 336 с.
5. БСЭ – Большая советская энциклопедия. М., 1975. Т. 22. С. 1590.
6. Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И. Этнополитические взаимосвязи карачаево-балкарцев с народами Дагестана // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России (Карачаевск, 07–09 ноября 2008 г.). Карачаевск: КЧГУ, 2008. С. 216–223.
7. Календарь знаменательных и памятных дат крымско-татарского народа на 2003 год. Симферополь, 2002. 56 с.
8. Кязим. Назмула. Зикирле. Поэмала / жарашдыргъан, ал сёзюн, ангылатыуларын жазгъан Бегийланы Абдуллах. Нальчик: Эльбрус, 1996. 600 б. (Кязим. Стихи. Зикиры. Поэмы / сост., предисловие, комментарии А.М. Бегиева. Нальчик: Эльбрус, 1996. 600 с.
9. Мечиланы Кязим. Сайламаларыны экитомлугъу / жарашдыргъан, ал сёзюн, ангылатыуларын жазгъан Тёппеланы Алим. Биринчи тому. Нальчик: Эльбрус, 1989. 414 б. (Мечиев К. Стихотворения и поэмы. В 2-х томах / сост, автор предисловия и комментариев А.М. Теппеев. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1989. 414 с.).
10. Чобан-заде Б. Малкар адабият // Инкляб вэ маданият. 1929. № 3. Б. 33–35 (Чобан-заде Б. Балкарская литература // Революция и культура. 1929. № 9. С. 33–35).
11. Чобан-Заде. Предварительное сообщение о кумыкском наречии // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. 1926. № 1.
12. Шейх-Аметов 1997а – Шейх-Аметов М. Балкъаряшы Саидни Кърымда унутмагъандыла // Заман. 1997. 17 январь (Шейх-Аметов М. В Крыму не забыли сына Балкарии Саида // Время. 1997. 17 января).
13. Шейх-Аметов 1997б – Шейх-Аметов М. Тайна Саида // Кабардино-Балкарская правда. 1997. 11 марта.

BEKIR CHOBAN-ZADE: AT THE ORIGINS OF KARACHAY-BALKARIAN LITERARY STUDIES

Bittirova Tamara Shamsudinovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Literature of Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tbittir@mail.ru

The article presents a research and scientific publication—an article by the Crimean Tatar scientist Bekir Choban-zade, published in 1929 in the journal of the Azerbaijani joint venture «Revolution and culture» – which is the first work on Balkar literature at the time of writing. It sets out the circumstances that preceded the appearance of the article by B. Choban-zade, examines the cultural and scientific ties between scientists of the Crimean Tatars, Balkars and Karachays. In the unfinished work of b. Choban-zada is the first to give a genre characteristic of Karachay-Balkar folklore, which could not be complete due to objective and subjective circumstances. B. Choban-zade gives a high assessment of the spiritual world of the Balkars and Karachays, defines the place of this culture in the system of Turkic cultures and literatures. An important place in the work is occupied by the characteristics of socio-political transformations. the author speaks about positive processes caused by the ideology of socialist construction. The value of B.'s work Choban-zade also consists in the fact that it was printed an excerpt from the famous poems of Kazim Mechiev of religious and didactic content. The article attempts to reconstruct the cultural contacts and literary connections of cultural and scientific figures of the Crimea, the North Caucasus and Dagestan of a century ago.

Keywords: Bekir Choban-zade, Kazim Mechiev, Said Shahmurzaev, karachay-balkarian folklore, literature, cultural contacts, literary relations.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-64-72

ТВОРЧЕСТВО ТАНЗИЛИ ЗУМАКУЛОВОЙ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Сарбашева Алена Мустафаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alenasarb@mail.ru

В статье рассматривается творчество известной карачаево-балкарской поэтессы Танзили Мустафаевны Зумакуловой в зеркале литературно-критической мысли. Литературное наследие мастера поэтического слова стало объектом пристального внимания и глубокого осмысления рядовых читателей, известных поэтов, критиков, литературоведов советского и постсоветского периодов. В отзывах, рецензиях, исследованиях, посвященных творчеству Зумакуловой, обозревается художественное мастерство поэтессы, дается оценка ее высокой поэзии, определяются традиции и новаторство, отмечается индивидуальность стиля. Лирические и эпические произведения анализируются с точек зрения содержания и художественной формы, внимание критики обращено к проблематике, идейно-тематическому замыслу текстов, жанровому многообразию. Масштабность и многозначность исследований проявляется в освещении творчества Танзили в различных аспектах (идейно-художественном, онтологическом, философском, историко-культурном, психологическом), что позволяет определить зрелость поэтического мышления, выявить грани таланта поэтессы, снискавшей славу среди читателей второй половины XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: Танзили Зумакулова, карачаево-балкарская поэзия, новаторство, литературная критика.

В ряду мастеров балкарского художественного слова советского и постсоветского периодов имя Танзили Зумакуловой (1934) занимает центральное место. В 1970 году ей первой среди балкарских писателей была присуждена Республиканская премия КБАСР в области литературы за сборники стихов «Прохлада гор», «Светильник», а в 1977 году первая из представительниц национальных литератур стала лауреатом Государственной премии им М. Горького (за сборник стихов «Сокровенность»). Поэтесса, обладающая «счастливым правом – правом писать» [Кулиев 2010: 8], по настоящее время пользуется заслуженной славой среди читателей. Не иссякает интерес к ее творчеству и со стороны литературно-критической мысли, ибо поэзия Танзили – это образец высокого поэтического слова, и вся она, словами Межелайтиса, «дышит большой любовью к человеку. О чем бы она ни писала – ... все это глубоко... волнует. Ибо это не только слова, не только строфы..., строки – это молекулы ее сердца и атомы ее души. А это есть свойство большого, врожденного, неповторимого таланта» [Межелайтис 1994: 27–28].

Литературное творчество Танзили находило восторженные отклики в статьях известных поэтов, критиков Эд. Межелайтиса, Р. Гамзатова, Ч. Айтматова, К. Кулиева, И. Гринберга, Вл. Туркина, Зульфийи, Ст. Рассадина, М. Киреева, В. Кузьмина, С. Трегуба, З. Тхагазитова, К. Султанова, Ф. Урусбиевой, О. Вороновой, Д. Маммеева, З. Толгурова, А. Гутова, Т. Биттировой, А. Марченко, И. Роднянской, М. Эльберда, Б. Кагермазова, Л. Антопольского, Н. Джусойты и др., которые подчеркивали внутреннюю напряженность, лиричность и задушевность ее поэзии.

Вместе с тем каждый из почитателей таланта поэтессы по-своему воспринимал ее стихи, давал собственную интерпретацию ее художественного слова. Так, светлой и грустной назвал поэзию Танзили Э. Межелайтис. Такое определение было оправдано тем, что художник создает в своем творчестве яркий образ женщины-горянки, устремленной на поиски счастья. Трудным и счастливым даром сопереживания, по верному рассуждению А. Гутова, наделена Танзиля. В понимании ученого, истинность поэта заключается не в умении изливать в красивых словах свои переживания, а в способности пропускать их через свое сердце, «сострадать, брать на себя боль всего другого человека, ... боль всего сущего на земле – в этом главное предназначение поэта и его отличительный признак» [Гутов 2011: 210]. В восприятии патриарха осетинской литературы Нафи Джусойты – «... лирика Танзили настоящая, горская, человечная, и мужественная» [Эфендиева 1981: 95]. «Жизнеутверждающей» назвал поэзию Танзили Давид Кугультинов [Кугультинов 1977].

Поэт Владимир Туркин, отмечая самобытность и неповторимость голоса Танзили в поэтической радуге Кабардино-Балкарии, на ярком фоне признанных мастеров поэтического слова А. Кешокова, К. Кулиева, К. Мечиева, в творчестве художника слова находит «радушие и обнадеживающие особенности» [Туркин 1994: 57]. Особо выделяет критик строки из стихотворения «Мы временем умеем дорожить», которое «не просто определяет талант автора, но и меру этого таланта, его масштабность и мощь» [Туркин 1994: 57]. Это же стихотворение было отмечено и Чингизом Айтматовым. Оно отличается зрелостью и глубиной мысли:

Иной из нас не потому, что сыт,
Свой скудный хлеб голодным предлагает,
И мать не от бессонницы не спит,
И люльку полуночную качает.
В морских волнах, в пороховом дыму
Безвестный мальчик за святое дело
Жизнь отдает совсем не потому,
Что жить ему на свете надоело...

(Перевод Н. Гребнева)

Подчеркивая новаторский характер поэзии Зумакуловой, И. Гринберг в статье «Женщина гор» восхищается ее смелостью, вдумчивостью, прямодушием, что объясняется преданностью высоким принципам горской морали, близостью к народной жизни, к жизни людей труда, тех, кто создает человеческую культуру [Гринберг 1965: 285].

Народный поэт Узбекистана Зульфия, убежденная в бесспорности таланта Танзили, пишет о глубине чувств, неподдельной искренности, глубокой лиричности, высокой гражданственности ее поэзии [Зульфия 1994: 27].

Не только сборники, также отдельно напечатанные стихи балкарской поэтессы, быстро находили своих читателей. В числе таковых – опубликованное на страницах центральной газеты «Правда» стихотворение «Похвальное слово», которое характеризовалось как «беспощадное, талантливо беспощадное» [Перцов 1971].

Тому из нас, что хорошо поет
И это понимает, честь и слава.
Пусть будет славен сочинитель тот,
Кто знает, что писать имеет право.
Но и не меньше заслужил похвал
Тот человек – да будь он славен тоже, –
Который ничего не написал,
Который петь хотел, но век молчал,
Поняв, что петь как следует не может

(Перевод Н. Гребнева)

«Антивоенная поэма» Зумакуловой потрясла читателей «своей страстностью, своим трагическим пафосом» [Квливидзе 1994: 83]. Грузинский поэт Михаил Квливидзе отмечал тонкое художественное чутье поэтессы, ее творческое умение создать яркие, запоминающиеся образы. Тема войны была выстрадана самой Танзилей, художественно освоена ею. Это произведение рассматривалось в ряду лучших произведений о Великой Отечественной войне.

Каждый новый сборник поэтессы сопровождался множеством живых откликов. Сборник «Молчание» (1972), в частности, привлек внимание читателей своей символичностью: выражаясь словами М. Эльберда, автор «почувствовала историческую закономерность своей миссии – облечь в словесную плоть молчание многих поколений горянок» [Эльберд 1965]. Известный критик Лев Антопольский в статье «Преодоление молчания», давая высокую оценку сложному, глубоко философскому поэтическому слову Танзили, по-своему интересно и глубоко рассматривает основную художественную мысль названного сборника. Молчание, в понимании критика, – «не просто преодоленная вековая бессловесность восточной женщины... Это и молчание реки, когда она течет по ровному месту, не зная преграды, молчание земли, которая ниже гор, но щедрей, ибо не возносится, а кормит. Это молчание мастера, ищущего единственное точное слово. Это молчание горя, не выносящего жалости к себе, молчание гордости, не желающей унижаться, молчание правоты, знающей, что она правота.

Это молчание глубокой любви и веры, и истинной верности, не знающей сусловия. Молчание... весомей слов, когда за ним чувствуется глубина и серьезность» [Антопольский 1972: 266].

Высоко оценивая творчество Танзили, исследователи не увлекались одними восторженными статьями и хвалебными отзывами, они обращали внимание и на пока еще нереализованные перспективы в творчестве поэтессы. Так, Камиль Султанов в сборнике «Певцы разных народов» (1971) наряду с художественными достоинствами ее поэзии также отмечает излишнюю философичность, многословие, которые наблюдаются в некоторых стихах поэтессы («Даруя нам тепло», «Добро и зло»). «Почему так подробно я говорю о недостатках стихов и поэм Т. Зумакуловой? – отмечает К. Султанов. – Это я делаю любя ее поэзию. Я надеюсь, что художественная совесть чуткой и отзывчивой поэтессы Зумакуловой не даст успокоиться на достигнутом, постоянно будет нашептывать об... учебе и совершенствовании, которому нет предела» [Султанов 1971: 427].

В числе истинных почитателей таланта Танзили – известная балкарская поэтесса Светлана Моттаева, благодаря усилиям которой была составлена и выпущена уникальная книга «Танзиля Зумакулова. Слово и судьба» (1994), приуроченная к ее юбилейной дате. «Эта книга, – пишет составитель, – дань уважения и признательности многих людей, имеющих непосредственное отношение к писательскому ремеслу, собратьев по перу, а также тех, для кого «трудится день и ночь» сердце и разум замечательного поэта Танзили Зумакуловой» [Моттаева 1994: 7]. В данном сборнике собраны литературно-критические статьи, авторы (представители разных народов и поколений, известные деятели многонациональной советской культуры, писатели и поэты, ученые Николай Тихонов, Николай Старшинов, Расул Гамзатов, Алим Теппеев, Нафи Джусойты, Кайсын Кулиев, Алим Теппеев, Фатима Урусбиева и др.) которых единодушны в высокой оценке поэзии Танзили. И в последующем эти материалы были введены в научный оборот и использованы при написании научных трудов, в особенности диссертационных работ. Так, в 2001 г. была успешно защищена диссертация А. Атабиевой «Лирика Танзили Зумакуловой: традиции и новаторство» на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Позже был издан одноименный монографический труд

(2008), в котором комплексно исследуется творческое наследие Зумакуловой, дается жанровая дифференциация ее поэм, выявляются особенности поэтики, отмечается художественное своеобразие стихов. В работе А. Атабиевой прослежена эволюция поэтического мышления, лирика Танзили рассматривается в контексте поэзии народов Северного Кавказа, что позволило молодому исследователю определить степень влияния традиций многонациональной отечественной поэзии на эволюцию художественного мастерства, на характер новаторства поэтессы. «Новизна ее поэзии заключается, прежде всего, в выражении нового содержания, в идейно-нравственном наполнении ее произведений... Поэтические находки Т. Зумакуловой послужили целям обогащения формально-содержательного компонента национальной поэзии, способствуя ее дальнейшей эволюции», – отмечает А. Атабиева [Атабиева 2008: 116–117].

Нарушая хронологическую последовательность изложения, необходимо отметить, что первая попытка исследования творческого наследия Т. Зумакуловой была предпринята Т. Эфендиевой в монографии «Откровение» (1981), в которой рассматриваются тематическое многообразие (Родина и народ, дружба народов, поэт и поэзия, война и мир, любовная лирика, стихи, о жизни и смерти и т.д.), идейно-художественные особенности лирики поэтессы. Отмечаются характерные черты поэзии Зумакуловой – музыкальность и лиричность. По мнению исследователя, секрет поэтического мастерства Танзили заключается в глубоком знании изобразительных средств языка, родного фольклора, быта и родной речи, в правдивом воспроизведении в художественных образах значительных явлений и фактов действительности [Эфендиева 1981: 117].

В книге известного писателя и литературоведа А. Теппеева «Зумакулова Т. Жизнь. Творческий путь» (1997, на балк. яз.) рассматриваются биография и творческий путь поэтессы. Литературное наследие художника слова исследуется в сопоставительном аспекте с поэзией К. Кулиева, который сыграл большую роль в развитии художественного мастерства поэтессы. Также глубокому анализу подвергаются поэмы «Антивоенная поэма», «Чужбина». Написанные А. Теппеевым литературные портреты Танзили стали яркими страницами «Очерков истории балкарской литературы» (1981, 2010).

Одним из верных и искренних почитателей таланта Т. Зумакуловой был З. Толгуров, который являлся автором предисловий «Эслилик сёзю» («Мудрое слово»), «Къаяда гюлле» («Цветы на скале») к сборникам стихов и поэм «Ата ююм» («Отчий дом», 1984), «Сайламала» («Избранное», 1994). Творчеству поэтессы были адресованы десятки статей, большая часть каждого монографического исследования литературоведа посвящалась ее поэзии. Названия статей свидетельствуют об отношении ученого к поэтическому наследию мастера художественного слова, в них отражается высокая оценка всего его творчества [Толгуров 1976; 1983; 1994; 2014]. В последнем труде «Жанр баллады в балкарской поэзии» (2015) Толгуров резюмирует: «Танзиля Зумакулова пришла в литературу как знаток исторического развития своего народа, глубоко ощущая свою связь с окружающей действительностью и с миром. Потому о чем бы она ни писала, одним из доминирующих свойств ее произведений остаются связь явлений, единство с народом, с ее обычаями и традициями. Стремление Зумакуловой правильно понять и художественно осмыслить пути и закономерности эволюционного движения жизни и природы придает ее творчеству особую глубину и обаяние» [Толгуров 2015: 83].

Как показывает практика, творчество Т. Зумакуловой подвергается глубокому осмыслению, ее высокая поэзия является объектом исследования многих научных изысканий отечественных, региональных ученых, критиков. В трудах современных литературоведов произведения Т. Зумакуловой наряду с творчеством классиков национальной словесности рассматриваются с различных научных ракурсов (теоретического, историко-культурного, онтологического и т.д.), ориентируя

исследователей на поиски и новаторские решения оригинальных идейно-художественных задач.

Источники и литература

1. *Атабиева А.Д.* Лирика Танзили Зумакуловой: традиции и новаторство. Нальчик: Эльбрус, 2008. 128 с.
2. *Антопольский Л.* Преодоление молчания // Дружба народов. 1972. № 1. С. 266–276.
3. *Гринберг И.* Женщина гор // Дружба народов. 1965. № 11. С. 283–285.
4. *Гутов А.* Константы в культурном пространстве: Публицистика, Фольклор, Литература. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216 с.
5. *Зульфийа.* Талант в данном случае бесспорен // Танзиля Зумакулова. Слово и судьба. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 46–47.
6. *Квливидзе М.* Рецензия на сборник стихов и поэм Танзили Зумакуловой «Радуга над домами» // Танзиля Зумакулова. Слово и судьба. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 81–83.
7. *Кугультинов Д.* Жизнеутверждающая поэзия // Кабардино–Балкарская правда. 1977. 22 октября.
8. *Кулиев К.* Счастливое право // Танзиля Зумакулова: поэзия сокровенных чувств. Нальчик: Эльбрус, 2010. С. 8–11.
9. *Межелайтис Эд.* Эльбрусская Сапфо // Танзиля Зумакулова. Слово и судьба. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 26–28.
10. *Моттаева С.* Танзиля Зумакулова. Слово и судьба // Танзиля Зумакулова. Слово и судьба. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 7–17.
11. *Перцов В.* Ответственность // Литературная газета. 1971. 3 ноября.
12. *Султанов К.* Танзиля Зумакулова // Певцы разных народов. Махачкала, 1971. С. 417–427.
13. *Тепеев А.* Зумакулова Т. Жизнь. Творческий путь. Нальчик: Эльбрус, 1997 (на балк. яз.).
14. *Толгуров З.* Поэзияны жарыкъ сёзю (Светлое слово поэзии) // Коммунизмге жол (Путь к коммунизму). 1976. 3 августа (на балк. яз.).
15. *Толгуров З.* Поэзия, глубоко отражающая жизнь // Коммунизмге жол (Путь к коммунизму). 1983. 18 января (на балк. яз.).
16. *Толгуров З.* Сокровенное слово // Кабардино–Балкарская правда. 1994. 10 августа.
17. *Толгуров З.* Верность общественному долгу // Кабардино–Балкарская правда. 2014. 3 июля.
18. *Толгуров З.* Жанр баллады в балкарской поэзии. Нальчик: Изд. отд. КБИГИ, 2015. 164 с.
19. *Туркин В.* О Танзиле Зумакуловой // Танзиля Зумакулова. Слово и судьба. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 56–58.
20. *Эльберд М.* Самобытность // Кабардино–Балкарская правда. 1965. 14 июля.
21. *Эфендиева Т.* Откровение. Нальчик: Эльбрус, 1981. 136 с.

CREATIVITY OF TANZILI ZUMAKULOVA IN THE MIRROR OF LITERARY-CRITICAL THOUGHT

Sarbasheva Alena Mustafayeva, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Sector of Karachai-Balkan Literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alenasarb@mail.ru

The article deals with the work of the famous Karachay-Balkarian poetess Tanzili Mustafayevna Zumakulova in the mirror of literary and critical thought. The literary heritage of the master of poetic words has become the object of close attention and deep understanding on the part of ordinary readers, famous poets, critics, literary critics of the Soviet and post-Soviet periods. In reviews, reviews, studies on the works of Zumakulova, the poetess's artistic skill is reviewed, her high poetry is evaluated, traditions and innovation are determined, and the style

is individual. Lyrical and epic works are analyzed from the point of view of content and art form, the attention of critics is drawn to the problems, the ideological and thematic design of the texts, and genre diversity. The scale and ambiguity of research is manifested in the coverage of Tanzili's work in various aspects (ideological, artistic, ontological, philosophical, historical and cultural, psychological), which allows one to determine the maturity of poetic thinking, to reveal the facets of the talent of the poetess who has earned fame among readers of various generations of the second half of the 20th – beginning of the XXI centuries.

Keywords: Tanzilya Zumakulov, Karachay-Balkar poetry, innovation, literary criticism.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-73-78

ЛЪЭПКЪ ЛЪАПНЭНЫГЪЭХЭМ УСАКЛУЭ БЭРБЭЧ ЗУБЕР И УСЭХЭМ ЩАУБЫД УВЫПНЭР

Тымыжъ Хъемыщэ Тэркъан и къуэ, филологие щлэныгъэхэмкIэ доктор, Урысейм ЩлэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр щлэныгъэ центрым Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ и институтым къэбэрдей-шэрджэс литературэмкIэ и секторым и унафэщI, kbigi@mail.ru.

Усаклуэ, прозаик Бэрбэч Зубер Iэуес и къуэм и творчествэр лъэпкъым къыдеклуэкI хабзэхэм быдэу зэрыпыщIар, цыхугъэм ехьэлIауэ адыгэм хигъэшхэхукIа лъаплэныгъэ нэхьыщхьэхэр абы и тхыгъэхэм щытепщэу зэрыщытыр къэхутэнырщ мы статьямкIэ ди мурад нэхьыщхьэр. Усаклуэм и япэ тхыгъэхэм къыщыщIэдзауэ иужрейхэм нэсу теухуащ гъэсэныгъэм, дэтхэнэми и хьэл-щэныр, цыхушыкIэр абы къыпкърыкIыжу зэрыщытым. Бэрбэчымы и тхыгъэхэм ящIэлъыр езым и дуней лъагъукIэм, Iуэху еплъыкIэм къагъэщIа гупсысэхэрщ. Апхуэдэу щытми, абы и художественнэ гупсысэхэм я къыгъэхуапIэу къонэж зэманым игъэунэхуауэ цыхухэм къадэгъуэгурыкIуэ зэхушытыкIэфIхэр, щIэблэ гъэсэкIэр, хуэпсапIэхэр. Апхуэдэу мы статьям гулбытэ хэха щигъуэтащ усаклуэм гурэ псэкIэ илбагы и лъахэм, Шэрэдж псыхуэм, и лъэпкъэгъухэм теухуауэ итха усэхэр зэпкърыхыным. Ауэ нэхьыщхьэу, дэ дызэрэплъымкIэ, Бэрбэчымы и творчествэм хэлъыр усаклуэм Хэкум хуиIэ лъагъуныгъэшхуэр къызыхэщ и тхыгъэхэрщ. АбыхэмкIэ усаклуэм дыккыхуреджэ щIыуэпсыр тхумэну, ди зэран едмыгъэкIыну.

Бэрбэч З.И. и творчествэ джыным мыхьэнэшхуэ иIэщ. Абы и тхыгъэхэр къагъэсэбэп хьунуц щIэблэр зэрырагъаджэ тхылхэр щызэхалхьэкIэ, зэрыщыту адыгэхэм я литературэм и тхыдэр щатхыжкIэ.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: къэбэрдей-шэрджэс литературэ, усыгъэ, цыхугъэ, художественнэ дуней лъагъукIэ, тхыгъэ анализ, Iэмал, хьэтI, поэтикэ.

Художественнэ тхыгъэм хэлъ гупсысэ нэхьыщхьэм сытым щыгъуи ар зи IэдакъэщIэкIымы и дуней еплъыкIэм, и хьэл-щэным щыщ гуэрхэр (псалъэм папщIэ, пхъашагъэ-шабагъэ, гу хуабагъэ-гу щIылагъэ, фIэрафIагъэ, н.) хэплъагъуэу щытщ. НэгъуэщIу жыпIэмэ, «тхыгъэм и эстетикэр куэдкIэ елыгащ ар зейм и цыху шыкIэм, апхуэдэу и псэм къыпкърыкI дахагъэмрэ и гум къышыуш гурыщIэмрэ щIэджыкIакуэм зэрызыхригъэщIэфым» [Тымыжъ 2009: 37]. И кIэм-и кIэжымы арац зи пэжагъэр ягъэунэхуа цапхьэхэм фIэкI къызымыдзэ щлэныгъэм гъуазджэр къыщхьэщызыгъэкIыр. Ауэ авторым и Iуэху еплъыкIэр, къэклуэным, къэхьункIэ хьунум ехьэлIа и гупсысэхэр япэ щыщ щыIэщ щлэныгъэм и къэхутэныгъэхэм. Гипотезуу дунейм къытехьэ апхуэдэ литературэ гупсысэщIэхэр, «художественнэ идеекIэ» псыхьахэр, къыгъэщIурэ къэклуэным ахэр гъащIэ гъуэмылэ хуищIу псэуахэм ящыщ Бэрбэч Зубер Iэуес и къуэр (1950–2005). Лъэпкъым ущие псалъэ хуэхуауэ номи къэгъуэгурыкIуэ апхуэдэ гупсысэхэр тхаклуэм къызэригъэщIу щыта Iэмалхэр къэхутэныр, Iушыгъэхэм я къыгъэхуапIэу абы иIахэр убзыхунырщ мы лэжыгъэм и мурад нэхьыщхьэр. А мурадым улъэлэсын щхьэкIэ, гъээщIэн хуейуэ къалэн зыжанэ къоув. Псом япэу щытри езы усаклуэм и цыху шыкIэр, цыхугъэу хэлъар убзыхунырщ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ ахэрац абы и художественнэ дунейм хэкIыпIэ нэхьыщхьэ хуэхуар.

ГъащIэ зыхэпсэукIымы, къэзыхуьуреихь цыхухэм я зэхушытыкIэхэм къыхуахь гупсысэхэр усаклуэм и псэм щыпхишырт, лъэпкъым къыдеклуэкI хабзэхэмрэ

нэгъуэщІ льяпІэныгъэхэмрэ абыхэм къаришэкІыжырти, художественнэ псалъэкІэ ди пашхэ кърыльхэжырт. ФЫмрэ Іеймрэ, екІумрэ емыкІумрэ къызэригъэлыгагуэр езым и цыху щыкІэм зэрэзэгъым, фІэфІымрэ фІэмыфІымрэ тещІыхъауэт. Апхуэдэ и Іуэху еплъыкІэр ар иджыри ныбжьыщІэ дыдэу зэфІэуават:

Сопсэу сэ зы хъуэпсапІэ сІэу:
Мис, уафэ, си гур уэркІэ зэІухащ,
Хурехъу ар зы дыгъэ бзий къудамэ
Нэхушым ІэплІэ уэ хузэІупхам
[Бербеков 1967: «В горах»].

ІужькІэ гъащІэм зыжьыхигъауэ гугъуехьхэм, усакІуэм и гум дыркъуэ къытездыдзэ мыхъумыщІагъэхэм Бэрбэчым и Іуэху еплъыкІэхэм зрагъэхъуэжынуш, зыми къыщыхуимыгъэдахэми, къуаншагъэ зылэжъу къилытэхэм усакІуэр япэщІэуэф ящІынуш, ар езы къэрал дыдэрауэ щытми къимыгъазэу. Ауэ абыхэм япэмьлэщ, и гуащІэр къемэщІэкІ щыхъукІэ КъэгъэщІакІуэ Иным зыхуигъазерт:

Лъэпкъ зэгъэкІуэкІ
Дэ къыддокІуэкІ.
ПхуэщІэнум тІу,
Іульэф мы тІур:
ШэкІуу-мэкІур,
ХамэкІутІур
[Бэрбэч 1996: 15].

Цыхугъэу дэтхэнэми иІэр и напэм тригъахуэм хуэдизщ. Цыхум и инагъыр зэлыгари и Іэпкълэпкъырккъым, атІэ щысабийм щегъэжьауэ зэхилхъа цыхугъэрщ. «Ажалу и жагъуэт» абы щхэжухешэхэр, къулыкъушІэкъухэр, нэпсейхэр. Социализм псэукІэр къутэжа нэужь абы и плэ къиува бэзэр зэхэтыкІэр, мылкъу зэдэгъажэр игу къеуэрт Зубер. Цыхур зыгъэикІэ, зыгъэпуд сыт хуэдэ зэхъуэкІыныгъэми и бийт ар:

Бэзэр псэукІэ,
Къыпыж-ныпыж,
Цыху зыгъэикІэ,
ИрекІуэдыж!
[Бэрбэч 1996: 15].

Ауэ Зубер псэуху и сабиипсэм зихъуэжаккъым – ар къабзэу, нэхуу, М. Горькэм и Данко хуэдэу, и гур цыхубэм гъуэгугъэлыгагуэ яхуищІу псэуащ. «ПсалъэкІэ, тхыгъэкІэ, ІэщэкІэ – къыІэрыхъэмкІэ ем пэувырт Зубер, – етх тхакІуэ цІэрыІуэ Хьэх Сэфарбий. – Къыщыхъу щыІэт ар пхашэ къудейм къыщымынэу, шыгуащІи. АрщхэкІэ узэримыгугъэнуи гу щІанэт. Абы и мафІэм гу щІыІэ-псэ щІыІэр, лейзехьэр игъэткІурт. Ауэ игъэхуабэрт дэхуэхар, дэІэпыкъуэгъу хуэныкъуэр» [Хьэх 2014: «НапІэзыпІэ»]. И гъащІэр кІэщІми, ар щызу зыгъэщІа усакІуэр, журналист, цыхубэ лэжъакІуэ цІэрыІуэр 1950 гъэм дыгъэгъазэм (декабрым) и 21-м Къэбэрдей-Балъкър республикэм хыхъэ Аушыджэр къуажэм къыщалгъуащ. Абы курыт еджапІэр къыщиухри ар щІэтІысхъащ Къэбэрдей-Балъкър къэрал университетым и тхыдэ-филологие факультетым. 1972 гъэм еджапІэ нэхъыщхьэр фІы дыдэу къызэриухамкІэ тхыль иІыгыу, ар «Ленин гъуэгу» газетым (иужькІэ и цІэр «Адыгэ псалъэу» зэрахъуэкІащ) лэжъакІуэу уври дунейм ехыжыху а ІэнатІэм хуэпэжу пэрытащ. Ар лэжъащ корреспонденту, корреспондент нэхъыжъу, дыкъэзыухурехь дунеймрэ щІыуэпсымрэ хъумэнымкІэ редакцэм и къудамэм и унафэщІу. Зыпэрыт ІэнатІэм щІІэ ехъулэныгъэхэм, апхуэдэу цыхубэм хуэгъэзауэ иригъэкІуэкІ лэжыгъэщхуэхэм къапэкІуэу Бэрбэч Зубер къыхуагъэфэщаш

«Адыгей Республикэм щIыхь зиIэ и журналист» цIэ лъапIэр, Абхъаз Республикэм и Леон орденыр, фIыщIэ, щытху тхыль куэд.

Мис а и гъащIэ гъуэгуанэрщ усакIуэм и творчествэм лъабжъэ хуэхъужари. Тхыгъэм и пэщIэдзэм кызырщыдгъэлъэгъуащи, Бэрбэч З. I. пасэу литературэм гу хуищIат. Иджыри къуажэ еджапIэм щIэсу абы и усэхэр къытрадзэу щIадзат район газетым, ныбжыщIэхэм папщIэ республикэм кыщыдэкI «Совет щIалэгъуалэ» газетым. Ар хуэусэт зыми пимыщI и лъахэм, «зи псы Iубыгъуэр уз псоми хущхуэ яхуэхуэ» Шэрэдж, «нартхэм быдапIэу тхузэтралъхьа ди къуршыжъхэм»:

Шыхульагъуэ къуршыжъым
Сыксохъэ и щIыб.
ЩIихъащи, псы хыжъэм
Махъсымэу зебыб.

[Бэрбэч 1990: «Шэрэдж»].

А псори псэ пIейтеям къыпкърыкI лъагъуныгъэшхуэкIэ гъэнщIат. Щалъхуа и хэкум хуиIэ апхуэдэ гурыщIэр зэрыгъунапкъэншэр къыгъэлъэгъуат абы, иджыри илгъэс 17 ныбжъым иту:

Гуэл щхуэчхэм нэр щIасыкIыу
Пшэ хужъхэм я щхъэшыгум къитщ.
Псыныхухуэ бгым къехуэххэр,
Удз гъэгъа шыгъэу мывэм зэбгреху.
Гъагъэ, си лъагъуныгъэ,
Уахътыншэу уэ пхузиIэ фIыгъуэ!

[Бербеков 1967: «В горах»].

УсакIуэпсэм зыхихырт лъахэм и макъыр, зыхищIэрт абы и гурыгъу-гурыщIэхэр. И усыгъэхэм щигъафIэрт щIэблэр, абы къыргъэчэнджэщырт Iуащхъэмахуэ-дадэ («Адыгэ лъэпкъым»), ныбжыщIэхэр нарт Сосрыкъуэ, Ашэмэз, Батрээс сымэ я лIыгъэм щигъэхуэпсырт («Хъуромэ», «Тенджыз Iуфэм», «Ашэмэз и бжъамийр», «Джэж» усэхэр, нэгъуэщIэхэри).

«ЦIыхугъэр шыкIуэд хъунукъым политикэми, жылагъуэ зэхэтыкIэми, лэжыгъэ IэнатIэми. Унагъуэми ар икIуэдыкI хъунукъым, егъэджэныгъэ-гъэсэныгъэри, динри абы хуэлажъэу шытын хуейщ» [Тымыжъ 2009: 91]. Ахэращ Бэрбэчым и тхыгъэхэр яIэту абыхэм къахэлукI макъхэр. Ауэ псом хуэмыдэу усакIуэм и творчествэм тепщэ щыхуэат куржы-абхъаз зауэр. Абы идэнкIэ Iэмал иIэтэкъым зылъэкIыр зылъэмыкIым тегушхуэныр, лъэщым къарууншэр лъэгущIэтын ищIыныр. «Лъэщыр – дунейм екIуу тетырщ, зэхэтыкIэ дахэ зиIэрщ, дуней хъугъуэфIыгъуэхэр зыгъэбагъуэрщ» – щетх абы «Зым и зэран щэм йокI» и статьям [Бэрбэч 2004: 9]. Ауэ цIыху сэфэтым икIыу Iэщэм зэу епхуэ къэрал унафэщIэхэр зэи игъэзахуэртэкъым. Ар цIыхугъэншагъэм и шапхъэ нэхь икIэ дыдэхэм ящыщу къылбыгъэрт Бэрбэчым. Аращ куржыдзэр Абхъазым кыщытеуам шыгъуэ, Апсным и хэкур зыхъумэну кIуа адыгэ щIалэхэм я япэ сатырым езы усакIуэр яхуэвауэ щIыщытар.

Абы и Iэщэ мыубзэщхуэ хуэат жану игъабзэ и псалъэр. Ауэ ар ещхътэкъым зауэр, революцэр романтизмэм и акъужымэр къыкIэрихыу XIX лIэщIыгъуэм зыусу шыта европэ усакIуэхэм я IэдакъэщIэкIэхэм. УсакIуэм и тхыгъэхэр реализмэм и жыпхъэм итщ, икIи «зауэфI зэрыщымыIэр, абы и кIэр сыт шыгъуи хъэдагъэкIэ зэриухыр» ибзыщIыркъым. Апхуэдэу щытми, щхъэхуитыныгъэр кызырахыр «лIыгъэрэ, хахуагъуэ зэрыщытыр» щытепщэщ абы и тхыгъэхэм. Нобэ гугъу ехьми, пщэдей я «жъэгъу мафIэр кызырэзэщIэнэжынуыр» я фIэщ ещI абы и ныбжыгъу абхъазхэм. Я къэкIуэнур фIым, дахагъэм зэрыхуэгъэпсар яшигъэгъупщэркъым:

Псэм и щыналъэм, уэ-рирэ-уо,
Я жьэгужь мафлэр зэщлэгъэнж.
Лей зытехьахэр, уэ-маржэ-уо,
Зэрыгъуэтыжу гур кызэрэкл,
Щхьэхуитыныгъэр, уэ-рирэ-уо,
Заулл гурыщлэ дыгъэу кыхокл.

[Бэрбэч 1996: 8].

Абхъазым и щхьэхуитыныгъэр хьумэным кыыхуриджэу, лъэпкъым шапэлудз яхуищлэу иусасщ абы «Джэж», «Генэ и уэрэд», «Къахуэмыгъэдзыха лъэпкъым теухуа балладэ», «Зыгъэбыдэ, Апсны!», «Амзарэ уэздыгъейх», нэгъуэщлэхэри. Ахэр ихуащ «Джэж» усэ тхылъ цыкълум (Налшык, 1996).

«Джэж» сборникым нэмыщлэ Бэрбэчымы иджыри тхылъитл кыдыдигъэклэщ: «Джатэпэрыжэ», «Ашэмэз и бжъамий» (Налшык, 2004). Абыхэм щызэхуэхьэсащ Зубер и очеркхэр, публицистикэ лэжьыгъэхэр, гъуэгуанэ тхыгъэхэр. Мыхэр езым зыхуигъэхьэзырыр «Адыгэ псалъэ» газетым хэту кыдыдигъэкълэу щыта «Ашэмэз и бжъамий» напэкълуэцлэрт, дыкъэзыухъуреихь дунейр хьумэным хуэгъэпсарт. Ауэ Бэрбэчымы и тхыгъэхэм кыызэщлэригъэубыдэрт «экологием» и мыхьэнэ псори: «дунейр узыншэнри, лъапсэр тыншыплэ щынри, псэр къэбзэнри, шхыныгъуэхэр фынри, зауэхэр кызыэрытпекълуэкълэжри, къэхьукъащлэ шынагъуэхэри, псэушхьэхэм я зэхушытыклэ нэгъунэ...» [Бэрбэч 2004: 5]. А псом щатетхыхьклэ, Бэрбэчыр журналистикэм и жанрхэм кыкълэрти, литературэ лэмалхэм хуэкълуэрт, абыхэмклэ и тхыгъэхэр еджэгъуафлэ гукъынэжи ищлэу. Абы и лэдакъэщлэклхэм художественнэ псалъэр тепщэ щыхьурт. Ахэр нэхь ещхьщ прозэу тха басням, ауэ тхыгъэм кыыхэхын хуей гупсысэмрэ ущиэмрэ езым зэхилхьэжа усэ едзыгъуэкълэ лэмал имылэу иухьыжырт. Мыпхуэдэ гъэщлэгъуэнагъхэр зыдэпльагъуу лъэпкъ литературэм хэтыр Бэрбэчымы и тхыгъэхэрщ. Тхылъым ихуа тхыгъэ псори зэрешаллэ абы и пэщлэдзэм усаклэуэм хуищлэ усэ едзыгъуэм кыщыхьа гупсысэм:

Ди нарт Ашэмэз уэгү-щыгур егъэз,
Игъаджэу бжъамийр дреджэ лъхудийр,
Хуэдгъазэу зыхуейр тхьумэну дунейр!

[Бэрбэч 2000: 4].

Мыр усаклэуэм къэкълуэну щлэблэм къахуигъэна уэсятщ: «Дунейр, Хэкур, Унэ-Псэуплэр кызыхуэтыншэу хьумэжыныр зи къалэн иныр – уэращ, сэращ, дэращ – ар гъээщлэнми напэгэкълэ тхьэм дыпэригъэт!» – етх усаклэуэм [Бэрбэч 2004: 5]. Ар пхузэфлэмыкълэны гуэру зэрыщымытри къегъэлъагъуэ Бэрбэчымы. Абы щхьэклэ узыхуейри зы мащлэ дыдэщ – игъащлэ лъандэрэ лъэпкъым кыдеклэуэклэ лъаплэныгъэ нэхьыщхьэр – цыхугъэр – мыгъэкълуэдынырщ, зы ллакъуэм ар сакъыу ихьумэурэ кыкълэлыкълуэм хэмыщлэлауэ иритыжынырщ.

Мы тхыгъэм дэ кыщыдгъэлъэгъуар Бэрбэч Зубер и творчествэм и зы лъхьэщ – и усыгъэм нэхьыщхьэу кыыхьэлуклэ «цыхугъэ категорием» езы усаклэуэр зэрыхушытарщ. Ауэ и прозэ, публицистикэ тхыгъэхэр къапщтэми, абыхэми щытепщэр ар дыдэрщ. Къэрал, цыхубэ мыхьэнэ ялэу кылэрт лэухугъуэщхуэхэр усэ жанрым кыщымытлэсэм деж, абы журналист, литературэ лэмалхэри кыигъэсэбэпырт, абыхэмклэ кылэуэтэну зыхуей гупсысэхэр иригъэкъужу. Апхуэдэу сабиипсэрэ цыху хьэлэлу дунейм тета усаклэуэ, журналист, цыхубэ лэжьакулэушхуэ Бэрбэч Зубер лэуес и къуэм кыхуиухар гъащлэ мащлэрт – илгъэ 55-м иту 2005 гъэм гъатхэпэм и 16-м зэуэзэпсэу ар дунейм ехьыжаш.

Источники и литература

1. Бербеков З.А. В горах // На поэтической волне. «Советская молодежь». Нальчик, 1967. 16 августа.
2. Бэрбэч З.И. Джэж. Налшык: Адыгэ хэку, 1996. 16 н. // Бербеков З.А. Клич. Нальчик: Адыгское отечество, 1996. 16 с.
3. Бэрбэч З.И. Зым и зэран щэм йокI / Ашэмэз и бжъамий. Налшык: Эльбрус, 2004. 262 н. // Бербеков З.А. Один человек может навредить многим // Свирель Ашамаза. Нальчик: Эльбрус, 2004. 262 с.
4. Тымыжь Хь.Т., Тхьэгъэзит Ю.М. Адыгэ лъэпкъ роман: и тхьэдэ гъуэгуанэмрэ художественнэ нэщэнэхэмрэ. Налшык: КБИГИ, 2009. 198 с. // Тимижев Х.Т., Тхагазитов Ю.М. Адыгский роман: история развития и художественные особенности. Нальчик: КБИГИ, 2009. 198 с.
5. Хьэх С.Хь. НапIэзыпIэ / Адыгэ псалъэ, 2014, мэкъуауэгъуэм и 19 / Хахов С.Г. Мгновение // Адыгское слово, 2014. 19 июня.

НРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ ЭТНОСА В ПОЭЗИИ КАБАРДИНСКОГО ПОЭТА ЗУБЕРА БЕРБЕКОВА

Тимижев Хамиша Тарканович, доктор филологических наук, заведующий сектором кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kbigi@mail.ru

Цель представленной статьи – показать глубокую связь творчества кабардинского поэта Зубера Ауесовича Бербекова с нравственными нормами адыгского этноса. Каждое его произведение представляет неиссякаемый источник нравственных наставлений для самых разных случаев жизни. Анализ поэтических произведений автора показывает широту этих норм и то, насколько глубоко они вошли в его творчество, так, что оно от первого стихотворения до последнего является в одно и то же время мировоззренческим, нравственным и эстетическим кредо самого автора.

Выявляется особое тяготение поэта З. Бербекова к размышляющей лирике, при этом, не теряя связь с народной традицией и с его стилистикой. Его творчество отличает присутствием большого личностного начала, где он выражает свою глубокую привязанность к своей малой родине, бурной реке Черек, предкам. Его стихи на патриотическую тему — апология правды, гармонирующей с гимном родной природе.

Значимость исследования творчества З.А. Бербекова бесспорна, и выводы, сделанные в статье, могут найти применение при создании учебников и учебно-методических пособий по истории адыгских литератур, в разработке лекционных и практических курсов для высших и средних учебных заведениях северокавказских республик.

Ключевые слова: Кабардино-черкесская литература, поэзия, нравственность, художественное мировидение, системный анализ, метод, стиль, поэтика.

MORAL EMPIRE OF ETHNOS IN POETRY KABARDIAN POET Z.A. BERBEKOV

Timizhev Khamisha Tarkanovich, Doctor of Philology, Head of the Kabardino-Circassian Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), kbigi@mail.ru

The purpose of this article is to show the deep connection of the work of the Kabardian poet Zuber Auesovich Berbekov with the moral standards of the Adyghe ethnic group. Each of his works is an inexhaustible source of moral instruction for a variety of occasions. An analysis of the author's poetic works shows the breadth of these norms and how deeply they entered his work, so that it is from the first poem to the last at the same time a worldview and moral instruction.

The special attraction of the poet Z. Berbekov to meditating lyrics is revealed, at the same time, without losing touch with the folk tradition and its style. His work is distinguished by the presence of a large personal beginning, where he expresses his deep affection for his small homeland, the turbulent river Cherek, and his ancestors. His patriotic verses are a defender of truth and nature, an appeal addressed to humanity to live in harmony with nature in the name of good and justice.

The significance of the study of Z.A. Berbekov's work is undeniable, and the conclusions made in the article can be used to create textbooks and teaching aids on the history of Adyghe literature, to develop lecture and practical courses for higher and secondary educational institutions of the North Caucasian republics.

The article is written in Kabardino-Circassian language.

Keywords: Kabardino-Circassian literature, poetry, morality, artistic worldview, system analysis, method, style, poetics.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-79-84

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ О ХОДЖЕ НАСРЕДДИНЕ: СПЕЦИФИКА СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО ЦИКЛА

Берберов Бурхан Абуясуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научно-учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

Восточный культурный канал до сих пор остается малоразработанной проблемой в карачаево-балкарской науке о фольклоре. В данной статье с опорой на труды предшественников (И. Ахматова, А. Гугова, Л. Гергоковой, Ф. Гулиевой (Занукоевой), А. Караевой, З. Налоева, Ж. Тхамоковой, В. Руднева, Ф. Урусбиевой, А. Холаева) исследуется особый пласт устного народного творчества, связанный с образом Ходжи Насреддина. При этом основное внимание сосредоточено на сатирических миниатюрах, маркированных семейно-бытовой тематикой. Проанализированы анекдоты «Обучение», «Кого любит Хожа», «Два дешевеньких кольца», «Победа Хожи», «Женитьба», «Как поступить?», «Растерянность» и др. Как показывает анализ, двумя стилиобразующими чертами названных текстов являются смех и дидактика. Сатира ориентирована на воспитание в читателях таких ценностей, как культ старшего, ответственность за близких людей, гостеприимство, супружеская верность, взаимовыручка.

Особую группу сатирических миниатюр составляют так называемые «лингвистические анекдоты», генератором смеха в которых является подмена метафорического значения слова прямым, буквальным. Воспитательная ценность подобных фольклорных произведений заключается в том, что они развивают в личности рефлексивную чувствительность к семантическим оттенкам слова, толерантность, а также высокую коммуникативную культуру.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, смеховая культура, дидактика, анекдот, Ходжа Насреддин, миграционная школа, межкультурная коммуникация, восточный канал.

Процессы, связанные с глобализацией, заставляют современных фольклористов по-новому присмотреться к комплексу вопросов, имеющих отношение к миграционной школе, школе заимствований и теории бродячих сюжетов. Благодаря усилиям представителей миграционной школы в фольклористике утвердилось мнение о «сходстве многих нарративных произведений евразийских народов (в т.ч. неродственных), что объясняется прямым или косвенным заимствованием, распространением из одного или нескольких очагов» [ЛЭТП 2003: 542]. Как один из самых красноречивых тому примеров «миграционщики» обычно приводят творческую историю древнеиндийской «Панчатантры» – уникального фольклорного источника, откуда архифабулы сказок, притч и басен распространились по всему просвещенному миру.

Абсолютизм миграционной теории несколько подкорректировал А.Н. Веселовский, предложивший учитывать и такой феномен как «типологический универсализм мирового культурного развития» [ЛЭТП 2003: 542]. По мнению русского ученого, любая этническая культура из бродячих мировых сюжетов в свой арсенал забирает только то, что созвучно ее собственным этико-эстетическим задачам и уже имеющимся наработкам. Метафорическим выражением «встречные течения» он обозначил суть фольклорно-мифологических заимствований.

Механизм и методологию «встречных течений» на микроуровне поэтических текстов весьма виртуозно проиллюстрировал фольклорист и литературовед А.М. Гутов в своем сборнике «Константы в культурном пространстве» [Гутов 2011]. После анализа нескольких архетипических мотивов, объединенных темой «война и женщина», автор делает важный вывод о том, что «одна общая беда, сходные обстоятельства и образ мыслей привели к использованию единого способа выражения и целой череде сходных образов» [Гутов 2011: 161]. Отмеченные А.М. Гутовым типологические схождения образов в художественных текстах могут быть дополнены и каналом заимствований.

Сказанное имеет прямое отношение к многочисленным ближневосточным образам, которые совершенно органично вписались в северокавказскую фольклорную систему. З.М. Налоев отмечает: «Изучение истории развития культуры и общественно-политической мысли адыгских народов не даст желаемых результатов без учета влияния двух мировых цивилизаций – европейской, которая шла через Россию, и мусульманского Востока, проникавших на Северный Кавказ главным образом через конфессиональные школы. Русский культурный канал, по которому в среду адыгов приходили обновляющие общественные идеи от просветительских до революционных, к сожалению, все еще слабо изучен, а восточный канал до сих пор остается почти нетронутой целиной» [Налоев 1976: 145].

Далее, конкретизируя работу «восточного канала», З.М. Налоев разъясняет: «Носителями и передатчиками этого культурного богатства были люди, получившие арабское образование и владевшие языками арабским, турецким (частично и персидским). Это были выпускники адыгских медресе и восточных (арабских и турецких) университетов. Духовные ценности, создаваемые ими, приходили к адыгам в виде печатных книг, но общество, не имевшее письменно-литературных традиций, воспринимало их на фольклорном уровне и ассимилировало, как ассимилируют заимствованные фольклорные сюжеты» [Налоев 1976: 159]. В этом контексте следует отметить также статью Ф.Х. Гулиевой (Занукоевой) «О роли межэтнической коммуникации в процессе формирования и развития карачаево-балкарского фольклора», где автор пишет: «Определенный вклад в этот процесс вносили и наши соотечественники, совершавшие паломничество по священным для мусульман местам (*хадж*), изучавшие религиозные дисциплины в различных учебных заведениях стран Ближнего Востока (Кязим Мечиев, Даут Шаваев и др.). Наряду с духовной традицией они знакомились с образцами восточной литературы и, возвратившись на родину, знакомили с ними своих соплеменников напрямую или через свои собственные сочинения. Частично их элементы проникали в дальнейшем и в фольклор» [Гулиева (Занукоева) 2019: 86].

Большую работу по определению роли Востока в формировании сюжетного репертуара адыгских сказок провела и фольклорист Ж.Г. Тхамокова, отметившая, что «из 231 сюжета адыгских бытовых сказок (новеллистических и анекдотических), включенных нами в национальный указатель, 54 типа обнаружили сюжетное соответствие в турецком сказочном материале» [Тхамокова 2014: 121].

Вместе с тем, полагаем, что мысли, озвученные З.М. Налоевым, до сих пор не потеряли своей актуальности и, действительно, восточный культурный канал все еще остается малоисследованной темой в фольклористике кабардинцев и балкарцев.

Частью необработанной «целинной земли» остается и целый пласт фольклорных текстов о Ходже Насреддине – легендарном общевосточном разнохарактерном персонаже, получившем «постоянную прописку» и в северокавказском устном народном творчестве. Красноречивым свидетельством его многоликости являются сборники сатирических миниатюр с примечательными названиями «Анекдоты Молла Насреддина» [Анекдоты... 1993], «Анекдоты о Ходже Насреддине» [Анекдоты... 1997], «Двадцать четыре Насреддина» [Двадцать четыре Насреддина 1986], «Хоже» [Кабардинский фольклор... 2000], «Насра Ходжаны

ханапарлары» – «Рассказы Ходжи Насреддина» [Ёртенланы 1987], «*Хожа*» [Хожа 1990]. Любопытно, что даже имя восточного остроумца каждый из северокавказских народов адаптировал к собственной артикуляционной системе: у аварцев – Малла Насрудин, у адыгейцев – Хьожэ Нэсрудин, у кабардинцев – Хьуэжэ Нэсрудин, у балкарцев – Насра Хожа, у карачаевцев – Насра Ходжа, у ингушей и чеченцев – Молла Несарт, у кумыков – Молла Насюрттюнь.

З.М. Налоев считал, что анекдоты о Ходже являются одной из замечательных культурных ценностей, заимствованных адыгами у мусульманского Востока. Ученый писал: «Турки вместе с исламом принесли горцам и восточные сказки, и предания, и цинические анекдоты про своего любимого и по-турецки остроумного шута-ходжа, который с тех пор и между горцами сделался любимым героем рассказов. О нем теперь знают во всяком ауле. Анекдоты Ходжа напечатаны на турецком языке и расходятся подобно нашим анекдотам о Балакиреве. Мы слышали многие, которые и могли только печататься на востоке и преимущественно в Турции. Ходжа не только проник к нам, но и, как говорится, стал своим человеком, породив множество новых адыгских анекдотов» [Налоев 1976: 159].

Нельзя сказать, что в карачаево-балкарской фольклористике решены все научно-исследовательские задачи, связанные с архетипическим образом Насра Ходжи. Однако определенный задел уже есть. В первую очередь следует отметить сборники о Насра-Ходже, изданные благодаря усилиям А.Л. Уртенова [Ёртенланы 1987], И.Х. Ахматова, А.З. Холаева [Хожа 1990]. Разные аспекты изучения образа восточного мудреца были затронуты в трудах А.И. Караевой [Караева 1966: 20], Ф.А. Урусбиевой [Урусбиева 1972: 31], А.З. Холаева [Холаев 1981: 28], Л.С. Гергоковой [Гергокова 2019], Ф.Х. Гулиевой (Занукоевой) [Гулиева (Занукоева 2015: 56)]. Так, предметом исследования в статье Л. С. Гергоковой является выявление типических черт национального характера в образе Ходжи Насреддина в карачаево-балкарском фольклоре. Автор справедливо отмечает, что «заимствованный в фольклор карачаевцев и балкарцев герой из восточных анекдотов Насра Хожа прижился, нашел национально-своеобразные черты человеческого характера, обрел национальный колорит и стал родным и близким народу. Передаваясь из уст в уста, анекдотические рассказы об этом персонаже вобрали все духовные и материальные ценности этноса, особенности его менталитета. Прошло много лет, но и сейчас, когда происходит что-то смешное в среде карачаевцев и балкарцев, используют высказывание-формулу «*Хожалай*» – «как Ходжа», «*Хожа этгенлей*» – «сделал так же, как и Ходжа», связывая смех и юмор с именем знаменитого мудреца-острослова» [Гергокова 2019: 213].

Ф.Х. Гулиева (Занукоева) в своей монографии «Карачаево-балкарская нескладочная проза и ее традиции в балкарской литературе» в особый раздел выделяет карачаево-балкарские анекдоты, «имеющие реальных прототипов, но причисленные к данному циклу (Насра Хоже – Б.Б.) вследствие утраты имен героев». Выдвигая научно состоятельную гипотезу о существовании «местных Насреддинов», исследовательница пишет: «В среде балкарцев существует формула: «*Хар элни кесини Хожасы барды*» – «В каждом селе имеется свой Хожа». Так, среди жителей села Герпегеж бытуют рассказы о Жантуеве Аубекире, Бозиеве Мамае, в Баксанском ущелье – об Алчагирове Гычы и т.д.» [Гулиева (Занукоева) 2015: 56].

Анекдоты о Ходже Насреддине оказали значительное влияние и на балкарскую литературу. Так, логическую связь между балкарской комедиографией и анекдотами восточного остроумца уловила Ф.А. Урусбиева, которая считала, что «конкретность, вещьность, образность изображения, афористичность мышления, демократизм – все это пришло в балкарскую сатиру не только из народного творчества, но и связано с восточной сатирической традицией, с анекдотами Моллы Насреддина» [Урусбиева 1972: 31].

Несмотря на все вышеизложенное, пласт устной словесности карачаевцев и балкарцев, связанный с данным героем, все еще не получил должной оценки. На наш взгляд, на следующем этапе актуализируются вопросы, связанные с жанрово-стилистическими и тематическими особенностями преданий о Ходже Насреддине.

Отличительной чертой карачаево-балкарских изданий о великом восточном мудреце является наличие в них изначальной тематической классификации. Важное место в сборниках занимает семейно-бытовой цикл сатирических миниатюр («*Хожаны юю, юйюрю*»), включающий в себя 27 текстов. Прежде чем приступим к собственно анализу этих произведений, определимся с жанрово-стилистическими характеристиками анекдота. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под анекдотом понимается «небольшой шуточный рассказ с остроумной в своей непредсказуемости “концовкой”» [ЛЭТП 2003: 35].

Культуролог В. Руднев пишет: «Сердцевина анекдота, его пуант (неожиданная развязка) осуществляет разрядку напряженности, возникшую в разговоре, и тем самым посредническую (медиативную) функцию, выводящую говорящих из неловкого положения или просто затянувшейся паузы» [Руднев 1997: 27]. Героев, подобных Ходже Насреддину, В. Руднев называет трикстерами (от нем. *Trikster* – шутник, плут), которые служат «посредниками между богами и людьми, между жизнью и смертью» [Руднев 1997: 27].

Если собрать воедино все человеческие ипостаси Ходжи, то можно заметить, что в разных ситуациях он проявляет себя то как мудрец, то как циник, то как богослов, то как безбожник. На наш взгляд, все его мизансцены являются в совокупности «театром одного актера» – актера, который каждый раз перевоплощается для того, чтобы воочию показать людям лики зла и добра, благотворного и порочного, социально одобряемого и недопустимого.

Артистизм и театрализованность в наибольшей степени характерны для семейно-бытового цикла карачаево-балкарских сатирических миниатюр о Насра Ходже, на котором сосредоточено основное научно-исследовательское внимание в данной статье. «Модель семьи выступает своего рода “шахматной доской”, где через передвижения “фамильных фигур” весьма удобно демонстрировать как ошибки, промахи, проигрыши человека, так и его верные ходы, достижения, победы в области непротиворечивых друг другу универсальных или этнических моральных нормативов» [Берберов 2016: 96].

В некоторых миниатюрах Насра Ходжа предстает как классический просветитель, обучающий людей уму-разуму, при этом жизненные уроки закладываются в текст в смеховой, юмористической оболочке. Ярким тому примером может служить анекдотическая история с примечательным названием «*Юйрету*» («Обучение»). В ней речь идет о том, что Ходжа, вручив дочери кувшин, отправляет ее за водой и напоследок бьет ее по щеке со словами: «Смотри, не разбей сосуд!» Окружающие с недоумением делают замечание отцу, мол, зачем бить, кувшин ведь цел и невредим. На это Ходжа отвечает: «Какой смысл бить, если кувшин сломан? Бить надо заранее, чтобы она была осторожна» [Хожа 1990: 134]. В этом, на первый взгляд, анекдотическом рассказе, на самом деле кроется важная воспитательная идея, связанная с профилактическими мерами, превентивным противодействием возможной угрозе, умением прогнозировать, думать на несколько ходов вперед. Любой слушатель может посмеяться над алогичным действием чудака, но при этом утрированная сценка в его сознании навсегда закрепится как урок профилактической работы.

В рассматриваемом семейно-бытовом цикле много внимания уделено вопросам выбора спутницы жизни. Когда наступает решающий момент, молодому человеку нередко бывает сложно определиться в собственных чувствах, особенно если речь идет о двух потенциальных невестах. В анекдотической истории «*Хожа кимни сюеди*» («Кого любит Ходжа») как раз изображена такая сложная

в психологическом отношении альтернативная ситуация, которую главный герой тактично решает при помощи тонкого юмора. Суть анекдота: Ходжу одновременно любят две девушки – Гокга и Асий. Им важно узнать о предпочтениях своего фаворита, но он уверяет, что обеих любит в равной степени. Тогда девушки предлагают Ходже решить ситуативную задачу. «Представь, ты нас обеих посадил в лодку, мы плывем в море, но обе выпали за борт и начали тонуть. Кого бы ты спас?» Ходжа вспомнил, что он совершенно не умеет плавать, и, посмотрев в глаза любимой девушки, сказал: «Асий, я надеюсь, что ты хоть немного умеешь плавать?» [Хожа 1990: 126]. Здесь кажущаяся на первый взгляд банально-житейская тема любви вплотную подводит читателя к сложным философским вопросам, связанным с диалектикой. «Кого любишь больше: отца или мать?», «Что лучше: хлеб или вода?». Это вопросы из разряда «не берушихся», безответных, однако, как показывает Ходжа, всегда есть хоть один микрон в пользу того ли иного фигуранта в бинарной системе. Рассуждая о подобных явлениях, А.М. Гутов сделал весьма ценное умозаключение о том, что «суждения, кажущиеся антагонистическими, подчас свидетельствуют не столько о противоречивости толкований и антагонизмах, сколько о многообразии форм проявления реальной действительности» [Гутов 2011: 4].

Семья – это целый мир, где постоянно приходится решать диалектические проблемы, не рана чувств домочадцев. И вновь Ходжа на собственном примере показывает дипломатический прием решения психологической коллизии. В анекдотической новелле «Учюз жюзюкле» («Дешевые кольца») описывается драматическая жизнь Ходжи, который устал от постоянных скандалов между двумя своими женами. Они никак не могли выяснить, кого муж любит больше. Ходжа нашел весьма оригинальный способ, чтобы решить семейный конфликт. Он купил на базаре дешевые кольца и каждой из жен в секретной обстановке вручил по колечку со словами: «Это знак моей особой любви к тебе. Никому не показывай, храни как зеницу ока в укромном местечке!». Женщины были довольны. Теперь, когда возникал вопрос о предпочтениях мужа, он говорил: «Люблю ту из вас, которой подарил кольцо!» [Хожа 1990: 123]. При анализе данного фольклорного текста важно обратить внимание на определение «дешевые кольца», в котором кроется важный философский смысл: зачастую решение сложных фатальных проблем достижимо посредством простейших малозатратных методов, требующих лишь психологической смекалки и аналитических способностей конфликтолога.

Античная культурологема «пиррова победа» [Словарь античности 1989: 431], обозначающая мнимую, ложную победу при катастрофических потерях, вошла в широкий обиход, включая и национальный фольклор. В рассматриваемом цикле также встречается несколько семейно-бытовых юморесок, основанных на ней. Заголовок одной из них даже сохранил интертекстуальную переключку со своим древнеримским первоисточником – «Хожаны хорлауу» («Победа Ходжи»). Семейный конфликт начинается с пустяка: Ходжа и его жена не могут решить, кто из них должен давать по утрам корм ослу? Скандал дошел до выяснения границ между мужскими и женскими обязанностями в доме. Не в силах прийти к консенсусу, супруги прибегли к старинной игре в «молчанку»: кто первый заговорит, тот и будет кормить осла. Хитроумная жена, чтобы заведомо уберечь себя от речевого проигрыша, просто ушла к соседке на весь день. По сюжету в это время к Ходже в дом явился грабитель, который стал складывать в мешок все, что попадалось под руку. Ходжа упорно хранил молчание. Осмелевший вор, решив, что хозяин – ничего не соображающий дурак, даже шапку сорвал с его головы и положил к себе в мешок. Ближе к вечеру жена с соседкой на разведку послали мальчика с миской горячего супа. Ходжа жестами стал объяснять ему, что вор ограбил его, даже шапку забрал. Мальчишка, по-своему истолковав его жест, налил горячий суп прямо на его голову. Геройствующий упрямец даже тут

не промолвил ни слова. Вскоре жена, почуявшая неладное, прибежала в дом и набросилась на мужа с криком, ором и проклятиями, на что невозмутимый супруг победоносно заявил: «Ты проиграла! Конiec нашему спору. Отныне ты будешь кормить осла!» [Хожа 1990: 121].

Очевиден воспитательный потенциал приведенной сатирической миниатюры, посвященной поэтизации культурного диалога в семье. Для сохранения здорового климата в доме каждому из супругов важно забыть о собственных амбициях и сосредоточить основное внимание на таких ценностях, как поддержка ближнего, взаимопонимание, уважение чужого культурного пространства, альтруизм. Кстати, отметим, что типологически сходный сюжет «пирровой победы» обнаружен в кабардинской версии проанализированного анекдота под названием «Семейство Хоже» [Кабардинский фольклор 2000: 486].

Наибольший удельный вес в рассматриваемом цикле занимают юмористические миниатюры, в которых смех «высекается» посредством возвращения фразеологическому обороту его буквального, первозданного смысла в обход иносказательного, метафорического. Это такие фольклорные тексты, как «*Къатын алыу*» («Женитьба»), «*Осал къатын*» («Плохая жена»), «*Къалай этгин*» («Как поступить»), «*Армау болуу*» («Растерянность»), «*Иесиз мал*» («Бесхозное животное») и др. Объясняя суть такого рода «лингвистических анекдотов», В. Руднев пишет: «У слова много значений, одни из них прямые, другие – переносные, косвенные. Чем более значение удаляется от прямого, тем менее оно вероятно, более неожиданно. Тот, кто хорошо рассказывает анекдот, тем самым хорошо владеет «хвостовой частью» множества значений слова. Тот, кто хорошо понимает анекдот, должен как минимум знать язык, на котором рассказывается анекдот, в совершенстве» [Руднев 1997: 28].

Из сказанного можно сделать вывод о том, что все рассмотренные нами «лингвистические анекдоты» являются незаимствованными, исконными, «доморощенными», поскольку обыгрываемые в них слова и сочетания принадлежат карачаево-балкарскому языку.

Приведем несколько примеров из семейно-бытового цикла, где явления, связанные с омонимией или полисемией становятся источником народного смеха. В юмореске «*Армау болуу*» («Растерянность») анекдотическая ситуация строится на выражении «*арлакъ кет*», что может быть одновременно истолковано как «подвинься» и как «уйди куда-нибудь далеко». По сюжету в помещение заходит жена с охапкой дров и просит Ходжу отодвинуться от печи, чтобы скинуть свой груз. Ходжа, превратно истолковавший слова супруги, молча одел верхнюю одежду и покинул дом. Дойдя до края селения, он встретил соседа и обратился к нему с просьбой: «Пожалуйста, сходи к моей жене и скажи, что я уже почти у леса. Надо ли еще дальше отойти, или достаточно?» [Хожа 1990: 131].

В миниатюре «*Осал къатын*» («Плохая жена») источником «лексикологического смеха» является разведение двух значений единого слова «*айланыргъа*» – «гулять – ходить») и «гулять – изменять мужу»). На подтрунивание приятелей о том, что жена Ходжи гуляет, остроумец отвечает: «Если бы она имела обыкновенные повсюду ходить, то однажды и домой бы зашла» [Хожа 1990: 117].

Приведем еще один пример из юмористического рассказа «*Къалай этгин*» («Как поступить»). Маленькому Ходже было сказано: «*Эшикни къоюн кетме!*» – что в переводе означало: «Не покидай дом!». Однако малолетний мудрец взял на вооружение буквальный смысл назидательных слов («не оставляй двери») и поступил весьма оригинальным образом: он снял дверь с петель, взгромоздил ее на спину и ушел гулять» [Хожа 1990: 119]. Все такого рода «лингвистические анекдоты» учат человека тонкостям межкультурной коммуникации. В целом весь рассмотренный семейно-бытовой цикл со всеми его дидактическими идеями являет собой «текст, несущий информацию о должном варианте бытия

человека, внутренне запрограммированного на рост и возвышение» [Кучукова 2005: 47].

Таким образом, на основании изученного материала можно сделать вывод о том, что сатирические миниатюры о Ходже Насреддине, отмеченные знаком национального своеобразия, являются составной частью карачаево-балкарского фольклора. Особое место в этнофольклорной «насреддиниане» занимает цикл, тематически связанный с институтом семьи. Как показал проведенный анализ, основное предназначение анекдотических текстов – «смехом править нрав», воспитывать в людях такие качества, как любовь к ближнему, чувство справедливости, высокую коммуникативную культуру.

Источники и литература

1. Анекдоты Молла Насреддина. М.: Внешлиберика, 1993. 72 с.
2. Анекдоты о Хоже Насреддине / сост. М.Г. Тахмасиб. М.: Агентство «ФАИР», 1997. 368 с.
3. Берберов Б.А. Ценностная картина мира в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31). С. 95–98.
4. Гергокова Л.С. Воплощение типических черт национального характера в образе Ходжи Насреддина в карачаево-балкарском фольклоре // Вестник КБИГИ (KBIHR Bulletin). 2019. № 3 (42). С. 207–215.
5. Гулиева (Занукова) Ф.Х. Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 152 с.
6. Гулиева (Занукова) Ф.Х. О роли межэтнической коммуникации в процессе формирования и развития карачаево-балкарского фольклора // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2019. № 4 (90). С. 84–88.
7. Готов А.М. Константы в культурном пространстве: Публицистика. Фольклор. Литература. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216 с.
8. Двадцать четыре Насреддина (2-е, дополн. издание книги «Двадцать три Насреддина») / сост., вступ. статья, примечания и указатели М.С. Харитоновна. М.: Глав. ред. вост. литературы издательства «Наука», 1986. 622 с.
9. Ёртевланы А. Насра Ходжаны хапарлары. Черкесск: Ставрополь китаб басманы Къарачай-Черкес бёлюму, 1987. 232 б. (Уртенев А.Л. Рассказы Насреддина. Черкесск: Карач.-Черкес. отд.-ние Ставроп. кн. изд.-ва, 1987. 232 с.).
10. Караева А.И. Очерки истории карачаевской литературы. М.: Наука, 1966. 320 с.
11. Кучукова З.А. Нарский эпос: вертикаль как метакод бытия // Культурная жизнь Юга России. 2005. № 4 (14). С. 44–48.
12. ЛЭТП 2003 – Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интел-вак», 2003. 1600 стб.
13. Налоев З.М. О восточном культурном канале // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века. Материалы конференции 28–29 марта 1974 года). Нальчик: КБНИИ, 1976. С. 145–165.
14. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.
15. Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
16. Тхамокова Ж.Г. Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2014. 222 с.
17. Урусбиева Ф.А. Путь к жанру. Очерк истории жанров в балкарской литературе. Нальчик: Эльбрус, 1972. 174 с.
18. Хожа / жарашдыргъанла Ахматланы И., Холаланы А. Нальчик: «Эльбрус» китап басма, 1990. 224 б. (Хожа / сост. И. Ахматов, А. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1990. 224 с.).
19. Хоже // Кабардинский фольклор. Изд.-е 2-е, дополн. / под ред. Г.И. Бройдо. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 475–509.
20. Холаев А.З. Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31.

KARACHAY-BALKARIAN SATIRIAN MINIATURES ABOUT HOJA NASREDIN: SPECIFICITY OF FAMILY-HOUSEHOLD CYCLE

Berberov Burkhan Abuysufovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Head of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

The eastern cultural channel still remains an underdeveloped problem in the Karachay-Balkarian science of folklore. In this article, relying on the works of his predecessors (I. Akhmatov, A. Gutov, L. Gergokova, F. Gulieva (Zanukoeva), A. Karaeva, Z. Naloev, Zh. Tkhamokova, V. Rudnev, F. Urusbieva, A. Kholaev) explores a special layer of oral folk art associated with the image of Hoja Nasreddin. At the same time, the main attention is focused on satirical miniatures marked with family-household themes. The anecdotes «Training», «Whom loves Hoja», «Two cheap rings», «Hoja's victory», «Marriage», «What to do?», «Confusion» and others are analyzed. As analysis shows, two style-forming features of these texts are laughter and didactics. Satire is focused on educating readers of such values as the cult of the elder, responsibility for loved ones, hospitality, marital fidelity, mutual assistance.

A special group of satirical miniatures is made up of the so-called «linguistic jokes», in which the generator of laughter is the substitution of the metaphorical meaning of the word direct, literal. The educational value of such folklore works lies in the fact that they develop in the person reflective sensitivity to the semantic shades of the word, tolerance, as well as a high communicative culture.

Keywords: Karachay-Balkarian folklore, laughter culture, didactics, anecdote, Hoja Nasreddin, migration school, intercultural communication, eastern channel.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-85-92

АДЫГЭ (КЪЭБЭРДЕЙ-ШЭРДЖЭС) ЛИТЕРАТУРЭБЗЭМ И МАКЪЗЕШЭХЭМ Я СИСТЕМЭР

Абазэ Маритэ Мухэмэд инхуэ, филологие шцэныггэхэмкIэ кандидат, Федеральнэ кьэрал бюджет шцэныггэ ГуэхушцIапIэ «Урысейм шцэныггэхэмкIэ и академием и Кьэбэрдей-Балькээр шцэныггэ центр» Федеральнэ шцэныггэ центрым» и филиалым и адыгэбзэ секторым и лэжыакIуэ нэхьыжэ, marita.abazova@yandex.ru

Лэжыггээр теухуаш адыгэ (кьэбэрдей-шэрджэс) литературэбзэм и макъзешэхэм я фонологие системэр зыхуэдэр гьэнэхуэным. Ди статьям япэ дыдэу БишцIо Б.Ч. (ф.шI.д.) адыгэбзэкIэ зэридзэкIа бзэщIэныггэм ехьэлIа фIэщыггэцIэхэр (терминхэр) кьэдггэсэбэпурэ кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм и макъзешэхэм я системэр шьыдггэнэIуаш. Адыгэбзэ макъзешэхэр джыным бзэщIэныггэлIхэм мызэ-мытIэу зыхуаггэзаш. Абыхэм я епльыкIэ зэхуэмыдэхэр теггэщIапIэ тшIыуэрэ, ахэр зэдггапшцээрэ, макъзешэхэм я системэр зэрызэфIэувар зэхэдггэкIаш. Зэггэпшцэныггэ, кьэхутэныггэ Iэмалхэр кьэдггэсэбэпаш. Кьыхэдггэшаш макъзешэхэм я бжыггээр зыхуэдизым теухуауэ шцэныггэлIхэм я ГуэхуеплькIэ зэхуэмыдэхэр; иджырей адыгэбзэм макъзешэхэм я системэр зэрызэфIэувар, ахэр гуэша зэрыхуэр (таблицэм) лырым шьыдггэнэIуаш. Мы статьям нэIурыт ешI адрей бзэхэм кьашхэшыкIыу адыгэбзэм фонемэзешэу мащIэ дыдэ фIэкIа зэрымIэр. Ахэм псалъэкуми псалъэкIэми дышрохьэлIэ. Кьэбэрдей-шэрджэс литературэбзэм макъзешэхэр Iууэ гуэша шохуэ: макъзешэ кIэщIрэ макъзешэ укьуэдиярэ.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, кьэбэрдей-шэрджэсыбзэ, фонемэ, макъзешэ, системэ.

Адыгэбзэр кууэ джын шьыщIадзар совет властым и лэжхэнэрщ. Абы ипэкIэ адыгэбзэм иIэ макъхэр, псалъэ лэпкыггэуэхэр нэхэ зыубггэуауэ япэ дыдэ шьызэпкьрыхэр Л. Г. Лопатинскэм и лэжыггэхэрщ [Лопатинский 1891]. Кьэбэрдей-шэрджэс бзэщIэныггэм зиужыным, ар еггэфIэкIуэным елэжаш шцэныггэлIхэу Яковлев Н.Ф. [Яковлев, 1923], Турчанинов Г.Ф., Цаггэуэ М.Б. [Турчанинов, Цагов 1940], Нэгумэ Ш.Б. [Ногма, 1959], Балькээр Б.Хь. [Балкаров 1970], Урыс Хь.Ш. [Урыс 2000, 2001], Кьумахуэ М. I. [Кумахов 1981], Шаггыр I.Кь. [Шагиров 2004], Тау Хь.Т. [Тау, Урыс 2008], н. Абыхэм адыгэбзэм и макъхэр зыхуэдэр, ахэр кьызэрыхуэа шцIыкIэхэр, абыхэм я бжыггэм теухуауэ я епльыкIэр кьаггэлэггэуаш. Зи гуггэу тшIа шцэныггэлIхэм я лэжыггэхэм кьыпытщэу мы статьям кьалэн нэхьышхэу шьызыхуэдггэувыжар иджырей адыгэбзэм и макъзешэхэм я бжыггээр, ахэр зэригуэшыр, кьыщикI Iыхьэрэ, зэрызиIэтымрэ елытауэ зыхуэдэхэр, бзэщIэныггэм ехьэлIа фIэщыггэцIэ БишцIо Б.Ч. зэридзэкIахэр кьэдггэсэбэпурэ, дубзыхунырщ. Кьыхэггэшыпхэщ, адыгэбзэкIэ тхауэ шьIэ шцэныггэ лэжыггэхэм терминхэр (фIэщыггэцIэхэр) урысыбзэм е латиньбзэм кьыхэкIахэр теггэщIапIэ зэрашцар. Дэтхэнэ бзэри джынын кьышыщIадзэр абы и макъхэрщ, ахэр кьызэраггэлыаггэуэ хьэрфхэрщ, абы ипкь иткIэ ахэр зыхуэдэр адыгэбзэ терминхэмкIэ (фIэщыггэцIэхэмкIэ) кьэтIуэтэфу шьытыныр, ахэр адыгэ бзэщIэныггэм хэпшцэнынр мыхьэнэшхуэ зиIэ Гуэхуггэуэщ.

МАКЪЗЕШЭХЭМ Я ТХЫДЭ

Щэныгъэрылажээхэм макъзешэ э, ы, а-хэр бзэм нэхъапэ кыыхэхьуклауэ кьалыгтэ. Нэгумэ Ш. Б. адыгэбзэм и фонетикэ системэм макъхэр шыуэ щигуэшт: макъзешэ, макъ дэклауашэ, макъзешэныкыуэхэр. Ауэ сыт хуэдэ макъхэр дэтхэнэ гупым хыхьэми зэхэгъэклауэ шыткыым, макъзешэхэр кыригъэлыагъуу графемэ а, о, е, ы, у, ю, і кыигъэсэбэпт. Псалъэм папщІэ, фонемэ ы, у-хэр Нэгумэм графемэ и, у, ы-хэмкІэ кыегъэлагуэ: *ши –шы, физ-фыз*, н. [Ногма 1959]. Л.Г. Лопатинскэм адыгэбзэм и макъзешэхэр 18 хьууэ кыжеІэ, ахэм шыщу а, и, о, е, э, ы –хэр макъзешэ кызырэкыуэ (простые гласные), адрейхэр – макъзешэ зэхэту (сложные гласные) [Кумахов 1981: 41]. Борыкыуей ТІ. и еплыкІэр адрей щІэныгъэлІхэм кьашхьэщокІ: Лопатинскэмрэ Яковлевымрэ адыгэбзэм и макъзешэхэр кІэщІрэ укыудияуэ зэраугуэшыр фІэмытэмэму абы езым и гуэшыкІэщІэ кыегъэлыагъуэ: макъзешэ пхъашэрэ (а, о, ы, и) макъзешэ шабэу (э, и). Языныкыуэ щІэныгъэлІхэми апхуэдэ гуэшыкІэр дагыгъащ. Борыкыуей ТІ. и еплыкІэмкІэ адыгэбзэм макъзешэу 6 иІэщ: а, е, ы, о, и, у [Борукаев 1932: 6].

БзэщІэныгъэлІ Н.Ф. Яковлевым 1923 гъэм кыдыгъэклэщ адыгэбзэ фонетикэм и зэхэтыкІэр шыгъэнэІуа «Адыгэ фонетикэм и таблицэ»-р [Яковлев 1923]. Н.Ф. Яковлевым пасэрэи адыгэбзэм макъзешэу иІар э закыуэр арауэ, ауэ нэхь иужыІуэкІэ адыгэбзэм макъзешэу шы: э, ы, а – хэр иІэ хьуауэ кыжеІэ. Абы и Іуэху еплыкІэр дыІыгъащ Къумахуэ М.І. икІи кыигъэлыагъуащ адыгэбзэр бзитІу шызэхьэщымыкІам шыгъуэ макъзешэхэр зыхуэдар, абыхэм я бжыгъэр, икІи ар адрей кыухьэпІэ-кавказ бзэхэм я макъзешэхэм я бжыгъэм зэрахушытыр. «1973 гъэм кыыхэдгъэщауэ шытащ пасэрэи адыгэбзэм макъзешэхэр шы шыхьуу, кыухьэпІэ-кавказ бзэхэм я макъзешэхэр тІу хьууэ зэрыщытар. А шытыкІэм ипкы иткІэ адыгэзэдаибзэм (бзэ щхьэхуэ-щхьэхуэу шызэхэмыкІам) иІащ макъзешэ а, э, ы –хэр», – жеІэ Къумахуэ М.А. [Кумахов 1973]. Адыгэзэдаибзэм макъзешэхэр шы зэрышыхьумкІэ тегъэщІапІэ ящІыр адыгэ диалект псоми дызыщрихьэлІэ лексикэ материалхэм зи гугъу тщІы макъзешэхэр кызырэыщыкІуэрщ. Псалъэм папщІэ, кьэб. *махуэ*, адыг. *мафэ*, адыг., кьэб. *матхэ*, адыг., кьэб. *нэ*, адыг., кьэб. *бзэ*, адыг., кьэб. *гуы*, адыг., кьэб. *блы*, н.

Макъзешэ е, и, о, у-хэм макъзешэ мыхьэнэ шагъуэтар 1936 гъэращ, адыгэ тхыпкыылгъэр (алфавитыр) урыс графикэм шытеува зэманырщ. Ахэр макъзешитІ зэхэлхэм (дифтонгхэм) кьатекІащ: $e \leftarrow \text{э+й}$, $и \leftarrow \text{ы+й}$, $о \leftarrow \text{у+э}$, $у \leftarrow \text{ы+у}$.

Тхыпкы (буква) е, и, о, у –хэм апхуэдэ макъзешэ кыыцагъэлыагъуэр макъ дэклауашэм и ужькІэ шыщытым дежщ: *мес, тет, дерт, мис, тритхащ, дилъхьащ, нобэ, нокІуэ, дотх*, н. Тхыпкы е, у-хэр псалъапэм, макъзешэм и ужькІэ кыыщыкІуэм деж макъзешэкыым (*гъае, мае, фае, уае* – е-р макъзешитІу зэхэлщ; *арынишауэ, дэуэршэрын, белджылыуэ* – у-р макъ дэклауашэщ). Псалъэпэм тхыпкы/макъзешэм иужькІэ о кьакІуэркыым, ятхыркыым. Макъзешэ и-р тхыпкы/макъзешэм иужькІэ макъзешэу кьокІуэ, псалъэзэпыщІэ-лъябжьэужьу шыту: *плъэи, мобыи, кьакІуэри, кІуэи*, н.

БзэщІэныгъэлІ Тау Хь.Т. кызырэилыгътэмкІэ, «адыгэбзэм и макъзешэхэр 3 мэху: а, э, ы. А макъзешыщыр адыгейбзэми иІэщ. Хьэрф е, и, у, о-хэм кьагъэлыагъуэр макъзешэкыым, атІэ дифтонгщ: *етх –йэтх, ин –йын, йумыт –йыумыт, н.»* [Тау 2008: 11–12].

Иджырей макъзешэхэм я системэ

Макъзешэхэр псалъэм кыыщыкІуэ щІыпІэхэр

Адыгэ литературэбзэм и макъзешэхэр блы мэху: э, ы, а, е, и, у, о.

Иджырей адыгэбзэм макъзешэ а, э, ы-хэр псалъэпэми, псалъэкуми, псалъэкІэми кыыщокІуэ. Макъзешэ э-р псалъэпэм нэхь мащІэрэщ кызырэыщыкІуэр, пычыгъуэ мэху, пасэрэи лъябжьэпэуи кьалыгтэ. Псалъэм папщІэ: *э-дыгэ, э-нэ, э-дэ*. Пэжырытхэ хабзэм мыхэр а-уэ тхын хуейуэ кыегъэу: *а-дыгэ, а-нэ, а-дэ*.

Псалъэкүм хэт э-р лъабжытІ зэхыхьам шыщу япэ итым шыщц, яужь ит псалъэ лъабжьэм макъзешэ **ы-р** пыхури зы пычыгъуэ зэхуэщІа къэхьуауэ э-р абы хэтщ: *мэшы* → *мэш*, *бэджы* → *бэдж*, *мэзы* → *мэз*, *джэды* → *джэд*.

Макъзешэ э-р пычыгъуэм и кІэми (*сэ, дэ, нэ, пэ, гъуэ*), е лъабжытІ зэпыгуам и псалъэкІэми поувэ (*къамэ, дамэ, хадэ, напэ, дагъэ, набдзэ*, н.).

Макъзешэ **ы-р** псалъэ-пычыгъуэм и кІэм кыщокІуэ, псалъэм папщІэ: *вы, цы, дзы, къуы, псы, ды, джы, фІы, бжыы, н*.

Псалъэ лъабжытІу зэхыхьауэ, ауэ иджырейбзэм шыпхуэмыгуэшыжхэм япэ лъабжьэм хэту, етІуанэм пыхуауэ кьокІуэ макъзешэ **ы-р**: *бжыны* → *бжыын*, *дзыгъуэ, бжыпэ, дыгъэ, хывы* → *хыв, бьдэ, нэрыбгэ*, н. Пэжырытхэ хабзэм ипкъ иткІэ у-мрэ у зыхэт адреи тхыпкъхэмрэ я ужь къапсэлъ **ы-р** ятхыркъым: *гу(ы)цІэ, хьу(ы)н, Іу(ы)нэ*, н.

Макъзешэ **ы-р** пычыгъуитІ хьу псалъэ закъуэтІакъуэм я кІэм кыщокІуэ: *абы, мыбы, мобы, езы, йыджы, къады*.

Псалъэпэм макъзешэ **ы-м** мащІэрэщ дызэрышыхуэзэр (*ыІы, ыхьы, ы-ы*).

Макъзешэ **а-р** псалъэпэм кыщыкІуэркъым, макъыцІэ зыбжанэм фІэка: *а-а, аІэ*. Адыгэ псалъэпкъым и кІэми ятхыркъым. НэгъуэщІыбзэм кыыхэкІу адыгэбзэм кыыхыха псалъэхэм яхэтщ **а-кІэ** иух псалъэпкъ *хъуа*, макъыцІэ *анна-а*, н.

Макъзешэ **а-р** псалъэпэми псалъэкүми кыщокІуэ блэкІа зэманым и лъабжьэгъусэу: *сыкІу-а-щ, слъэгъу-а-щ, ж-а, цыІ-а, лъэт-а, къэкІу-а-кыым, сыкыызэдэж-а*, н.

Адыгэбзэм псалъэкүм кыщокІуэ ещанэ щхьэм и лъабжьэпэ-макъзешэ **а-р**: *й-а-джащ, й-а-тхащ, й-а-дащ, къ-а-хь, къ-а-псэлъ*, н.

Лъабжьэпэ **на-, къа-, ма-**хэм (текъузэ зытелъхэм) я увыпІэр: *на-жэ, къа-жэ, ма-жэ*. Текъузэ зытелъ **а-р** псалъэпкъым и кум кыщокІуэ: *мáзэ* (ауэ кыызэрапсэлъыр *мэзэ'хэ*), *дáхэ* (ауэ *дэхэ'ихуэ*), *хáдэ* (ауэ *хэдэ'ихуэ*), *цІáлэ* (*цІэлэ'цІэ*), *унáгъуэ* (ауэ *унэгъуэ'цІэ*), н.

Макъзешэ **а-р** макъ дэкІуашэкІэ иух псалъэм, нэгъуэщІыбзэм кыыхэкІа псалъэхэм текъузэ тельуи темьлуи псалъэкүм кыщокІуэ: *мардэ, зэман, сабын, Іэмал, макъ, дакъэ, къаз, чытан*, н.

Макъзеишэхэр зыхуэдэр

Макъзешэхэр кыщыхьу щІыпІэ икІи кызэрыхьу щІыкІэ ельгытауэ зэщхьэщокІ.

Кыщыхьу щІыпІэм ельгытауэ:

- *бзэгупэм* кыщыхьу: *е*;

- *бзэгукүм* кыщыхьухэр: *э, ы*;

- *бзэгу лъэдакъэм* кыщыхьухэр: *а, о, у*.

Кызэрыхьу щІыкІэм ельгытауэ:

- *бзэгукүм лъагэу зІлэту*: *и, у*;

- *ику иту зІлэту*: *е, ы, о*;

- *зимыІэту е лъахышэу зІлэту*: *э, а*.

Макъзешэхэр кыщыхьукІэ ІупитІыр хьурей хьун-мышьун ельгытакІэ зэщхьэщокІ.

Макъзешэ **о, у-**хэр кыщапсэлъкІэ, ІупитІыр хьурей хьууэ и пэмкІэ кыІуокІ. Макъзешэ **о, у-**хэм *ІуцІлэІуш* макъзешэкІэ йоджэ.

Макъзешэ **э, ы, а, е, и-**хэр кыщапсэлъкІэ, ІупитІыр хьурей хьууэ ипэкІэ ІукІыркъым, абыхэм *ІуцІлэІумыш* макъзешэкІэ йоджэ.

Макъзешэ кІэщІхэр

Макъзешэ **э, ы-**хэм *макъзешэ кІэщІкІэ* йоджэ, ахэр букъуэдий зэрымышьум кыыхэкІкІэ.

Макъзешэ кIэщI э-р кыщапсэлыкIэ, бзэгупэм мащIэу зейт, макъыщI нальэхэр шэщIа мэхбури макъ ящIу мэкIэзыз, жьэр зэтехаш, ауэ макъзешэ **а-р** кыщапсэлым нэхьрэ нэхь мащIэу. Псалъэм папщIэ: *махуэ, бдзэжьей, жэм, къэцтэн, гүфIэгьуэ, н.*

Макъзешэ **ы-р** кыщапсэлыкIэ бзэгукум ику иту зейт, жьэр макъзешэ э-р кыщапсэлым нэхьрэ нэхь мащIэу зэтехаш. Псалъэм папщIэ: *насын, зэрызехэ, кIыгуугу, мыл, псынциIэу, н.*

Макъзешэ укьуэдияхэр

А – бзэгу лъэдакьэ макъщ, кыщапсэлыкIэ бзэгум мащIэу зейт, жьэр ину зэтехаш, макъыщI нальэхэр шэщIауэ мэкIэзыз, макъ ящIу. ПсалъэкIэм **а-р** кыщыкIуэр IуэхуцIэ кыщыкIуэм дежщ: *тха, плъэгьуа, ла, ва, гьуа, н.* Макъзешэ **а-р** псалъэм и кIэм кыщокIуэ зыгуэрым шыщIэупщIэм деж: *птха?, плъэгьуа?, бджа?, укьэкIуа?, унэса?, н.*

Макъзешэ **а-р** и шытыкIэкIэ тIууэ зэщхьэщокI – текьузэ шытемылым деж зэм э-м хуэкIуэу (макъзэблэхьэ э//а), зэм зимыхьуэжу, э-м хуэмыкIуэу.

Текьузэ шытемылым деж э-м хуэкIуэ **а-м** и шапхьэ: *псалъэ – псалъалъэ, къуаьжэ-къуэжэ кIэ, н.* ПэжырытхэмкIэ мыхэр **а-уэ** ятх: *псалъалъэ, къуаьжэ кIэ, н.* Мьпхуэдэ **а-р** морфемэм шыщщ, морфемэ хьуркьым.

Текьузэ шытемылым дежи зымыкIуэж **а-р** езыр морфемэщ. Ар: 1) лэжыгьэцIэ лъэлэсым 3-нэ щхьэм и куэд бжыгьэ къэзыгьэлыгьуэ лъабжьэпэш: *м-а -тхэ, й-а-дэ, къ-а-джащ;* 2) блэкIа зэман къэзыгьэлыгьуэ лъабжьэужыщ: *дэкIащ, нэкIуащ, зэфIэкIа кIэщ.*

Макъзешэ **а-р** текьузэ телъу нэхьыбэрэ псалъэкум кыщокIуэ. Псалъэм папщIэ: *дэнэ, хуабэ, нэнэ, сибэ, тифэ, н.* Макъзешэ **а-р** нэгьуэщIыбзэм кыхыкIуэ адыгэбзэм кыхыхьа псалъэхэм кыщокIуэ, псалъэм папщIэ: *зэмэн, жэуэн, сабын, лэгьым, н.*

Е- бзэгупэм ику иту зейтэу кьапсэль, макъыщI нальэхэр шэщIауэ, макъ ящIу: *адрей, гьей, къегуллын, лей, мел, н.*

И- бзэгупэм лъагэу зейтэу кьапсэль, макъыщI нальэхэр шэщIауэ, макъ ящIу: *дин, щиху, кIиящ, литературэ, дэри, н.*

О- бзэгу лъэдакьэм ику иту зейтэу кьапсэль, макъыщI нальэхэр шэщIауэ, макъ ящIу. Iупитыр хьурей хьуауэ ипэмкIэ Iуша мэхьу: *нобэ, пкьоб, хуобкIуэ, кьоб, докIуэ, н.*

У- бзэгу лъэдакьэм лъагэу зейтэу кьапсэль, макъыщI нальэхэр шэщIауэ, макъ ящIу. Iупитыр хьурей хьууэ ипэмкIэ Iуша мэхьу: *жьынду, дуней, къуалэбзу, тумьидэ, мурад, н.*

МАКЪЗЕШЭХЭМ Я ЛЪЫР (ТАБЛИЦЭ)

КыщыкI Iыхьэ	Бзэгупэм	Бзэгукум	Бзэгу лъэдакьэм
Зэрызейтэу			
<i>Лъагэу зейтэу</i>	и		у
<i>Ику иту зейтэу</i>	е	ы	о
<i>ЗимьIэту (е лъахьышэу зейтэу)</i>		э	а

КызэщIэткьуэжмэ, нэрылыгьуэ мэхьу къэбэрдей-шэрджэсыбзэм макъзешэу иIэр мащIэ дыдэ фIэкIа зэрымыхьур. ИщхьэкIэ кызырыщыдгьэлъэгьуащи

бзэщIэныгъэм елэжьахэм макъзешэхэм я бжыгъэм, ахэр зыхуэдэм теухуауэ я еплъыкIэхэр зетехуэркъым. Языныкъуэхэм адыгэбзэм макъзешэу зы фIэкIа хэмыту къалыгтэ, адрейхэм 7, 18 кыыхэзыгъэкIаи яхэтщ.

Иджырей адыгэбзэм дэ макъзешэу блы кыыхыдогъэкI (э, ы, а, е, и, у, о), ахэр гуэша мэху: кышыхуэ щIыпIэм елыгтауэ: *бзэгунэм (е), бзэгукум (э, ы), бзэгу лъэдакъэм (а, о, у)*; кызырыхуэ щIыкIэм елыгтауэ: *бзэгукум лъагэу зилэту (и, у), ику иту зилэту (е, ы, о), зимылэту е лъахъшэу зилэту (э, а)*. Къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и макъзешэхэр кышыхукIэ IупитIыр хъурей хъун-мышхун елыгтакIи зэщхъэщокI. Языныкъуэ макъзешэхэм макъзешэ кIэщIкIэ йоджэ, адрейхэр – макъзешэ укъуэдиящ.

Источники и литература

1. АП – Адыгэбзэ псалъальгэ. М.: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).
2. Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков. Нальчик: Эльбрус, 1970. 334 с.
3. Биждоев Б.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т. Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2013.
4. Борукаев Т.М. Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1932. С. 6.
5. Кабардино-черкесский язык. В двух томах. Т. I. Гл. ред. М.А. Кумахов. Нальчик: Эль-фа, 2006. 548 с.
6. Кумахов М.А. Теория моновокализма и западнокавказские языки // Вопросы языкознания. М., 1973. № 6. С. 54–68.
7. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.
8. Лопатинский Л.Г. Краткая кабардинская грамматика. Русско-кабардинский словарь с указанием // В кн.: Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XII. Тифлис, 1881.
9. Ногма Ш.Б. Филологические труды. Т. II. Нальчик, 1959.
10. Тау Хь.Т., Урыс Хь.Щ. Адыгэхэм я бзэр зэлыгтауэ. Налшык: КБИГИ, 2008. 159 н. (Таов Х.Т., Урусов Х.Ш. Язык адыгов в сравнении. Нальчик: изд. отдел КБИГИ, 2008. 159 с.).
11. Турчанинов Г.Ф., Цагов М.Б. Грамматика кабардинского языка. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940. 159 с.
12. Урыс Хь.Щ. Адыгэ грамматикэ. Фонетикэ, морфонемикэ, морфологие. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н. (Урусов Х.Ш. Кабардино-черкесская грамматика. Нальчик: Эльбрус, 2001. 232 с.).
13. Урыс Хь.Щ. Адыгэбзэм и тхыдэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 358 н. (Урусов Х.Ш. История кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 2000. 358 с.)
14. Шагиров А.К. Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-фа, 2004. 220 с.
15. Яковлев Н.Ф. Таблицы фонетики кабардинского языка. М., 1923.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Абазова Марита Мухамедовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), marita.abazova@yandex.ru

Статья посвящена анализу системы гласных в современном кабардино-черкесском литературном языке. В данном исследовании осуществлён комплексный подход к оценке и систематизации широкого круга источников по сравнительно-исторической фонетике адыгских (черкесских) языков. В качестве источников выбраны труды ученых адыговедов, которые изучали те или иные аспекты адыгской фонетики. Для восстановления некоторых

фактов истории изучения адыгского вокализма, а также для определения закономерностей употребления гласных в кабардино-черкесском языке был использован комплекс методов и приемов: сравнительно-исторический, аналитический, описательный, сопоставительный. Выделена семичленная система вокализма. Отмечается, что в кабардино-черкесском языке гласные а, э, ы различаются в дистрибутивном плане, в то время как гласные е, и, о, у являются по своему происхождению гетерогенными. Впервые в научный оборот запущено значительное количество новых лингвистических терминов, образованных на собственной языковой базе, которые заменят заимствования из других, в основном из русского, языков. Автор – доктор филологических наук Б.Ч. Бижоев. Делается вывод, что фонологическая система вокализма кабардино-черкесского языка характеризуется своей простотой и малочисленностью входящих в его состав графических единиц. Продемонстрировано, что гласные кабардино-черкесского языка поддаются четкой классификации.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, фонема, гласные звуки, вокализм, система.

THE SYSTEM OF CONSONANTS OF THE KABARDINO-CHERKESS LITERARY LANGUAGE

Abazova Marita Mukhamedovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), marita.abazova@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the vowel system in the modern Kabardino-Circassian literary language. This study provides a comprehensive approach to evaluating and systematizing a wide range of sources on the comparative historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages. As sources selected writings adigonidon who have studied various aspects of Circassian phonetics. To restore some facts of the history of the study of Adyghe vocalism, as well as to determine the patterns of their use in the Kabardino-Circassian language, a set of methods and techniques was used: comparative-historical, analytical, descriptive, and comparative. The seven-part system of vocalism is highlighted. It is noted that in the Kabardino-Circassian language, the vowels а, е, and у differ in distributional terms, while the vowels е, and, о, and у are heterogeneous in origin. For the first time, a significant number of new linguistic terms have been launched into scientific circulation, based on their own language base, which will replace borrowings from other languages, mainly Russian. The author is doctor of Philology B.Ch. Bizhoviev. It is concluded that the phonological system of vocalism of the Kabardino-Circassian language is characterized by the simplicity of its system and the small number of graphic units that make up it. It is demonstrated that the vowels of the Kabardino-Circassian language can be clearly classified.

Keywords: Kabardino-Circassian language, phoneme, vowel sounds, vocalism, system.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-93-98

АДЫГЭБЗЭМ МАКЪЫЦЭМ И ГУЭШЫНЫГЪЭМ ИГЭ ЦХЬЭХУЭНЫГЪЭ НЭХЪЫЦХЬЭХЭР

Афгэунэ (Токъу) Анджелэ Анэтолэ инху, филологие шцэныгэхэмкэ кандидат, Гуманитар кьэхутэныгэхэмкэ интситутым – Федеральнэ кьэрал бюджет шцэныгэ Иуэхушцангэ «Урысейм шцэныгэхэмкэ и академием и Кьэбэрдей-Балкькьэр шцэныгэ центр» Федеральнэ шцэныгэ центрым» и филиалым и адыгэбзэ секторым и лэжыаклуэ, martazei@mail.ru

Адыгэбзэм и макьыцэхэр и кэм нэсу зэпкьрыха мыхьуа псалэ лэпкьыгьуэщ. Абы кьыхэккэ абыхэм ягэ гуэшыныгэми еплыккэ зэхуэмыдэ бзэцэныгэем хьыболагуэ. Лэжыгэем дыщытопсэлыхь бзэм кьыщыхэщ макьыцэхэм я гуэшыккэ нэхьыщхэем. Ди тхыгэем шцэуэ шызэпкьрытхаш зыхэцэныгэ зэмылэужыгьуэ кьэзыгэлагуэ макьыцэхэм, унафэ шцэныгэ макьыцэхэм я гуэшыным еха ди еплыккэр. Дызыхуэклуа гупсысэ нэхьыщхьэр мыраш; бзэм макьыцэхэм увшцэ пьухыкка шаубыд цыхум зыхицэ гурыгьу-гурыцэхэр, дуней кьэхьукьашцэхэм, и хьурегьккэ кьыщеклуэккэ Иуэхугьуэхэм, зэхих жылэгьуэхэм, ильагьухэм яхуйгэ хушытыккэр кьэзгэлагуэным. Я ухуэклэм елытауэ макьыцэхэр кьытемыщыкларэ кьытемыщыкларэ ягуэш; мыхьэнэ кьэзгэлагуэем елытауэ зэщхьэшыбгьэккэ хьунуш зыхэцэныгэ зэмылэужыгьуэ кьэзыгэлагуэ (гурыхь / гурымышь / мыхьэнэбэ), унафэ, этикет макьыцэхэр; гендер-ныбжь гуэшыккэмкэ зэщхьэщоккэ «цыхубз» / «цыхухьу» / зэхуэдэу кьэзгэсэбэп, балигь / сабий макьыцэхэр.

Ягэ дыдэу тхыгэем кьыщыхош бзэцэныгээхэм я доктор Бишцэ Б.Ч. адыгэбзэккэ зэридзэкка бзэцэныгэ флэщыгэхэр.

Зэрыгьуэзэн псалэхэр: адыгэбзэ, макьыцэхэр, гуэшыныгэ, гендер-ныбжь гуэшыккэ, гурыхь зыхэцэныгэ, гурымышь зыхэцэныгэ, этикет макьыцэхэр, унафэ кьэзыгэлагуэ макьыцэхэр, кьытемыщыкка / кьытемыщыкка макьыцэхэр.

Бзэм елэжьа шцэныгэлэ куэд я лэжыгэем шытепсэлыхьаш макьыцэхэм гуэшыныгэ ягэхэм. Янэхьыбэм ягэнагуэр псалгэм игьэзащцэ кьалэн е кьиуатэ мыхьэнэ елытауэ ахэр зэрызэхагьэккырщ. Псалгэм папщцэ, кьызэрыхьу шцэныгэм уккэлыплэмэ, зэщхьэщгьэккэ кьыхэщыкка / кьыхэмышцыкка макьыцэхэр [КЧЯ 2006: 366; ГКЧЛЯ 1970: 207–208; Урыс, Тау 1995: 114; Гишев 2003: 127, н.], кьэзыгэсэбэным елытауэ кьыхагьэщ «цыхубз» / «цыхухьу» макьыцэхэр [Урыс 2001: 218; Апажэ 2000: 61; КЧЯ 2006, 369; Бишцэ 2005, н.], кьагуатэ мыхьэнэккэ уахэплэмэ, кьыхагьэщ зыхэцэныгэ зэмылэужыгьуэ, унафэ шцэныгэ, этикет кьэзыгэлагуэ макьыцэхэр [Джэурджий, Дзасэжь 1995: 273; ГКЧЛЯ 1957: 158; КЧЯ 2006: 368; Урыс, Тау 1995: 114; Апажэ 2000: 60, н.].

Ди лэжыгэем шызэпкьрытхаш иджырей адыгэбзэм ипкэ итккэ гуэшыныгэ хэтлагуээхэр, ди еплыккэр дэщыгьуу.

Ипэ дыдэу, ищхьэккэ кьызэрыщыхьащи, макьыцэхэр я кьэхьуккэ гупитгу гуэшыпхьэщ: кьытемыщыкларэ кьытемыщыкларэ.

Кьытемыщыкка хэм хохьэ зэпкьромышьфу шыт, нэгьуэщцэ псалэ лэпкьхэм кьатемыкка макьыцэхэр. Абыхэм кьытрагьэзэжурэ кьызэрыкьуэфыр нэрылагуэ нэщэнэу ягэщ. Псалгэм папщцэ, ахэр зэхэтыфынуш:

– зы макьыу (защцэу, тьуащцэу е шащцэу кьытригьазэу): *a, a-a-a, и, и-и, у-у-у, bl, bl-bl, н.*;

– макьитгу (защ'ау, т'уащ'ау е щащ'ау кыттригъазэу): *eI, ей, ей-ей, ну, ну-ну-ну, уэ, ай, ай-ай, ыхь, агъу, Ы, Ы-Ы, н.*;

– макьищу (защ'ау е т'уащ'ау кыттригъазэу): *мэхь, мэхь-мэхь, уей, уей-уей, хьыI, уэу, уэху, Iэгъу, хьым, Iагъ, уай, н.*;

– щы нэхь нэхьыбэу (зыныкьуэкIэ е макь/Ыхьэ псомкIи кыттригъазэу, екьуа кIэщI дэту е дэмыту): *адыдыд, ау-уей, уэуэу, уэдыдыд, уэхухуху, еу-уей, алей, ей-ехь, н.*;

– макьищ е нэхьыбэу, кытезыгъазэ Ыхьэ хэмыту (екьуа кIэщI дэту е дэмыту): *алей, ыхьы, фий, Iэло-уэхь, хьейдэ, ахьей, н.*

КытемыщIыкIа макьыцIэхэр зэпкьрыпх зэрымышхур щыхьэт тохьуэ ахэр зэрыпасэрей дьдэм, цIыхум и бзэм кьэунэхун, зиужьын щыщIидза лъэхьэнэм щыщI Ыхьэу бзэм кызырыхьэнэм. Ахэр ещхьщ сабийм псэлъэн щыщIидзэкIэ игьэлу макьхэм.

КытещIыкIахэм хохьэ цIейIуэгъэ мыхьэнэр зыфIэкIуэда зи щхьэ хущыт псалъэ лъэпкъ, псалъэ зэпха макьыцIэ лIэужьыгъуэм хуэкIуахэр: *алыхь, фIыкIэ, зиунагъуэрэ, а сымыгъуэжьыт, кьурIэнкIэ солуэ, зегъэхь, е гъуэгу мыгъуэрэ, азэлыхьталэр согъэпцI, гуIэгъуэжь мыгъуэ(ти), е гъуэгу махуэм ежьэн, н.* Мыпхуэдэ псалъэхэр этимологиие и лъэныкьуэкIэ кызытекIа псалъэ лъэпкъхэр гурылуэгъуэу щытщ. Псалъэм папщIэ, *кьурIэнкIэ солуэ – кьурIэн (щыIэцIэ) + Iуэн (лэжьыгъэцIэ); гуIэгъуэжь мыгъуэ – гуIэгъуэ (щыIэцIэ) + мыгъуэ (псалъэкIапэ); гъуэгу махуэ ежьэн – гъуэгу (щыIэцIэ) + махуэ (щыIэцIэ) + ежьэн (лэжьыгъэцIэ); зиунагъуэрэ – кызытекIар зи унагъуэр бэгъуэн (еигъэ цIэпапщIэ + щыIэцIэ + лэжьыгъэцIэ) жьIэгъуэрщ, алыхь-алыхь – кызытекIар т'уащ'ау кытезыгъэзэж алыхь (щыIэцIэ) псалъэрщ. ЖьэрыIуатэбзэм кызырегъэлыгъуэщи, мы гупым нобэми и зыужьыныр иухакьым.*

КытещIыкIахэм уащрохьэлIэ и Ыхьэ ныкьуэкIэ е Ыхьэ псом кытрагъэзэжу: *алыхь-алыхь, уэлэхьы-биллэхьы.* Апхуэдэхэр мащIэ дьдэщ.

Адыгэбзэм, адрей бзэхэми ещхьу, хьболъагъуэ цIыхубзхэмрэ цIыхухьхэмрэ макьыцIэ псалъэхэр зэхуэмыдэу кызырагъэсэбэпыр. Гу лытапхьэщ бзыльхугъэхэм я бзэм макьыцIэхэр нэхь убгъуауэ кызырыщыкIуэм. Абы и щхьэусыгъуэу кьэпльытэ хьунуц адыгэ щэнхабзэм ипкъ иткIэ цIыхубзхэр нэхь гу махэ-псэ махэу, кьэхьукъащIэхэр псынщIэу япкьрыхьэу, зыхащIэу зэрыщытыр, щхьэрыжэ хьу гурыщIэхэр нэхь куууэ, лъэшу зэрагъэвыр. ЗэрыбзэлэфIым, зэрыгушабэм кыхьэкIкIэ, цIыхубзхэм кьагъэсэбэпри нэхь шабэ, зэпыпш хьу макьхэр зыхэт макьыцIэхэрщ. Я макьщIыкIэри, я кьэпсэлъыкIэри а шабагъэм хуэкIуэу щытщ: *анна (мыгъуэ), адыдыд (мыгъуэ/гушэ), алей (мыгъуэ), асымыгъуэ, алыхь (дыдэ/дыцэ), тхьэ (дыдэ), н.* Псалъэм папщIэ: – *УкIуэну, Нурэ (зэхуэсым)? – Тхьэ, сымыщIэ. Замирэт сыхуэзати кызылэIуащ, клубыр нэщI Iеймэ, емыкIу хьунуц, кьывэмыхьэлъэкIыу фынакIуэ жиIэри* [Кьэрмокьуэ 1976: 156].

ЦIыхухьхэм, бзыльхугъэхэм кьащхьэщыкIыу, гурыгъу ягъэвхэр нэхь яхьумэф, ябзыщIыф, зызэтраубыдэф. Я хьэл зэпIэзэрытым, тэмакькIыхьагъым, пхьашагъэм кыхьэкIкIэ кьапсэлэ макьыцIэхэри макь пьудауэ, ткIийуэ зэхэтщ, макьщIыкIэри абы хуэкIуэу гъуагъуэу, пхьашэу гьэIуа мэхьу: *Iэу, Iэгъу, Iагъ, зиунагъуэрэ, уэлэхьы, уэлэхьы-лэхьэзим, ей лIэун, тхьэр согъэпцI, згъэпцIаи, уанэмыгъуэрэ, уанэмахуэрэ, а зи унагъуэр бэгъуэн, е зи лIэужь бэгъуэн, н.* Щапхьэ: (Командир:) – *Дауэ умьыцIыхунрэ Махьти, зиунагъуэрэ, Узденовыр. – Министрым и заместителри? – АмIэ, зиунагъуэрэ, ар а полкым и комсоргу щытащ* [КхьуэIуфэ 2000: 285].

«ЦIыхубз» макьыцIэхэр цIыхухьхэм кьагъэсэбэпыныр Iэмал зимыIэщ. «ЦIыхухь» макьыцIэхэри бзыльхугъэхэм кьапсэлъыркьым. Зы гурыщIэр абыхэм макьыцIэ зэхуэмыдэхэмкIэ кьагъэлыгъуэ. Зэзэмызэ апхуэдэ мардэм имызагъэ щапхьэхэми уащрихьэлIэнкIэ хьунуц литературэбзэм и тхьыгъэ гьэпсыкIэм,

цIыхухьум и щабагыр, гуапагыр е цIыхубзым и хьэл пхьашэр кърагьэлыагыуэ. Ауэ закьуэтIакьуэрэщ апхуэдэ къыщыхур, нэгьуэщIу жыпIэмэ макъыцIэхэм я гендер гуэшыныгэм дэпIагыу шытыкIэ нэхъыщхьэкъым.

Гендер зэщхьэщыкIыныгэр убгьуауэ хьболыагыуэ тхьэрыIуэ макъыцIэхэм я къэгъэсэбэпыкIэм. ЦIыхухьухэм я псалъэмакыым нэхъыбэу къыщыкIуэр Алыхьым, КьурIэным и цIэкIэ жаIэ тхьэрыIуэхэрщ, *гьэпцIын / Iуэн лэжыгьэцIэ дэIэпыкьуэгьухэр дэщIыгьуу: тхьэр согьэпцI, кьурIэнкIэ соIуэ, алыхьыр нахуэу согьэпцI, азэлыхьым и цIэкIэ соIуэ, алыхьталэр согьэпцI, кьурIэн мин цибликIэ соIуэ, н.; е Алыхь псалъэм къытекIахуэ уэлэхьы, уэлэхьы-билэхьы, уэлэхьы-билэхьы-талэхьы, уэбилэхьы, н. жыIэгьуэхэр. Псалъэм папщIэ: *ТIоуцI ирикьуакьэ, Къасболэт? – Хьэбац зиутхьытцIыжурэ кIэлындорым къыдэкIуеяц. – Тхьэ соIуэ, ирикьуауэ* [КхьуэIуфэ 2000: 81].*

ЦIыхубзхэм нэхъыбэу къапсэлъ *Алыхь, Тхьэ* псалъэхэм я закьуэу е *дыдэ, дыщэ, мыгьуэ* дэIэпыкьуэгьуэ псалъэкIапэхэр дэщIыгьуу: (*ЦIыхубз къызэхуэсахэм ящыщ зым гьунэгьухэм хуэгъэзауэ:*) – *Алыхь мыгьуэ, апхуэди (цIалэ зыдэгьушыIэ) иIуэ къыщIэмьыкIын (хьыджэбзым)* [Журт 1997: 245].

Гендер елытауэ зэщхьэщыкIыныгэ хьдолыагыуэ сэлэм зэрызэрах/ зэрызэрахьж макъыцIэ псалъэхэм я къэгъэсэбэпыкIэми. Адыгэбзэм къыхэщ *апций* псалъэр зыдэщIыгьуэ жыIэгьуэхуэ *ихоих апций, бов апций, бохьу апций, гьуэгужь апций, гьуэгуфIыжь апций, гуп махуэ апций, фIохьус апций, фIохьусыж апций, къохьусыж апций, бысымфIохьу апций, мафIохьу апций, пцэдджыжь фIохьу апций, фо бов апций, н. къэзыпсэлъыр цIыхухьухэрэщ. ЦIыхубзхэр псэлъэгьум и узыншагьэм, и Iуэхум, и лэжыгьэм, и унагьуэм щIэупщIэ хабзэщ.*

ЦIыхухьу/цIыхубз гупитIым нэмыщIэ адыгэбзэм убгьуауэ хэтщ лэныкьуитIми зэхуэдэу къагъэсэбэп макъыцIэ гупышхуэ: *еу-уей, бетэмал, ей, IыIыхьы, уэуэ, еIмэ еI, зэдогуэ, маржэ, ярэби, н. Ахэр я къэпсэлъыкIэкIи, я макъыцIыкIэкIи, къаIуатэ мыхьэнэкIи цIыхубзхэми цIыхухьухэми я бзэм щызэтэхуэу щытщ. Щапхьэ: – *Ярэби, сыхэжэуэ нIэрэ атIэ, гур къэкIуауэ къыспэлъгьуэ щыт?.. – Софят псыныцIуэ гьуэлъытIэм къолъэ, унэ лъэгьу цIыIэм зэуэ къегъаскIэ* [ЩоджэныцIуэ 1962: 220]; (*Астемыр:*) – *Ярэби, Андзор Асхадович, ар (Ринэ) мыхьумэ, дызытэпсэлъыхьын цымыIуэ нIэрэ?* [Бозий 2003: 19].*

Гендер гуэшыкIэм къыщынэмыщIа адыгэбзэм хьболыагыуэ ныбжь елытауэ макъыцIэ къыхэхьыным иIэ щхьэхуэныгьэхэр. Балигь хьуа е зи ныбжь хэкIуэта цIыхум жиIэ хабзэ псалъэхэр: *зиунагьуэрэ, уэлэхьы, алыхь (тхьэ) дыдэ, Iэгьу, Iау, ассымыгьуэ, ахьейми, зи унэр бэгьуэн, згьэпцIаи, еIым-еIыхьэ, н. Псалъэм папщIэ: *Председателыр тутыным цэ-плIэ зэкIэлыпыту екьури, ныкьуэфыр сэхуальгэм ирипIытIэжащ. – Аууей, цIы узэрыхуейм хуэдэу! Дытрахум – зэгьусэу дытрахуныц* [ШэдджыхьэщIэ 1994: 293].*

Абыхэм къашхьэщокI сабибзэм къыхэщ макъыцIэхэр: *уарэ, уа, IыIы, Iы, ы-ы, уэсысыс, м-м, ыIы-ы, н. Щапхьэ: (Дыгьэнэху, ПамIэ хуэгъэзауэ:) – *Уарэ! ДэныцIэ? Мы ХьуатIэ Iэлын къуитауэ ара?* [МафIэдз 1998: 101].*

Бзэм ущрохьэлIэ сабибзэм шыщ макъыцIэхэр балигьхэм къыжаIауэ, къапсэлъыр сабийм нэхь гурыIуэгьуэ шыхьун е сабийфэ зытрагьуээн, загьэфIэн, жыIэгьуэм гушыIэ халъхьэн папщIэ: (*Темыркъан:*) – *Уа, ди бригадир цIыкIу, ухьэцIэ мыгьащхьэц уэ. Iау, зиунагьуэрэ, сэфэнуцыи къысхуивгьахьуэ жилэн-тIэ ди ныбжьэгьужьымы и къуэм? Ар зэрацIыр пцIэркъэ: «IыIы» жилэурэ IэцIагуэ* [Елгьэр 1999: 51].

Сабийхэм балигьыбзэм шыщ макъыцIэхэр шыжаIэ шыIэщ, балигьыу зыкъагьэлыгьуээн мурадкIэ. Апхуэдэхэр къэпсэлъыгьуафIэ хьун щхьэкIэ псалъэм и ухуэкIэр хьуэжауэ къэкIуэфынущ: жыIэгьуей макьхэр гьэкIэщIауэ, е зэблэгьувыкIауэ, е макь щхьэхуэхэр зэхьуэкIауэ. Псалъэм папщIэ: – *Сэри? – игьэцIэгьуац Чэрим. – Арац игьащIэми, мор мэээран, сэ къыстралъхьэ. – Уэрей, уэрам сьт цыгьуи зэраныр! – гьынэнац Хьэчим* [Журт 1994: 183].

Къагъэлыагуэ мыхьэнэ елытауэ макъыцIэхэр гупищу зэагъэкI:

- унафэ, хуэгъэушыныгъэ къэзыгъэлыагуэхэр;
- зыхэщIэныгъэ зэмылIэужыгъуэ къэзыгъэлыагуэхэр;
- этикет къэзыгъэлыагуэхэр.

1. Унафэ, хуэгъэушыныгъэ макъыцIэхэм къаIуатэ унафэ щIыныгъэ, Iуэхугъуэ гуэрым къыхуеджэныгъэ, хуэгъэушыныгъэ, тегъэгушхуэныгъэ мыхьэнэхэр: *маржэ, хьейдэ, уэхъэхьей, ей, хьейдэ-хъэхь, ейдэ, мэт, мэ, зегъэхь, н.*

МакъыцIэхэм нэмыщI мы гупым хохъэ псэущхьэхэр зэрызэрахуэ жыIэгъуэхэр. Мыбыхэм зыпэщIыжыныгъэ къалэн ягъээщIэркъым, къызэрагъэсэбэпыр Iэщхэр, джэдкъазхэр зехуэн гурыIуэгъуэущ. Псалъэм папщIэ: *Мусэ лIым хуэгъэзауэ: – Унафэ къыхууемыщIу Iыгъ гунхэр, сэри си щытэикIкъым Урыху!.. Ну-а-а! Ну-а-а!* [Нало 1990: 263].

ЯгъээщIэ къалэн елытауэ мыпхуэдэ псалъэхэр гупищу бгуэш хьунуш:

Япэм хохъэ Iэщ, гүм щIащIэ псэущхьэхэр зэрызэрахуэ псалъэхэр: *нуа, др-р, чыху, чыху-чыху* (шыхэм, шыдхэм), *хьуэш/гьуэш, хо, хьуэкIу* (Iэщым), н.

ЕтIуанэм хохъэ псэущхьэхэр зэрызыбгъэдаду псалъэхэр: *тыхь! кIуцI!* (джэдум), *хьыр! хьырэ! ыр!* (хьэм), *шыр!* (бабыщым), *къыцI!* (къазым), *гур!* (гуэгүшым), *кIэцI!* (бжэным), *хьуретI!* (мэлым), н.

Ещанэм хохъэ псэущхьэхэр, джэдкъазыр зэрызыбгъэдашэ псалъэхэр: *тIэхьут-тIэхьут!* (мэлым), *мэ-мэ!* (хьэм), *кIуцэ-кIуцэ!* (джэдум), *къаз-къаз! къас-къас!* (къазым), *гурэ-гурэ!* (гуэгүшым), *кIышэ-кIышэ!* (танэм), н. ЗэрытIагъуши, мыхэр етIуанэ гупым щыщхэм тIуащIэу къытрагъээзжурэ къэхьуахэш: *кIуц – кIуцэ-кIуцэ, гур – гурэ-гурэ, шыр – шырэ-шырэ.*

МакъыцIэхэм я къалэн нэхьыщхьэр псалъэр/жыIэгъуэр къэзыIуатэ цIыхум игъэв **гурыщIэ, къыщыхьуныгъэ, зыхэщIэныгъэхэр** къагъэлыгъуэнырщ. Зэрыхабзэу, цIыхум гүбжь, гүфIэгъуэшхуэ, къэуIэбжыныгъэ сыт хуэдэхэр щызэхьыщIэм деж и гүпсысэ псори ухуауэ, зэкIэлыхьауэ къиIуэтэфырккъым. Апхуэдэхэм деж нэхьыбэу зэрымыщIэкIэ къажьэдэхур макъыцIэ псалъэхэрщ, абыхэм я фIыгъэкIи зэуэршэрэгъухэм къапсэлым, къэхьукъащIэм хуалэ хушытыкIэр наIуэ мэхьу.

ГурыщIэIуатэ макъыцIэхэм я мыхьэнэ елытауэ зэщхьэщокI **гурыхь зыхэщIэныгъэ** къэзыгъэлыагуэрэ **гурымыхь зыхэщIэныгъэ** къэзыIуатэрэ. Япэрей гупым хыхьэхэр цIыхум и гурыгъу-гурыщIэхэм фIы и лъэныкъуэкIэ холэжыыхь: лэжыгъэ щIэкIэр, гукъыдэжыр йофIакIуэ; арэзыныгъэ, псэхугъэ, мамырыгъэ гурыгъуэхэр зыхащIэ. ЕтIуанэ гупым япэрейм къыпэщIэуэ мыхьэнэ иIэщ: цIыхум и гукъыдэжым, Iуэху щIэкIэм Iей и лъэныкъуэкIэ зехьуэж; гузэвэныгъэ, гурыгъуэ хьэлэхэр егъэв.

ЖьэрыIуатэбзэм гурыгъуэхэр къызэрыщагъэлыагуэр макъыцIэхэрщ. Абы ипкъ иткIэ ахэр бгуэш хьунуш **гурыхь / гурымыхь макъыцIэхэу**. Къагъэлыагуэ дьдэ мыхьэнэм елытауэ ахэр гуп зыбжанэу зыщхьэщыбгъэкI мэхьу.

Я бжыгъэкIэ гурымыхь зыхэщIэныгъэхэр къэзыгъэлыагуэ макъыцIэхэр нэхьыбэщ. Абы и щхьэусыгъуэу къэплъытэ хьунуш гурыхь зыхэщIэныгъэхэм къащхьэщыкIыу гурыгъу-гурыщIэ хьэлэхэр щызэхьыщIэм деж цIыхум зызэхуэмыIыгъыж зэрыхьур икIи жыIэгъуэр зи щхьэ хушыт псалъэхэмкIэ иухуэныр нэхь къызэрехьэлъэкIыр. Мы гупыр мыпхуэдэурэ зэщхьэщокI:

1) Шынагъэ, щтэныгъэ, уз къэзыгъэлыагуэхэр: *а-а, ай, уай, уэуэу, уэдыдыд, ау, ай-ай, дьдыдыд, ыхь, Iэу*. Псалъэм папщIэ: *Лусэ къапIгъэри нэхулгъэ утхьуам къыхилъэгъукIащ: абы зы цIыху щхьэпэлыагэ гурэ къахуокIуэ. – Уай, Софят, мо къакулэр хэту пIэрэ?* [ЩоджэнщIыкIу 1962: 140].

2) ГушыкIыгъуэ, хуэIейгъэ, хуэмейгъэ къэзыгъэлыагуэхэр: *пу, фий, фу, Iух* (*Iух адэ*), *тIфу, хьы: – Заужан «пу!» – жеIэри къэтэджыжыну хуожьэ, арицхьэкIэ и Iэпэр Даукъуэм еубыдри егъэтIысыж* [Нало 2012: 42].

3) Гъэкъуэншэныгъэ, мыгъэдэхэныгъэ, гур зэщыгъэуныгъэ зыхэлэхэр: *ель* (*ель ар*), *уанэмахуэрэ, уанэмыгъуэрэ, енэсынэ, еI, пу алаурсын, хьы, еу-уей,*

ау-уей, алей, на, на-гуцэ, лух, ех-хе-хе, еу-уей, аууей: *Гужажокъуэм (кыыхэпсэлыктам пэрыуэу): – Хэт иджы а нартыху зугъур кыыхэзылуар?! Ельрэ ар!* [Гутыж 1998: 100].

4) **Нэхъыягъуэ, гукъеуэ, гузавэ, гуцлэгъуэ** кызыгъэлыгагъуэхэр: *бетэмал, е, ей, ель, еI, сэрмахуэ, сэрмыгъуэ, сымыгъуэ, агъу, агъу-гъу, ахъу, алыхь-алыхь, ах, аууей, еууей, ей-ехь, м-м-м, тхьэгъуэ, дыдыдыд, ехе-хе.* Псалгэм папщлэ: – *Сыт, сымыгъуэ, а жыпIэр?* – (Къэрэжан кылуэтэжа хьыбарыр) и жагъуэ зэрыхуар и фэми кылуатэу цлоупцлэ Гуацэнацхьуэ [Журт 1987: 159].

5) **ЩэнэкIэлыгагъэ, шхьэзыфIэфагъэ, нэгъуэшIым и насыпыншагъэм шыгуфIыкIыныгъэ** кызылуатэхэр: *хьым, хьыI, хьы, хьа, хьа-хьахь, ыхьы, м-м-м: ИтIанэ ар жызылам и псэлэгъур мэлэбэри, а псэ плейтей пкымызагъэ цIыкIур нэхъ гъунэгъуэ зрегъэкIуэталэ. – Хьы, хьарып цIыкIу, дапцэц жыпIа мыр (псэр) ЩIым цаутIыпцынуэр?* [Хьэх 2013: 30–31].

6) **Губжьэ, зэгуп, къэпIыныгъэ** кызыгъэлыгагъуэхэр: *пу алаурсын, хьым, лух (лух адэ), бетэмал, енэсынэ, еIым-еIыж, еIым-еI.* Щапхьэ: *Абдейм Къэрэццей къэбэмIац: «еIым-еI, езы секретарым жесIа пэтрэ, срехухь» жиIэри* [Нало 1993: 322].

7) **Шэч кытехэныгъэ, дзыхь мышIыныгъэ, гурыщхьуагъэ** кызыгъэлыгагъуэхэр: *хьым, хьыI, ярэби, ярэбинэ: – Ныбжьэгъу лъапIэхэ! – лъалуэ макъIэ захуегъазэ кызэхуэсахэм Къуэдз Бекболэт. – Ярэби, фи нэр кыципхьуауэ цхьэ физэрехьэжьэрэ? Зи лажьэр фымыцIэм мафIэс евдзыну цхьэ фытелгъэда?..* [ЩоджэнцIыкIу 1973: 13].

8) **Зегурымылуэныгъэ, арэзы мыхьуныгъэ** кызыгъэлыгагъуэхэр: *IыIы-ы, Iы, Iынэ, IыIынэ, ы-ы, ыIы: – Хьэуэ, сэ сыпэцацэу аракъым. Луэхур зыдэщылэр... – хьыджэбзым жиIэну мимыгъэсу Хьэжпагуэ Iэнеуд: – БIы, куэд уоцIэ уэ! «КъысфIоцI!» жыхуэпIэр сцIэркъым, тхуэмьлгъэщIыжын хуэдизу ди напэр тепхац...* [ЩоджэнцIыкIу 1962: 135].

ЗыхэшIэныгъэ гурыхь кызыгъэлыгагъуэ макъыцлэхэр бгуэш хьунуш:

1) **Гупсэхуныгъэ, арэзыныгъэ, гузэгъэгъуэ** кызыгъэлыгагъуэхэр: *уэху, уэхуху, ыхьы, уэхухуей, ыхьым, Iыхьым: Мухьэмэтмырзэ псы цIыIэ пэгуныр и цхьэм кьрикIыхри и гур нэхъ зэгъауэ кIыц цIыхьэпIэм деж щылэ телуцIыкIыпIэм тетIысхьац. – Уэху-ху, – жиIац лыжьым (Мышыкь хуэгъэзауэ), – цIыху сыпцIыжац [ШэджыхьэщIэ 1987: 109].*

2) **ГуфIэгъуэ, гухэхуэ, гьэщIэгъуэнышэ шыхьун** зыхэшIэныгъэхэр кызыгъэлыгагъуэхэр: *уа, уарэ, уэ, уэлэнэ (сабибзэ), уай, алоуэхь, уоу-уэхь, бетэмал: (Мухьид:) – ИкIэ кыхуамэ, дапцэрэ укьыдэкIагъэн мы ЛъагъуэзакуэпIэм?.. Уи гьацIэ псом кьриубыдэу? – Уоу-уэхь, – кызыцIэувыIыкIац иджы БетIал. – Уэлэхь, ар куэд мэхьум, куэд дыдэ!..* [Хьэх 2013: 23].

3) **Арэзыгъэ, фIэщщIыныгъэ, хэгъэзыхьыныгъэ** кызыгъэлыгагъуэхэр: *ахьей, айомэ, м-м-м, ы-ы, ыхьы, ыхьым, ахьаймэ, ахей, ахьай, ахьейми, уей: – ХуиттэIым, тхьэ-тIэ! Абыхэм, хьы, я командирхэм унафэ кыхуацIыр ямыгъэзацIэмэ, езыхэр яукIынуц! – БI, Iейуэ... Уэи, ыхьы, зэуакIуэ кэмыкIуэххэну хуитац, ухуеймэ!* [Хьэх 2015: 105].

ИщхьэкIэ кыщытхьа макъыцлэ гупхэм къащынэмыщIа бзэм хьыболгагъуэ кыщагъэсэбэп контекстым елыгауэ гурыхь зыхэшIэныгъэри гурымыхь зыхэшIэныгъэри зэхуэдэу кызылуэтэф макъыцлэхэр. Апхуэдэхэм **мыхьэнэбэ макъыцлэ** фIэщыгъэцIэмкIэ уеджэ хьунуш:

1) **Кыхуеджэныгъэ** мыхьэнэ зилэ макъыцлэхэр: *айдэ, догуэ(т), зэдогуэ, зэт, тсс, уэхьэхьей, уей, уий, хьэхьей, хьейдэ, хьейдэ-хьа, хьейдэ-тIэ, зегъэхь, мэ, мэт: – Хьедэ, сыгъэхьуж. Сэ сысымаджэц, фэ фыдохутыриц, – жеIэ Алмэжан (Фенэ хуэгъэзауэ), езыр узыниэу сымаджэ гуэрэм уэчыл кыицIам хуэдэу гъэхуауэ, уеблэмэ и псалгэхэр ткIийуэ кыжьэбэдэкIыу [Къэрмокъуэ 1976: 105].*

2) **ГьэщIэгъуэныгъэ** мыхьэнэ кызыгъэлыгагъуэхэр: *алоуэхь, алыхь-алыхь, IыI-Iыхьы, ассымыгъуэ, алей, анна-а, бетэмал, ейехь, зилэун, зиунагъуэрэ, на*

(гуцэ), тобэ, уа, уарэ, уэ, уэдыдыд, уэI, уей, уоу, уэу, ярэби, Iагь, Iагьу, Iэгьу, Iэлоууэхь. Псалгэм папщIэ: *Хьэжрэт и «нэщыпхьуэр» зэрыпхырыкIым цыгьуазэ фадэфэгьухэм аргуэру жаIэ: «Ай, Хьэжрэт, Алоу-уэхь, мы Хьэжрэти! Мыбы лъэмыкIын цыIэ!»* [ЩоджэнцIыкIу 1962: 27].

3) **ТхьэрыIуэ** мыхьэнэ къэзыгьэлыгагьуэхэр: *алыхь, си тобэщ, тхьэ, уэлэхь, тхьэ-уэлэхь, уэлэхь-билэхь, уэлэхь-билэхь-талэхь*: – **Уэлэхь, Назир Гузерович, къызгурымыIуэ, сьт ди колхозым районым фIигьэкIуэдьр?** [Къэрмокъуэ 1976: 206].

4) **Егьэляуэ шIэхьуэпсыныгьэ** къэзыгьэлыгагьуэ: *аджыдэ, аджыдэ мыгьуэ: Бэлыхь гурэ закъыщохьужыр (Рашидрэ Зулэтэрэ)... А джыдэ мыгьуэ зы машинэ сиIацэрэт мыбыхэм я ижыгьэкIэ!* [Тыуаршы 1994: 149].

Гу зэрылгытапхьэщи, мыхьэнэ зэмылIэужьыгьуэхэр кызырагьэлыгьуэфым кыыхэкIэ, зы жыIэгьуэм гуп зэхуэмыдэхэм ущрихьэлIэфынущ. МакьыцIэхэм я мыхьэнэ пыухыкIар наIуэ щыхьур кыщагьэсэбэп контекстым, IэщI-нэкIушI зегьэкIуэныгьэхэм (псалгэм папщIэ, щхьэр щIын, Iэр щIын, нэкIур зэхуэшэн, гуфIэу Iупэхэр хэщын, н.) елгытауэщ.

КыкIэлъыкIуэ гупыр – **этикет макьыцIэхэрщ**. Мыбы хохьэ сэлам зэхын/зэхыжын, кыыхуагьэгьуну лъэIуэн, фIыщIэ хуэщIын мыхьэнэ зиIэ жыIэгьуэхэр. Ахэр кьанэ щIагьуэ щымыIуэ кыитешIыкIа макьыцIэхэм хохьэ: *къохьусыж, бохьу апций, фIохьус апций, ихоих апций, фIыкIэ, гьуэгу махуэ, сэлам алейкум, уи махуэ (пцэдджыжь, пцыхьэцхьэ, жэщ) фIыуэ, упсэу, н.*

Гу лгытапхьэщ, этикет макьыцIэхэм я нэхьыбэр къэзыгьэсэбэпыр цIыхухьухэрщ. Псалгэм папщIэ *апций* Iыхьэр зыпытхэр: – **ГьуэгуфIыжь апций!** – *зэхех абы (Елдар). Къыдэпльеймэ, Зулчиф* [ШэджыхьэщIэ 1994: 316].

Сэлам ехыкIэ кыыхьыныр епхаш зэхуээзэхэм я ныбжым, лэжыгьэкIэ, IэщIагьэкIэ яIыгь увьпIэм, я зэрыщIыхуныгьэр здынэсым, псалгэр зыхуэгьээр хьульхугьэм/бзылхугьэм. Псалгэм папщIэ, *сэлам-р* кьапсэлъынущ фIыуэ зэрыщIыху, ныбжкIэ этехуэ, зи ныбж хэмыкIуэта цIыхухьухэм: *(Тембот:) А-а, Мазизэ. Сэлам, сэлам* [ШэджыхьэщIэ 1994: 249].

Нэхь убгьуауэ зэпсэлъэныгьэхэм кыщокIуэ «сэлам алейкум» – «*алейкум сэлам*» жыIэгьуэ-жуапыр: *Фулэд икIри машинэм къыльгэщIыхьэу къыблихун шынэу кьэувыIауэ цыт шыдыгум ис лъыжьым бгьэдыхьащ. – Сэлам уалейкум! – Уалейкум сэлам. Хэт ар?* [Къэрмокъуэ 1976: 134].

ПщIэ зыхуашI, ныбжкIэ къащхьэщыкI, лэжыгьэкIэ ефIэкI цIыхум хуэгьэзауэ къагьэсэбэпынущ *уи пцэдджыжь (махуэ, пцыхьэцхьэ) фIыуэ, пцэдджыжь (пцыхьэцхьэ) фIохьу апций-хэр*.

Сэламзэрызэрах макьыцIэхэмдэщIыгьуукуэдрэкъокIуэуэ/уо Iыхьэр, жыIэгьуэм и мыхьэнэр гуфIэгьуэ, гьэщIэгьуэныгьэ, зэрымышIагьэ зыхэщIэныгьэхэмкIэ прищIагьэхуабжьэу: *Софят и гупсысэр къызэнеуд абдей къыщыIуа псалгэм: – Уо, сэлам, сэлам! Уузыниэм, си ныбжьэгьужьу Хьэмыцэ! – и IуфакIэ гьуритIыр зэхуэльэфэсауэ мэдыхьэих Хьэжрэт* [ЩоджэнцIыкIу 1962: 79].

Адыгэхэм сэлам зэрырах псалгэфэхэм мыхьэнэшхуэ ират икIи ахэр ебэкIыу жьэрыIуатэбзэм хэтщ. Ахэр цIыхухэм я зэпсэлъэныгьэр щIадзэным, ар ухуэным дэлэпыкьуэгьу яхуохьур. Мы гупым къахощхьэхукI сэлам зэрызэрах/зэрызэрахыж идеомэ псалгэ зэпха макьыцIэхэр. Ахэр сьт хуэдэ фIэхьус тыкIэ гьэпсыкIэми езым и кьалэн игьэзащIэу икIи Iуэху екIуэкIыкIэ хэхам епхуэ фIым кыыхуеджэным, Iуэху игьэзащIэр ефIэкIуэным, кьехьулэным хуэгьэзауэ къагьэсэбэпу щытащ: *бов апций-р* губгьуэр зывэм е гьавэр Iузыхыжым хуэгьэзащ; *бохьу апций* – Iэщ зыгьэхьу Iэхьуэм хуэунэтIащ; *гьуэгужь апций, гьуэгуфIыжь апций* – гьуэгу теувэм хуэгьэзащ; *гуп махуэ апций* – гуп зэхэсым щыбгьэдыхьэм къагьэсэбэп; *фIэхьус, фIохьусыж, къохьусыж апций* – гьуэгу тетауэ къеблэгьам/къеблэгьэжам жраIэ; *бысымфIохьу апций* – хьэщIэхэм бысымым зэрызыхуагьазэ жыIэгьуэщ; *мафIохьу апций* – мафIэм бгьэдэсхэм кыыхуапсэлъ; *пцэдджыжь фIохьу апций* –

7. *Тау Хь.Т., Урыс Хь.Щ.* Адыгэбзэмрэ адыгеибзэмрэ я грамматикэ: (Зэлыгтауэ). Налшык: КБГУ, 1995. 119 с.
8. *Урыс Хь.Щ.* Адыгэбзэм и тхыдэ. Ыхытгу зэхэлъу. I Ыхьэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 360 с.
9. *Бозий Л.* Щыкыр икIэ мэху // ГьащIэ гьуэгуанэ. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2003. 275 н.
10. *Елгээр К.* Лъагьуныггэм и бзэ: повесть, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1999. 424 н.
11. *Журт Б.* Адэжъ лъапсэ. Повесть. Нальчик: Эльбрус, 1987. 187 н.
12. *Журт Б.* ЗэкьуэшитI // Адыгэ сабий литературэ / Зэхэзылъхьар Мыз М.Л. Налшык: Эльбрус, 1994. Н. 182–184.
13. *Журт Б.* Гьатхэ пасэ // Тхыгьэ кьыхэхэхэр. Налшык: Эльбрус, 1997. 440 н.
14. *Кхьуэлъуфэ Хь.* Мэзыр жыг зырызурэ зэхэтц // Гьатхэм и ныбжьыр. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 480 н.
15. *Кхьуэлъуфэ Хь.* Сату // Гьатхэм и ныбжьыр. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2000. 480 н.
16. *Кьэрмокъуэ М.* Щихухэр иджыри мэкI. Налшык: Эльбрус, 1976. 384 н.
17. *МафIэдз С.* Мыщэ лъэбжьанэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 1988. 544 н.
18. *Нало А.* Кьэрэгьул зэблэкIыгьуэ // Тхыгьэ кьыхэхэхэр. Томищ хьууэ. I. Т. Налшык: Эльбрус, 1993. 464 н.
19. *Нало А.* Нэхуш шу. Роман. Налшык: Эльбрус, 1990. 359 н.
20. *Нало З.* ПхьащIэр Iэзэмэ, мэзри благьэц. // Дыджым и Iэфыгьэ. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2012. 368 н.
21. *Нартхэр.* Кьэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа, Тхыль тедзапIэ компание «Ашэмэз», 1995. 560 н.
22. *Тьуаршы А.* Нобэ, е зии. Роман. Черкесск: Кьэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапIэ, 1994. 424 н.
23. *Хьэх С.* Лъагьуэр гьуэгу м хуокIуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2013. 624 н.
24. *ШэджыхьэщIэ Хь.* Мазизэ // Тхыгьэхэр. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 1994. 432 н.
25. *ШэджыхьэщIэ Хь.* Тэрч щыхьэтц // Тхыгьэхэр. Налшык: Эльбрус, 1994. 432 н.
26. *ИутIыж Б.* ИугьащIэ Исрафил! // Дунейр театрщ. Пьесэхэр. Налшык: Эльбрус, 1998. 376 н.
27. *ЩоджэнцIыкIу I.* Софят и гьатхэ. Налшык: Кьэбэрдей-Балкьэр тхыль тедзапIэ, 1962. 232 н.
28. *ЩоджэнцIыкIу I.* Уи цIэр фIэсщынц. Повесть. Налшык: Эльбрус, 1973. 304 н.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИЦИРОВАНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Афаунова Анджела Анатольевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), martazei@mail.ru

В кабардино-черкесском языке междометия – не до конца исследованная часть речи в связи, с чем в языкознании просматриваются разные подходы к их классификации. В статье освещены основные способы систематизации междометных слов в кабардино-черкесском языке. Новизна нашей работы состоит в том, что мы приводим свое видение на деление эмоциональных и волеизъявительных междометий. В ходе работы мы пришли к следующим выводам: междометия выполняют важную роль в передаче эмоционального состояния и отношения человека к происходящему вокруг, к услышанной информации, к увиденному действию. По способу образования они делятся на первичные и производные; по значению – на эмоциональные (отрицательные / положительные / многозначные) междометия, волеизъявительные, этикетные междометия; по гендерно-возрастным особенностям – на «мужские» / «женские» / общие, взрослые / детские междометия.

Впервые в статье применена система адыгоязычных лингвистических терминов, разработанная доктором филологических наук Бижоевым Б.Ч.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, междометия, классификация, гендерно-возрастная классификация, положительные эмоции, отрицательные эмоции,

этикетные междометия, волеизъявительные междометия, производные / производные междометия.

BASIC PRINCIPLES OF CLASSIFICATION OF INTERBEDNATIONS OF THE KABARDINO-CHERKESK LANGUAGE

Afaunova Angela Anatolievna, Candidate of Philology, Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), martazei@mail.ru

In Kabardino-Circassian language, interjection is not a fully explored part of speech in connection with which different approaches to their classification are seen in linguistics. The article highlights the main ways to systematize interject words in the Kabardino-Circassian language. The novelty of our work is that we bring our vision to the division of emotional and volitional interjections. In the course of our work, we came to the following conclusions: interjections play an important role in conveying an emotional state and a person's attitude to what is happening around him, to information he has heard, to what he has seen. According to the method of education, they are divided into primary and derivatives; by value – on emotional (negative / positive / ambiguous) interjections, volitional, etiquette interjections; by gender and age characteristics – into «male» / «female» / general, adult / children's interjections.

For the first time in the article, the system of Adyghe linguistic terms developed by the doctor of philological sciences Bizhoyev B.Ch.

Keywords: Kabardino-Circassian language, interjection, classification, gender and age classification, positive emotions, negative emotions, etiquette interjections, volitional interjections, non-derivative / derivatives interjections.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-99-107

АДЫГЭБЗЭ ПСАЛЪЭКИАПЭХЭМ Я МЫХЬЭНЭМРЭ Я ГРАММАТИКЭ НЭЦЭНЭХЭМРЭ

Жылэтеж Хьэжысмел Чылэний и къуэ, филологие цлэныггэхэмкдэ кандидат, Федеральнэ къэрал бюджет цлэныггэ Гуэхуцлэпэ «Урысейм цлэныггэхэмкдэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр цлэныггэ центр» «Федеральнэ цлэныггэ центрым» и къудамэм адыгэбзэ секторым и цлэныггэ лэжыаклуэ нэхъыж, hazismel@mail.ru

Мы лэжыггэр теухуащ адыгэбзэм и псалъэклапэхэм я мыхьэнэмрэ грамматикэ и лэныкыуэкдэ яхэлъ ггэщлэггуэныггэмрэ зэубз щыным. Адыгэбзэр цлэныггэ бггэдыхьэкдэ яджын зэрыщадзэрэ зэман зыбжанэ дэклами, псалъэклапэхэм теухуауэ иджыри зэхэгкыпхъэ, убзыхупхъэ Гуэхугуэ куэд зэрыщылэм шэч хэлъкыым. Къапщтэмэ, яггэзащлэ къалэн елытауэ псалъэклапэхэр кызырэхаггэкдэ щыкдэр зэубзу щыткыым, зэрагуэш гупхэм я бжыггэр зэтехуэркыым. Уеблэмэ, апхуэдэ гуэшыкдэр шыауггэу къэзылытэ щылэщ. Мы лэжыггэм япэ дыдэу Бицло Б.Ч. (ф.щ.д.) адыгэбзэкдэ зэридзекдэ бггэщлэныггэм ехьэлдэ флэщыггэцлэхэр (терминхэр) къэдггэсбэпурэ къэбэрдей-шэрджэсыбзэм и псалъэклапэхэр лэныкыуэ зыбжанэкдэ шыдггэнэхуащ. Псалъэклапэхэм теухуауэ едггэклуэклэ къэхутэныггэхэр адыгэбзэкдэ къыдэклину грамматикэм хыхьэну догуггэ.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: адыгэбзэ, псалъэклапэ, гуп, псалъэуха, грамматикэ къалэн, пэрыув, клэрыув.

Адыгэ тхыбзэм ллэщылггэуэ зыбжанэ и ныбжыу хуэзыггэфашэхэр щылэми, адыгэбзэм и шытыкдам дэ шыггэуазэ защыхуэтщылггыр пасэм ди щыналъэм зыплыхьаклуэ къэклуа цлэныггэллхэм ятхыжахэрщ. Бзэм теухуауэ апхуэдэ лэжыггэхэм ярытыр куэд мыхьуми, абыхэм лэныкыуэ зыбжанэкдэ пасэррей адыгэбзэм и Гуэху зытетар налуэ ящл. Къапщтэмэ, адыгэбзэ псалъэклапэхэр япэ дыдэ шыдолгаггэу XVIII-нэ ллэщылггэуэм Кавказым шыла европей цлэныггэлл И.А. Гюльденштедт и Гуэрытххэм. Мыбы и лэжыггэм хэт адыгэбзэм теухуа псалъалгэ клэщылм *нтлэ*, хьэуэ псалъэхэр къыщыхьащ [Гюльденштедт 2002: 363].

Ильэс бжыггэкдэ адыгэхэм я деж шыла этнограф цлэрылуэ Л. Люлье адыгэбзэм псалъэклапэхэр щхьэхуэу къыщиггэлыаггэуэркыым, абыхэм я къалэныр предлогхэм яггэзащлэу ебж [Люлье 1846: 25].

Гу зылытапхьэхэм ящыщ Октарь революцэм и пэкдэ адыгэбзэм теухуауэ къыдэклэ тхыггэхэм псалъэклапэхэр псалъэ лэпкыггэуэ щхьэхуэу кызырэхамыггэклир. Ауэ апхуэдэ еплыкдэм иужькдэ зехуэжыр.

Совет зэманым и лэхьэнэм япэу къыдэклар Борыкыуей Пуглэ и грамматикэр аращ. Цлэныггэллым кызырилгытэмкдэ, «адыгэбзэм псалъэклапэхэм флуэу зыщаужьакыым, быдаггэ ялэкыым» [Борукаев 1932: 85]. Абы кыххэклиу бeldжылаггэ къэзыггэлыаггэуэ *арми*, *нэхь мыхьуми*, *ухуейми*, *сытми* псалъэхэр ппалъэкдэ псалъэклапэ хьууэ, иужькдэ цлэхэм ящыщ хьужу къелгытэ Борыкыуейм [Борукаев 1932: 86].

Псалъэклапэхэм я Гуэхур зэхэха шыхьуакыым Г. Турчаниновымрэ Цаггэ Мухьэмэдрэ я грамматикэми: «Псалъэклапэхэмрэ хэдза псалъэхэмрэ кыххэбггэщхьэхуэклифьыркыым псалъэзэпыщлэхэмрэ къэхьукдэцлэхэмрэ, сыт щхьэкдэ жыплэмэ абыхэми псалъэухахэр зэпашлэри» [Турчанинов, Цагов 1940:

159]. А жаӀэми и шапхьэу щӀэныгьэлӀхэм къахь араци, хьэуэ, жери / жи, мис, мес, мэ! псалъэхэр.

ПсалъэкӀапэхэр япэ дьдэ нэхь белджылыуэ шызэпкьрыхаш 1957 гьэм къыдэкӀа адыгэбзэ щӀэныгьэ грамматикэм [Грамматика ... 1957: 157–158]. Мыбы псалъэкӀапэхэр гупихыу шыгуэшащ: *зыгьэнаӀуэ, зыгьэлыагьуэ, гьунапкьэ, щӀэзыгьэхуабжьэ, уасэхуэщӀ-зыхэщӀэ, нэгьуэщӀым и псалъэ къэзыӀуэтэж* [Грамматика... 1957: 157].

1970 гьэм къыдэкӀа адыгэбзэ грамматикэм псалъэкӀапэхэм теухуауэ итыр 1957 гьэм къыдэкӀам жиӀэм къыщхьэщыкӀыркьым.

Зэрагуэщ щӀыкӀэмрэ къыхагьэкӀ гупхэм я бжыгьэхэмрэ зэтемыхуэми, псалъэкӀапэхэр шызэпкьрыхаш адыгэбзэм елэжьа щӀэныгьэлӀ Кьумахуэ М., Урыс Хь., Шагьыр I. сымэ я лэжыгьэхэм.

БзэщӀэныгьэм игьуэтэ зужыныгьэхэр я лъабжьэу гьэхьэзыра хьуаш иужь дьдэ къыдэкӀа Адыгэбзэ грамматикэр [Кабардино-черкесский язык 2006]. ПсалъэкӀапэхэм абы увьпӀэ хэха шаубыдащ, нэгьэсауэ ахэр шызэпкьрыхаш. Пэжщ, сыт хуэдэ къэхутэныгьэми хуэдэу, абыи шыуагьэ гуэрхэр хэльщ. А ныкъусаныгьэхэр къэтлыгьтэу, иджырей фӀэщыгьэцӀэхэр (терминхэр) къэдгьэсэбэбу дубзыхуаш псалъэкӀапэхэм теухуа ди лэжыгьэр.

Къагьэлыагьуэ мыхьэнэ елыгьтауэ псалъэкӀапэхэр гуп зыбжанэу ягуэщ:

1. *Мис, мес, мьдэ, модэ зыгьэлыагьуэ псалъэкӀапэхэм* предмет е дунейм и къэхьукьащӀэ къагьэлыагьуэ. Гьунэгьуу шыӀэ гуэр къагьэлыэгьуэн папщӀэ *мис, мьдэ* псалъэкӀапэхэр къагьэсэбэп; *мес, модэ* псалъэкӀапэхэм жьжьэ шыӀэ гуэр къагьэлыагьуэ. Шапхьэ: *Мис а хьыбархэм, гьыбзэхэм ханӀыкӀат Бэтокьуи* [Шортэн 1978: 277]; *Мес мо Бэлэтокьуэ, Лэкьумэн, Гуэщокьуэ сыми зэхахащ* [МафӀэдз 1992: 339]; *Мьдэ еплъыт мы псы Ӏуфэм къэсылӀауэ хьэлү цыкьуей зыщып бдзэжьей КӀыхьым!* [Нало 1993: 296]; *Модэ феплъыт, псыежэххэм / Мыл лъэмыжхэр трильхьаи!* [ЩоджэнцӀыкӀу А. 2000: 81].

2. **ЩӀэныгьэ псалъэкӀапэхэм** хохьэ *амӀэ, хьуниц, хьуниц-мӀэ, ерэхьу, нымӀэ, нтӀэ, ае, ы-ы-ы, ахьей, ыхьы-хэр*. Мыхэр жаӀам шыхьэт ирытехуэун папщӀэ къагьэсэбэп, Ӏуэхугьуэ гуэрымкӀэ арэзыуэ щытмэ. *АмӀэ, нымӀэ, нтӀэ, ае, ы-ы-ы* псалъэкӀапэхэр упщӀэ гуэрым и жэуапу щытхэщ, *хьуниц, ерэхьу-хэр* унафэм гуэрым и жэуапхэщ. ЩӀэныгьэ псалъэкӀапэхэр псалъэ щхьэхуэу къагьэсэбэп хабзэщ, псалъэхам хэувэмэ, и пэм мэув: (*Чылар:*) *АмӀэ, сэ вжесӀэниц зы таурыхь, Ӏуащхьэмахуэ и цхьэгум къыщыхьуауэ* [Шортэн 1978: 216]; *Софят зыкъегьазэри и Ӏэр къещӀ: Хьуниц, селъэӀуниц, умыгузавэ, нанэ!* [ЩоджэнцӀыкӀу I. 1962: 13]; (*Пашэм:*) – *НымӀэ, дауэ зэрытцӀыр, ныбжьэгьу КӀэрэф?* [Нало 1993: 192]; *Бырымбыху заницӀу псори къыгурыӀуэри: «НтӀэ, дызэлӀзэфызиц», – жиӀащ* [МафӀэдз 1992: 93]; *Хьуниц-мӀэ, накӀуэ, дыщыгувэкӀэ сыт тцӀэн, нанэ и жагьуэ ищӀынкьым* [ШэджыхьэщӀэ 1987: 39]; (*Дэфэрэдж:*) «*УцӀэс?*» *жаӀуэ къызэуцӀати, «ы-ы-ы» цыжысӀэм, телефонкӀэ къэпсалъам трубкар трельхьэж...* [КӀыщокьуэ 2006: 95]. ЩӀэныгьэ псалъэкӀапэхэр псалъэхуа псом и пӀэкӀэ къэкӀуэфынущ зэпэдзыжхэм деж. Шапхьэ:

– (*Поцтзехьэм:*) *Ноби фи кӀэзетым письмои цӀыгьууц.*

– (*Мурид и анэм:*) *Письмо, пӀа?*

– *НтӀэ* [Кьэрмокьуэ 2007: 83].

ЩӀэныгьэ къэзыгьэлыагьуэ *хьуниц, ерэхьу* псалъэкӀапэхэр лэжыгьэцӀэ гьэпсыкӀэхэм къатекӀащ: япэр зэраӀуатэ тешэ гьэпсыкӀэм, етӀуанэр «ирехьу» псалъэм и фӀэфӀыныгьэ гьэпсыкӀэм.

3. *Хьэуэ, аӀэ шымыӀэныгьэ псалъэкӀапэхэм* зыгуэр зэрыщымыӀэр, зэрымышьунур къагьэлыагьуэун папщӀэ. Щизакьуэм деж упщӀэм и ужь иту къакӀуэ хабзэщ, псалъэхам шыхэтым деж абы и пэм итщ: (*КӀымӀэ:*) – *Ахэр цӀызэдауэр тцӀэрэ, Мухьэмэд?* – *Хьэуэ* [Кьэрмокьуэ 2007: 156]; (*Шорэ:*) *Хьэуэ,*

ефэнды, Степан ди лъэпкъым сэбэп къыхуэхъуну хэти, ди бзэр зэрегъащIэ, адыгэм ди таурыхъыжъхэр, тхыдэжъхэр етхыж, къыдигъэкIыну [Шортэн 1978: 240]; (Къургъуокъуэ:) **АIэ**, мы къетIэтIэхым абы нэс аргуэру гу пхуну джаур сын цхъэкIэ – модэ бжъэпэм фхъыи цыщIэфтIэ цIыху тевмыгъаплэу, мыхъум, тхъэ гуIэ, уэрэд пхуаусынкIэ!... [Нало 1993: 308].

ЩымыIэныгъэ псалъэкIапэхэр псалъэухам и гъээзщIэным епха хабзэщ.

4. **ЗэрыупщIэм псалъэкIапэхэщ пIэрэ, цэ, ий-хэр.** Мыхэр псалъэ лъэпкъыгъуэ псоми я гъусэу къахь. ЗэрыупщIэ къалэным дэщIыгъуу мыбыхэм псалъэухам уасэхуэщI, зыхэщIэ мыхъэнэхэм я плыфэ цхъэхуэхэр хальхъэфынущ.

ПIэрэ псалъэкIапэм къыгъэлъэгъуэфынущ упщIэ, зыгуэрэм зыщыгъэгъуэзэныгъэ, шэч е фIэщ мыхъуныгъэ мыхъэнэ: *Ауэ а лIыжъ хъэрахъэр ягъуэтыну пIэрэ, ягъуэтми, къахуэкIуэну пIэрэ?* [МафIэдз 1992: 370]; *Дыгъуасэ бригадэм къэмыкIуауэ пIэрэ Шакъ?* [Къашыргъэ 1957: 97].

ПсалъэкIапэ *пIэрэ*-р зыщIыгъуу псалъэр, япэ итыр, зэпымууэ лъабжыгъусэ -у/уэ пыту къокIуэ: *Ауэ ХъэматI и узыниагъэр дапцэщу пIэрэ цигъээзэкIуэжыну?* [Къашыргъэ 1957: 33]; *Жэнпагуэ дэнэ цыIэу пIэрэ?* – зы гъунэгъу фыз къыIухъащ [МафIэдз 1992: 30]; (*Лолэ Зинэ жриIэу:*) – *Ауэ абы и пIэм ягъэувар хэт?* – *Ари хуэмурэ къэпцIэни.* – *Мы Мусэу пIэрэ?* – *Хъэуэ, Мусэкъым.* – *АтIэ, уэрмырауэ пIэрэ?* [Къашыргъэ 1957: 69]; *ЛIыжъ закъуэтIакъуэ мыхъумэ, лIы куэд флъэгъуауэ пIэрэ апхуэдэу жыг хадэ фIыуэ зылъагъу, зезыхъэ?* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 214].

ПIэрэ псалъэкIапэм и гъусэу псалъэухам хоувэф упщIэм шэч хэзылхъэ -*тIэ, атIэ* псалъэкIапэхэр: *Пэж дыдэу зыгуэр къащыщIауэ пIэрэ-тIэ а хъыджэбзхэм?* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 225]; *Ярэби, сыхэжэяуэ пIэрэ атIэ, гур къэкIуауэ къыспэплэу цыт?.. – Софят псыницIэу гъуэлъыпIэм къолъэ, унэ лъэгу щIыIэм зэуэ къегъаскIэ* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 6].

ЗэрыупщIэ псалъэкIапэ *цэ*-р лэжыгъэщIэм и гъусэу къакIуэмэ, гъээзщIэным Iэмал имыIэу псалъэужь -мэ поувэ. НэгъуэщI псалъэ лъэпкъыгъуэхэм я гъусэмэ, -мэ псалъэужьыр пыувэнкIи пымыувэнкIи мэхъу: *Ауэ а пцэцэр къамыцIыхумэ-цэ, е трактор рулыр дзыхь къыхуамыщIмэ, псори лъэлъэжакъэ?* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 6]; *Ефимовым зэхигъээзэрыхъамэ-цэ?* [Кхъуэлүфэ 2000: 288]; *Пэжщ, си адэр лэжъакIуэщ. Си анэр-цэ?* [КIэрэф 2009: 408]; *Сыту насыпфIэу сыщытат. Иджы-цэ?* [Къэрмокъуэ 2007: 36]; *ИтIани укIытэгъуэр-цэ, напэр-цэ? Дауэ сафIэкIыну сэ а псоми?!* [КIэрэф 2009: 264].

5. *Хуэдэ, нэхъей-хэр зэзыгъапщэ псалъэкIапэхэщ.* Ахэр сытым дежи зэпха псалъэм и ужькIэ мэув, къэхъукъащIэ зэщхъэр, зэпэгъунэгъухэр зэпалъытын папщIэ къагъэсэбэп: *Езым (Мурид) хуэдэ инэралхэм цхъэцэ къыхуащIырт* [Къэрмокъуэ 2007: 36]; *Къыхуахъахэр зэрымипэс нэхъей,* къэтэджу *Абчарэ фIыщIэ лъэпкъ къэкIуахэм яхуищIакъым* [КIыщокъуэ 2006: 190].

6. *ИIэ, иIэт, иIэт-зэ, иIэт-тIэ, еуэ хуэгъэуш псалъэкIапэхэр* зыщIыгъуу псалъэм и пэм иту сытым дежи къахь. ЛэжыгъэщIэ гъээзщIэныхэм дэщIыгъуу къагъэсэбэп хабзэщ, псалъэухам и гъээзщIэным къыхуеджэныгъэ, хуэгъэушыныгъэ мыхъэнэ хилхъэу: *ДэIэпыкыуэгъу нэхъ жумыIэмэ, бгъуэтынууц,* – *жиIэри Къазджэрий Матренэ и гур дахэ хуищIац, иужьым курсантхэм закъыхуигъэзаци:* *ИIэ, тIасэ, иджы фышхэн зэфIэкIамэ, классым зевгъэхь* [КIыщокъуэ 1984: 606]; *Еуэ, жыIэ, уэлэхы абыкIэ, сыарэзымэ!* [Къэрмокъуэ 2007: 67]; (*Бригадирым:*) *Ахъмэд, Ахъмэдхъан, фыкъэхъейт зэ, иIэт маржэ!* – *мэкиий ар хуэму къакIуэ щIалитIым я дежкIэ* [ШэджыхъэщIэ 1987: 71].

7. **ПыхыкIа (гъунапкъэ гъэувыныгъэ) мыхъэнэ зиIэкъудей псалъэкIапэр** сытым дежи зи гъусэ псалъэм и ужь иту къокIуэ. Ар инэхъыбэм лэжыгъэщIэ гъэпсыкIэхэм ядэщIыгъууц, пыхыкIа, гъунапкъэ мыхъэнэ псалъэухам хэт псалъэм е псалъэ гупым хельхъэ: *Хъэрф къудей Iэдэм итхыр? УнэцIэ псо етхыф* [КIыщокъуэ 1984: 508]; *Дадэм: Мэлри мыбзэхацэрэт абы хуэдэ къабзэу, теппэцэ къудей къутэмэ уи жагъуэ мэхъу* [КIыщокъуэ 2007: 147].

8. **КъызэтезыгъэувыIэ, зэтезыIыгъэ псалъэкIапэхэм** хохъэ догуэ, догуэт, догуэт-зэ, догуэт-тIэ, зэ-зэ, зэ-хэр. Мыхэр сытым дежи лэжьыгъэцIэ гъээщIэным епхауэ щыгъщ, абы хэлъ лэжьыгъэр нэхъ хуэм ящI, къагъэувыIэ. Мы псалъэкIапэхэр псалъэухам и пэм мэув. Щапхъэхэр: – *Догузэ, хэту пIэрэ а ней-нейуэ къэзымылэжъа зэзылэфалIэр?* – *жиIэри Мусэ сымэ Елдар дежкIэ къелэу хуежъащ* [Кышчокъуэ 2005: 42]; (*Нанэм:*) – *Догузэт, догуэ. Алыхъ лъанIэ, жьыпIэри пэжщи, сэрам а къалэныр зылъысыр* [Къэрмокъуэ 2004: 244]; – *Догузэт зэ!* – *жиIэри Шакъ цIыхухэр зэлъыIуикъуурэ газетым еджэу шIидзащ* [Къашыргъэ 1957: 95].

Гу зылъытапхъэхэм ящыщ мы Iуэхугъуэри. *Догузэт-зэ* псалъэкIапэм и ужь ит зэ-р догуэ-м и пэ щивуэ щыIэщ, и мыхьэнэми абы щхьэкIэ зихъуэжырккъым: (*Софят:*) – *Зэ догуэт, Марие, умыгузавэт уэ, иджыпсту дгъээзкIуэжынкъэ псори* [ЩоджэнцIыкIу I.У. 1962: 203]; – *Ди адэ, зэ догуэт,* – *Хьэрун пыхъащ и адэр игъэувыIэну* [Шортэн 1988: 284].

КъызэтегъэувыIэныгъэр нэхъ хэкъуза хъун щхьэкIэ псалъэкIапэу тIу зэгъусэу къыщахъ щыIэщ: – *Зэ-зэ, зэ догуэ, сэ сьбдэIэпыкъуни,* – *жиIащ Мурид пицацэм и Iэр имыутIыпчыжэу* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 217].

9. **ИкъукIэ, уеблэмэ, аркъудей, ауи, нэт / нэтрэ, нэхъ, дьдэ-хэр зыгъэлыэщ псалъэкIапэхэщ.** Мыбыхэм щIэгъэхуэбжьэныгъэ, къыхэгъэщыныгъэ, гъэлыэщыныгъэ мыхьэнэ яIэщ: *Ар (Щамел) лы зэтест, жьыджэрт, и инагъкIэ лы курытым фIэкIы, икъукIэ Iэпкълэпкъ дахэ, жьы зыцIэт иIэу* [Шортэн 1988: 190]; *Адыгэхэм я мэкъумэш цэнхабзэр пасэм лъагэу, Кавказ Ицхьэрэм, Кавказ псом, уеблэмэ дуней псом цыцIэрыIэу цытащ* [УнэлIокъуэ 2017: 4]; *Абы (Басконием и президентым) кърита жэуапри Хосе ауи зыпэмпылъащ* [Къэрмокъуэ 2004: 287]; *ГъащIэр нэхъ ткIий, псэукIэр нэхъ гугъу, мыарэзыхэр нэхъыбэ хьурт* [Къэрмокъуэ 2004: 11]; *Абазэм адрейхэм яхигъэфIыкIыу цытар езым ириудыхыу, сыти зэрылэкIыну арыкIэ къыгъэлыагъуэу аркъудейт* [Къэрмокъуэ 2004: 28]; *Зинэ мы колхозым къыщыкIуам япэ дьдэ хуэзар Болэтт* [Къашыргъэ 1957: 84]; *ЩIы нэт* гъуэгу хэпшыр нэшэкъашэ: *Уи натиэм илъям ухуэзэни* [Кышчокъуэ 2004: 303].

10. **ЛъэIу мыхьэнэ** къэзыгъэлыагъуэ *кхьыIэ псалъэкIапэр* псалъэухам и пэм ув хабзэщ, ауэ нэгъуэщIыпIэ дежи щыув щыIэщ. Унафэ, лъэIу зыхэлъ псалъэухам хэт лэжьыгъэцIэ гъээщIэным епхащ: (*Аружан:*) – *КхьыIэ, зыри жумыIэ, Мурид!* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 190]; (*Джэрий:*) *Бильостэн, уэ сэ нэхърэ унэхъыцIэщ, апхуэдэу сынолгъэIуну емыкIуц, ауэ, кхьыIэ, Джьырандыкъуэ и деж уцыкIуэкIэ, абы Бырымбыху цыIэщи сэлам гуапэ схуехыж* [МафIэдз 1992: 166]; (*Ахьмэд Батыр жриIэу:*) *Зы фэ гурэ къызумпыл, кхьыIэ* [Елгъэр 1988: 119].

11. **Уа псалъэкIапэм зыгуэрым зэрызыхуагъазэм и щIэгъэхуэбжьэныгъэ къегъэлыагъуэ,** зэпха псалъэм и пэм зэпымууэ мэув, псалъэгъум гу лърагъэтэн папщIэ иризыхуагъазэу: – *Уа, Хьэжрэт, ар зыдэтиэн пиIэркъэ уэ?* – *Дзэлыкъуэ иэ, мэлыхъуэхъэ папщIэу яцэхункIэ хъунуц!* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 38]; *Уа, еджанIэ лъанIэу Нэфхэр къэзыгъаплэ, Лъэхъэнэжэ блэкIахэм Дэнэ уцыIа?* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 224].

12. **Куэд мыхьэнэ зыхэлъ сымэ псалъэкIапэр** зи гъусэ псалъэм сытым дежи и ужькIэ мэув. ЦIыхуцIэхэм е цIыхум фIэкIа хуэбгъэуэв мыхъу зэрыупщIэ цIэпапщIэ *хэт?*-м дэщIыгъуу къахъ, *сыт?* зэрыупщIэ цIэпапщIэм и гъусэу къагъэсэбэпырккъым. И мыхьэнэкIэ къегъэлыагъуэ зыгуэрым дэщIыгъухэр, адрейхэр, абы и гъусэ нэгъуэщIхэр. Щапхъэ: *Хэту пIэрэ мы шу бэлыхьыр?* – *жалэу, цIыхухэр къеплъагIуэу, пицы Аслгъэнджэрий сымэ быдапIэм Iуохъэ* [Шортэн 1978: 98]; *Пицымахуэ цIалэ зэхэтым къахэплэри Къаирбэч, ХьэтылIэ, Астемыр, КIэрэф Залымджэрий сымэ* зэгъусэу *щыту щилъагъум, я цIалэхэм зэрамызакъуэм иригуфIащ* [Нало 1993: 68]; *И псалъэхэм къыхигъэца цIыху цэхухэр хэт сымэ хъуну?* [Дыгъужь 2011: 44].

13. **Хуит щыныгъэ псалъэкӀапэм** хохъэ зи / зикӀ-хэр. Мыбыхэм я мыхьэнэкӀэ къагъэлыагъуэ хуит щыныгъэ, худэчыныныгъэ. Псалъэухам и пэм е и кӀэм ув хабзэщ. Зыгуэрэм и лъэӀум, фӀэфӀыныгъэм и жэуапу къагъэсэбэп: *Зи, Сафар бгъэкъуаниэ хъунукъым, лъэкӀыр елэжь* [Шортэн 1985: 238]; *ЕмыкӀу сиӀами къысхуэбгъэгъумэ, ЗикӀ уи жагъуэ злэжьбыжынкъым* [ЩоджэнцӀыкӀу А. 2000: 335]; *Я банэ макъымкэ къапщӀэу ахэр жыжьэбэ ӀумыкӀыу къэувылац, ауэ банэ макъыр зикӀ кӀащхъэ хъуртэкъым, нэхъри зэрыгъэкъурт* [КӀэрэф 2009: 125].

14. **Мыгъэнэхуа псалъэкӀапэ** гуэр-р сытым дежи зыщӀыгъу псалъэм и ужь итщ. Зи гъусэ псалъэмрэ абырэ мыгъэнэхуа, мыбелджылы мыхьэнэ къагъэлыагъуэ. ЦӀэхэмрэ, лэжьыгъэцӀетекӀ гъэпсыкӀэ зиӀэ цӀэхэмрэ я гъусэу къакӀуэ хабзэщ. Щапхъэхэр: *Мы ди къуажэ пӀагъум ЩхъэхуэфӀ АхьмэдкӀэ еджэу унагъуэ бей гуэр дэсац* [ЩоджэнцӀыкӀу А. 2000: 390]; *Зэанэзэпхъум я ӀитӀыр къытрагъэхъэ хуэдэ яцӀауэ, махуэ гуэрэм, Алий ефэндым газет гуэр къызэгуыхри зэрыбынунэм къыхудэджэу щӀидзац* [Нало 1993: 396].

15. **УасэхуэщӀ-зыхэщӀэ псалъэкӀапэхэм** хохъэ мыгъуэ, гуцэ-хэр. Мыбыхэм «гуцӀэгъу», «дэгузэвэн» мыхьэнэ къагъэлыагъуэ, «насыпыншэ», «насыпыншагъэ» псалъэхэм я мыхьэнэкӀэ ещхъщ, сытым дежи зи гъусэ псалъэм и ужь итущ къызэрыкӀуэр: – *Уи анэ дыцэу Данэ мыгъуэр уӀэжкъым, си Шорэ цӀыкӀу мыгъуэ, – гъыбзафэу зэтишац КъанцӀыкӀу, цӀэгъуыкӀыу* [Шортэн 1975: 237]; *Хъэж пцӀар дауи къабыл хъун, на, гуцэ, апхуэдиз хъэзаб цӀыхум тебгъэлы, – жиӀэу Думэсарэ Инус ешхыдэрт* [КӀыщокъуэ 2005: 25].

УасэхуэщӀ-зыхэщӀэ псалъэкӀапэхэм къызэрыгуэкӀ псалъэкӀэм нэхьыбэрэ уашыхуозэ.

Ди къэхутэныгъэм кърыкӀуахэр къызэщӀэпкъуэжмэ, адыгъбзэм и псалъэкӀапэхэр гуп 15 мэхъу. Гуп къэс щхъэхуэныгъэ яӀэщ, мыхьэнэ, къалэн зэмылӀэужыгъуэхэр ягъэзащӀэ. ПсалъэкӀапэхэр зыщӀыгъу псалъэ, псалъэ зэпха, псалъэухахэм мыхьэнэ гуэр щӀагъу, абыхэм епхауэ (я гъусэу) псалъэухам хоувэ.

Источники и литература

1. *Борукаев Т.М.* Грамматика кабардино-черкесского языка. Нальчик. Кабардино-Балкарский Облнациздат, 1932. 142 с.
2. *Грамматика кабардино-черкесского литературного языка.* М.: Издательство академии наук СССР, 1957. 240 с.
3. *Гольденштедт И.А.* Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 508 с.
4. *Дыгъужь Къу.* Щымахуэ лэгъуыпкъу. Япэ тхыль. Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс Республикэм и къэрал тхыль тедзапӀэ, 2011. 176 н. (Дугужев Ку. Зимняя радуга. Черкесск: Карачаево-Черкесское республиканское кн. изд-во, 2011. 176 с.).
5. *Елгъэр К.* Щыуагъэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 1988. 392 н. (Эльгаров К. Ошибка. Роман. Нальчик: Эльбрус, 1988. 392 с.).
6. *Кабардино-черкесский язык.* В 2 т. Нальчик: Эль-фа, 2006. Т. 1. 551 с.
7. *КӀэрэф М.* Лъэужь е лӀэужь. Лыжь хьыбархэр. Налшык: Эльбрус, 2009. 572 н. (Керевов М. Оставить след. Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2009. 572 с.).
8. *КӀыщокъуэ А.* Тхыгъхэр томипӀым цызэхуэхъэсауэ. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1984. 856 н. (Кешоков А. Собрание сочинений в 4-х т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1984. 856 с.).
9. *КӀыщокъуэ А.* Тхыгъэхэр томихым цызэхуэхъэсауэ. Т. I. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н. (Кешоков А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 2004. 512 с.).
10. *КӀыщокъуэ А.* Тхыгъэхэр томихым цызэхуэхъэсауэ. II том. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н. (Кешоков А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 2005. 488 с.).
11. *КӀыщокъуэ А.* Тхыгъэхэр томихым цызэхуэхъэсауэ. Т. V. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н. (Кешоков А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. V. Нальчик: Эльбрус, 2006. 552 с.).
12. *КӀыщокъуэ А.* Тхыгъэхэр томихым цызэхуэхъэсауэ. Т. VI. Налшык: Эльбрус, 2007. 544 н. (Кешоков А. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. VI. Нальчик: Эльбрус, 2007. 544 с.).

13. *Къашыргъэ Хь*. Насыпым и хэҕыпӀэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапӀэ, 1957. 309 н. (Каширгов Х. Источник счастья. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. 309 с.).
14. *Къэрмокъуэ М*. Пшапэ зэхэуэгъуэ. Повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. 264 н. (Кармоков М. Сумерки. Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2007. 264 с.).
15. *Къэрмокъуэ М*. Шихухэр иджыри мэкӀ. Ещанэ тхыль. Налшык: Эль-фа, 2004. 320 н. (Кармоков М. А тополя еще растут. Т. 3. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 320 с.).
16. *Кхъуэлуфэ Хь*. Гъатхэм и ныбжьыр. Рассказхэр, повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 480 н. (Кауфов Х. Возраст весны: Повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2000. 480 с.).
17. *Люлье Л.Я.* Словарь русско-черкесский или адыгский с краткою грамматикою сего последнего языка. Одесса, 1846. 244 с.
18. *МафӀэдз С*. Гъыбзэ хуэфашэт: роман. Налшык: Эльбрус, 1992. 448 н. (Мафедзев С. Достойны печальной песни: роман. Нальчик: Эльбрус, 1992. 448 с.).
19. *Нало А*. Тхыгъэхэр. Нэхущ шу. Т. II. Налшык: Эльбрус, 1993, 400 н. (Налоев А. Всадники рассвета. Избранные произведения в 3-х т. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1993. 400 с.).
20. *Турчанинов Г. Ф., Цагов М. И.* Грамматика кабардинского языка. М.–Л. Издательство академии наук СССР, 1940. 160 с.
20. *Унэллокъуэ В*. ЩӀым телэжьыхьыным епха псалъэхэр. Налшык: КБГУ, 2017. 110 н. (Унатлоков В. Х. Лексика земледелия в кабардино-черкесском языке. Нальчик: КБГУ, 2017. 110 с.).
21. *Шортэн А*. Бгырысхэр. Роман. ЕплӀанэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1988. 304 н. (Шортанов А. Горцы. Роман. Т. IV. Нальчик: Эльбрус, 1988. 304 с.).
22. *Шортэн А*. Бгырысхэр. Роман. ЕтӀуанэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1975. 403 н. (Шортанов А. Горцы. Роман. Т. II. Нальчик: Эльбрус, 1975. 403 с.).
23. *Шортэн А*. Бгырысхэр. Роман. Ещанэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1985. 332 н. (Шортанов А. Горцы. Роман. Т. III. Нальчик: Эльбрус, 1985. 332 с.).
24. *Шортэн А*. Бгырысхэр. Роман. Япэ тхыль. Налшык: Эльбрус, 1978. 383 н. (Шортанов А. Горцы. Роман. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1978. 383 с.).
25. *ШэдъыхьэцӀэ Хь*. Тэрч щыхьэтц. Налшык: Эльбрус, 1987. 392 н. (Шекихачев Х. Терек свидетель. Нальчик: Эльбрус, 1987. 392 с.).
26. *ЩоджэңцӀыкӀу А*. Тхыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 432 н. (Шогенцуков А.А. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 2000. 432 с.).
27. *ЩоджэңцӀыкӀу I*. Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапӀэ, 1962. 232 н. (Шогенцуков А.О. Весна Софийт. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 232 с.).

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧАСТИЦ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Жилетежев Хажисмель Чилианиевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), hazismel@mail.ru

В работе предпринята попытка уточнить семантико-грамматическую классификацию частиц кабардино-черкесского языка. Рассматривается хронология изучения частиц. Хотя научное изучение кабардино-черкесских частиц началось давно, не вызывает сомнения, что они остаются до сих пор недостаточно разработанными. Общее количество разрядов частиц и принципы их классификации в значительной степени расходятся у исследователей. В работе впервые используются новые лингвистические термины на кабардино-черкесском языке, разработанные доктором филологических наук Б.Ч. Бижоевым, с помощью которых дается лексико-семантическая характеристика частицам. Надеемся, что данная работа войдет в раздел о частицах новой грамматики на кабардино-черкесском языке.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, частица, разряд, предложение, грамматическая функция, препозиция, постпозиция.

SEMANTIC-GRAMMATIC CHARACTERISTIC OF PARTICLES OF THE KABARDIN-CHERKESS LANGUAGE

Zhiletezhev Khazhismel Chilyanievich, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), hazismel@mail.ru

An attempt is made to clarify the semantic-grammatical classification of particles of the Kabardino-Circassian language. The chronology of the study of particles is considered. Although the scientific study of Kabardino-Circassian particles began a long time ago, there is no doubt that they remain still underdeveloped. The total number of discharges of particles and the principles of their classification to a large extent diverge from researchers. For the first time, new linguistic terms in Kabardino-Circassian language developed by Dr. B.Ch. The Bizhoyevs, with the help of which a lexical-semantic characteristic is given to particles. We hope that this work will be included in the section on particles of a new grammar in the Kabardino-Circassian language.

Keywords: Kabardino-Circassian language, particle, rank, sentence, grammatical function, preposition, postposition.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-108-114

ФРАЗЕОЭМОТИВЫ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА С ГЛАГОЛАМИ *ЕТЫН*, *ЩЫН*, *ХЪУН*, *ИЛЭН*

Токмакова Мадина Хасанбиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), tokmak_madina_h@mail.ru

В данной работе исследуются эмотивные фразеологизмы кабардино-черкесского языка с глагольными компонентами *щЫн* «делать», *хъун* «стать», *етын* «дать», *илэн* «иметь». Дается грамматический анализ рассматриваемых единиц, выявляются их морфологические способности изменяться по лицам, временам, наклонениям, конкретизировать значения с помощью словообразовательных аффиксов (*къэ-*, *хуэ-*, *цы-*, *зэху(э)-*, *-ж-* и др.), образовывать отрицательные формы посредством отрицательных аффиксов *-мы*, *-къым* и т.д. Определена основная структурно-грамматическая модель, характерная для двусоставных фразеоэмотивов с *щЫн*, *хъун*, *етын*, *илэн*, составляющих значительное количество в кабардино-черкесском языке. Изучение семантических особенностей данных единиц позволило установить основные классы, создаваемые ими: эмотивное состояние, эмотивное отношение, эмотивное воздействие, внешнее выражение эмоций, эмотивная характеристика. Указана роль эмотивных фразеологизмов с *щЫн*, *хъун*, *етын*, *илэн* в полисемантических процессах кабардино-черкесского языка, возможность образования данных единиц от многозначных эмотивов, незмотивных слов. Отмечена зависимость направленности действия (чувства) от глагольного компонента при схожести именной части. Выявлены возможные синтаксические роли (сказуемого, подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства) функционирования фразеоэмотивов в предложении с привлечением иллюстративного материала из произведений национальных авторов.

Ключевые слова: фразеоэмотивы, глагольный компонент, семантические классы, аффиксы, структурно-грамматический анализ, субъектно-объектные отношения, полисемия.

Эмотивная лексика является одной из малоизученных областей кабардино-черкесского языкознания. Представляя одну из коммуникативных категорий языка, участвующую в различных лексико-семантических процессах и отражающую особенности национального сознания, эмотиология, несомненно, требует специального научного исследования. Для вербального выражения эмоций в распоряжении любого языка имеется определенный набор лингвистических средств, среди которых значимое место занимают фразеологизмы [Токмакова 2018: 185]. Исследование фразеологизмов, где в наибольшей степени сконцентрирована национальная самобытность адыгской культуры, внесет значительный вклад в развитие эмотиологии кабардино-черкесского языка и лексико-семантической системы языка в целом. В данной работе впервые подвергаются лексико-грамматическому анализу глагольные фразеоэмотивы с компонентами *щЫн* «делать», *хъун* «стать», *етын* «дать», *илэн* «иметь», составляющие немалую часть эмотивных глагольных устойчивых единиц.

Большинство фразеоэмотивов кабардино-черкесского языка относится к глагольному типу, так как именно глагол отвечает за грамматическое значение всего выражения. Основное же лексическое значение может выражаться как глагольным

компонентом устойчивого выражения (*псэр гьэгүфлэн* «радовать душу кому-л.» (букв. «душу радовать»), *зэкүэцлътхьыу гьын* «рыдать» (букв. «разрываясь, плакать» и т.д.), так и именным (*хьэаб телъын* «мучиться, страдать» (букв. «мучение лежит на нем»), *уклътэм ихьын* «сгореть со стыда» (букв. «стыдом унести») и т.д.). К последним можно отнести и фразеомотивы, в состав которых входят глаголы: *етын* «дать», *цлын* «сделать», *хьун* «стать», *илэн* «иметь».

В подобных фразеологизмах именная часть часто обозначает конкретные чувства, которые и определяют эмоциональную заряженность выражения (негатив – позитив): *льагьуныгьэ* «любовь» – *льагьуныгьэ цлын* «любить кого-л.», *гуауэ* «горе» – *(и) гуауэ цлын* «сильно обидеть, огорчить кого-л.», *гулэгүцтэ* «беспокойство, волнение» – *гулэгүцтэ хьун* «прийти в волнение, беспокойство», *гужьейгьэуэ* «ужас» – *гужьейгьэуэ етын* «привести в ужас кого-л.», *гужьгьэжь* «затаенная злоба» – *гужьгьэжь илэн* «иметь зуб на кого-л.» и т.д. В других случаях, не обладая эмотивным значением, именной компонент по схожести с каким-л. явлением, по чувствам, вызываемым им, приобретает его в пределах конкретного фразеологизма: *цхьэзэ* «вертячка (болезнь овец, характеризующаяся, наряду с другими симптомами, потерей ориентации движений)» – *цхьэзэ хьун* «голова кругом идет, не знать, что делать», *уз* «боль, болезнь» – *уз етын* «дать взбучку» (букв. «боль дать»), *нэцхь* «взгляд» – *нэцхь цлын* «хмурить брови» (букв. «взгляд делать»), *ныбафэуэ* «болезнь живота» – *ныбафэуэ хьун* «хохотать до упаду» (букв. «получить болезнь живота»), *хьэнлацлэклэ* «червивая рана у животных» – *хьэнлацлэклэ хьун* «беспокоиться» (букв. «стать как червивая рана у животных») и т.д. Наибольшее количество исследуемых эмотивов в кабардино-черкесском языке образуется с помощью глагольных компонентов *цлын*, *хьун*.

Семантический анализ [Токмакова 2017: 22–40] фразеомотивов с элементами *цлын*, *хьун*, *етын*, *илэн* показал, что в основном ими образуются классы эмоционального состояния ((*и) гуанэ хьун* «испытывать чувство удовлетворения», *хьэнлацлэклэ хьун* «беспокоиться», *гужьейгьэуэ илэн* «обижаться» и т.д.), эмоционального воздействия (*гужьейгьэуэ етын* «привести в ужас кого-л.» *хэутэн цлын* «опозорить, унижить кого-л.», *узыгьуэр (уз) етын* «дать взбучку» и т.д.), эмоционального отношения (*нэмыплъ етын* «относиться к кому-л. неприязненно», *зэтемыплъыж хьун* «возненавидеть друг друга», *флэпсэклүэд хьун* «жалеть кого-л.» и т.д.), внешнего выражения эмоций (*нэцхь цлын* «хмурить брови», *ныбафэуэ хьун* «хохотать до упаду», *кьыкь хьун* «запинаться от страха» и т.д.), эмоциональной характеристики (*гумызагьэ илэн* «иметь беспокойное сердце», *гуцлэгьэуэ илэн* «быть жалостливым», *лхулытцлэ имылэн* «быть безжалостным, беспощадным» и т.д.). Отметим, что фразеомотивы с *етын* в большинстве своем относятся к классу эмоционального воздействия, а эмоциональную характеристику человеку дают фразеомотивы с *илэн*.

Рассматриваемые фразеомотивы, как и остальные глагольные фразеологизмы, обладают морфологическими и синтаксическими чертами, свойственными глаголам-словам. Так, глагольная часть может изменяться по лицам. При этом, как правило, если действие направлено на субъект, то изменяется глагольный компонент, путем присоединения личных аффиксов. Если же действие направлено на объект, то у имен существительных, обозначающих его, изменяются притяжательные формы, а у глагольной части – личные аффиксы, например:

1л. ед.ч. <i>гужьейгьэуэ соцл</i>	«я обижаюсь»	<i>си жагьуэ тцлцац</i>	«ты обидел меня»
2л. ед.ч. <i>гужьейгьэуэ боцл</i>	«ты обижаешься»	<i>уи жагьуэ ицлцац</i>	«он обидел тебя»
3л. ед.ч. <i>гужьейгьэуэ ецл</i>	«он обижается»	<i>и жагьуэ сцлцац</i>	«я обидел его»
1л. мн.ч. <i>гужьейгьэуэ доцл</i>	«мы обижаемся»	<i>ди жагьуэ яцлцац</i>	«они обидели нас»
2л. мн.ч. <i>гужьейгьэуэ фоцл</i>	«вы обижаетесь»	<i>фи жагьуэ тцлцац</i>	«мы обидели вас»
3л. мн.ч. <i>гужьейгьэуэ яцл</i>	«они обижаются»	<i>я жагьуэ фцлцац</i>	«вы обидели их»

У некоторых фразеомотивов с глагольным компонентом *хьун* изменяются лишь притяжательные формы именной части, например:

- 1л. ед.ч. *си гуанэ хъуащ* «мне стало приятно»
 2л. ед.ч. *уи гуанэ хъуащ* «тебе стало приятно»
 3л. ед.ч. *и гуанэ хъуащ* «ему стало приятно»
 1л. мн.ч. *ди гуанэ хъуащ* «нам стало приятно»
 2л. мн.ч. *фи гуанэ хъуащ* «вам стало приятно»
 3л. мн.ч. *я гуанэ хъуащ* «им стало приятно».

Глагольный компонент может изменяться по времени, например: настоящее время – *гукъеуэ сощI* «я обижаюсь», прошедшее время – *гукъеуэ щфлащ* «я обиделся», будущее время – *гукъеуэ щфлынущ* «я обижусь». Также возможно образование форм наклонений, например: изъявительное наклонение – *и жагъуэ хъуащ* «он обиделся», условное наклонение – *и жагъуэ хъумэ* «если он обидится», сослагательное наклонение – *и жагъуэ хъунут* «он бы обиделся», предположительное наклонение – *и жагъуэ хъугъэнт* «он, наверное, тогда обиделся», желательное наклонение – *и жагъуэ хъуарэт* «хоть бы он обиделся», наклонение удивления – *и жагъуэ хъуаи* «он, оказывается, обиделся».

Для успешного функционирования в речи данных фразеомотивов кроме изменения по лицам и временам также происходит присоединение словообразовательных аффиксов, задача которых осуществлять переход конечного числа исходных фразеомотивов с *щфын*, *хъун*, *етын*, *илэн* в множество речевых вариантов. Присоединяемые аффиксы (*къэ-*, *хуэ-*, *щы-*, *зэху(э)-*, *-ж-* и др.) конкретизируют действие, обозначая, к примеру, его начало, направленность к определенному лицу, или друг к другу и т.д.: *ауан къэщфын* «стать посмешищем для кого-л.», *гукъеуэ хуэщфын* «обижаться на кого-л.», *ижэгъу хуэхъун* «испытывать зависть, злобу к кому-л.», *лъагъуныгъэ зэхуилэн* «любить друг друга», *гузэрыдзэ зэхуэщфын* «разочароваться друг в друге», *гурыхъ щыхъун* «понравиться», *гущфыхъэ щыхъун* «сильно опечалиться по какому-л. поводу», *гукъыдэж имылэжын* «не иметь больше бодрого настроения, желания» и т.д.

Среди исследуемых единиц есть такие, которые употребляются только в отрицательной форме, образованные посредством отрицательного аффикса *-мы*: *теплъэ мыхъун* «ненавидеть кого-что-л.» (букв. «смотреть не мочь»), *бэуанIэ емытын* «не дать передохнуть кому-л.» (букв. «возможность дышать не давать»), *плъанIэ имылэжын* «быть очарованным кем-чем-л.» (букв. «возможность смотреть не иметь») и т.д. Встречаются фразеомотивы, имеющие и утвердительную и отрицательную формы: *гукъыдэж илэн* «иметь желание к чему-л.» – *гукъыдэж имылэн* «не иметь бодрого настроения», *гущIэгъу илэн* «быть отзывчивым» – *гущIэгъу имылэн* «быть безжалостным». Многие фразеомотивы с *щфын*, *хъун*, *етын*, *илэн* могут образовывать отрицательные формы с помощью суффикса *-къым*: *и фIэфI хъуащ* «ему понравилось» – *и фIэфI хъуакъым* «ему не понравилось»; *узыгъуэр естынущ* «я устрою ему взбучку» (букв. «боль дам ему») – *узыгъуэр естынукъым* «я не устрою кому-то взбучку»; *гущIэгъу илэщ* «он отзывчивый» (букв. «у него есть жалость») – *гущIэгъу илэкъым* «у него нет жалости»; *гукъеуэ сощI* «я обижаюсь» – *гукъеуэ щфыркъым* «я не обижаюсь» и т.д.

В предложении глагольные фразеомотивы с компонентами *щфын*, *хъун*, *етын*, *илэн* могут выполнять различные роли, но основной, как и для глаголов-слов, остается роль сказуемого: *Аслъэмырзэ сьт щыгъуи и гуанэ хъурт езым цхъэкIэ щIалэ цIыкIум Дотэ зэрыжиIэр* [Журт 2004: 45] (простое сказуемое). Асламирзе всегда нравилось, как мальчик называл его Дота». (*Шым щIалэм жреIэ*): *ЯжеIэ уи Iуэху зытетыр заницIэуи, зымыдэ къыхэкIым уи насытц, тIури арэзы хъууэ цытым къашэ* [Нало 1993: 166] (основной компонент составного сказуемого). «(Мужчина говорит парню:) Сразу скажи про свои обстоятельства, если несогласна будет – твое счастье, если обе будут согласны – женись».

Также рассматриваемые фразеомотивы могут выполнять в предложении роль подлежащего (*Гукъеуэ зымыIэм пщIыхъэпIэфI елъагъу* [Адыгэ IуэрыIуатэ 1999:

366]. «Беззаботный хорошие сны видит»), дополнения (*Абы (лЫм) и теплэм кыбжылэрт цлалитЫр ныцЫлэм кызыртехьар и гуанэ зэрыхуар* [Журт 2004: 117]. «Его (мужчины) вид показывал, как было приятно ему, что два парня пришли в его шалаш»), определения (*Къуцхьэхуэ жэц цЫлЭбжьым кыдэпЫщЦа инструкторым и дамэр дришейуэ зызэхуешэри цытци, фЫуэ ефауэ гукьыдэжэ зИэ Мыхэмэт и псэлэн кьеблауэ ирекьутэКІ...* [Къэрмокьуэ 2007: 296] «Замерзший в холодную ночь на горном пастбище инструктор стоит, пожимая плечами, ёжась, а хорошо выпивший, в хорошем настроении Мухамат, разговорившись, не умолкает...»), обстоятельства ((*Япун*) *И жагьуэ хьуауэ кыдегьэзыкЫж псы-хьуэм* [Нало 1993: 299]. «(Япун) Опечалившись, возвращается с поймы реки»).

Иногда в разговорной речи, в художественных произведениях во фразеологическую структуру вклиниваются различные слова, что, однако, не ведет к семантическому распаду данной единицы, а лишь усиливают ее значение, а именно, эмотивное значение именного компонента. Например: *Мо цлалэ плацэихуэм (Едыдж) гуцИэгьуэ лэпкэ имыИэу Гьуэгул кыкИуэцИикьухьащ* [Журт 2004: 55]. «Этот рослый парень (Едыдж) без всякой пощады избил Гуэгуля». *Ауэ, мис иджы хуэдэу, станицэм дзэхэм дэз зыкьыцацЫлэм деж кьэзакьхэм ар я гуанэ дьдэ хьур-тэкьым* [Шортэн 1975: 125]. «Но, как теперь, когда войска полностью заполняли станицу, казакам это не очень нравилось».

По структурно-грамматическому составу рассматриваемые фразеомотивы в большинстве своем двусоставные, образованные по модели «неоформленное имя (существительное, прилагательное) + глагол»: *арэзы цЫлн* «удовлетворить кого-л.» (букв. «довольным сделать»), *хьэдагьэ цЫлн* «плакать, горевать» (букв. «оплакивание делать»), *фИэфИ хьун* «понравиться кому-л.» (букв. «желанным стать»), (*и*) *жагьуэ хьун* «обидеться» (букв. «неприятным стать»), *гужьеигьуэ етын* «привести в ужас кого-л.» (букв. «ужас дать»), *гукьеуэ илэн* «обижаться» (букв. «обиду иметь») и т.д. Следует отметить, что в некоторых фразеологизмах допускается чередование нулевого окончания с аффиксом именительного падежа, например: *гужьеигьуэ етын* – *гужьеигьуэр етын* «привести в ужас кого-л.», *гужьгьэжь илэн* – *гужьгьэжьыр илэн* «иметь зуб на кого-л.» и т.д. Такое допустимо в силу отсутствия в данных единицах грамматического значения у форманта *-р* [Бижоев 2005: 259].

Встречаются, но реже, в кабардино-черкесском языке и трехкомпонентные фразеомотивы с элементами *цЫлн* и *хьун*: (*и*) *гур фЫ цЫлн* «успокоить, подбодрить кого-л.» (букв. «сердце хорошим сделать»), *хьэ лупс цЫлн* «оскорблять кого-л., издеваться над кем-л.» (букв. «собачью слюну сделать»), *гур жан хьун* «развеселиться» (букв. «стать сердцу проворным»), *гу махэ хьун* «смалодушничать» (букв. «стать сердцу слабым») и т.д.

Одни и те же эмотивы могут образовывать разные фразеологизмы с глаголами *цЫлн*, *хьун*, *етын*, *илэн*. При этом замена глагола не сказывается на эмотивном значении, но влияет на направленность действия, а точнее чувства. Так, в зависимости от того на кого направлена эмоция (на субъект или объект), указанные глагольные фразеомотивы переключаются, образуя пары. При этом в различных эмотивных парах субъектно-объектные отношения могут варьироваться, т.е. в одном случае глагол может обозначать направленность на субъект, в другом – на объект. Часто подобные пары образуют фразеологизмы с глаголами *хьун* «стать» – *цЫлн* «сделать что-л.»: *арэзы хьун* «стать, быть довольным» – *арэзы цЫлн* «удовлетворить кого-л.», (*и*) *гуанэ хьун* «испытывать чувство удовлетворения, радоваться чему-л.» – (*и*) *гуанэ цЫлн* «обрадовать кого-л.», (*и*) *жагьуэ хьун* «опечалиться» – (*и*) *жагьуэ цЫлн* «обидеть кого-л.» и т.д. Здесь действие (чувство), направленное на субъект, выражено непереходным глаголом *хьун* «стать» и свидетельствует о наступлении какого-то эмоционального состояния и пребывания в нем. В фразеологизмах с переходным глаголом *цЫлн* «сделать что-л.» производится какое-то (вольное или невольное) действие, в результате которого объект будет испытывать конкретную эмоцию.

Подобные пары могут образовывать и другие глагольные компоненты фразеэмотивов, например: *зукъеуэ цфын* «опечалиться» – *зукъеуэ етын* «опечалить кого-л.». Здесь с помощью переходного глагола *цфын* «сделать что-л.» действие теперь направлено на субъект, а с помощью также переходного глагола *етын* «дать кому-л. что-л.» – на объект. В парах: *зубгъэн илэн* «быть в обиде на кого-л.» – *зубгъэн етын* «огорчить кого-л.», *зукъеуэ илэн* «обижаться» – *зукъеуэ етын* «опечалить, обидеть кого-л.» – непереходный глагол *илэн* «иметь что-л.» обозначает направленность чувства на субъект, а переходный глагол *етын* «дать кому-л. что-л.» – на объект.

Фразеэмотивы с глаголами *цфын*, *хъун*, *етын*, *илэн* участвуют в образовании многозначных (двузначных) единиц кабардино-черкесского языка. В одних случаях оба значения могут быть эмотивными, происходящими от соответствующих двузначных имен существительных: *зукъеуэ* 1. «печаль, горе», 2. «обида» – *зукъеуэ цфын* 1. «опечалиться, огорчиться», 2. «обижаться»; *зукъеуэ илэн* 1. «горевать», 2. «обижаться» [СКЧЯ 1999: 75] и т.д. Могут образовываться многозначные фразеэмотивы и от однозначного эмотивного имени (существительного или прилагательного), получая в процессе функционирования в языке несколько значений, например: *жагъуэ* «неприятный» – (*и*) *жагъуэ хъун* 1. «обидеться», 2. «опечалиться» [СКЧЯ 1999: 170].

Рассматриваемые фразеэмотивы также образуют переносные значения: *цхъэзэ* «вертячка (болезнь овец, характеризующаяся, наряду с другими симптомами, и потерей ориентации движений)» – *цхъэзэ хъун* 1. «заболеть вертячкой», 2. «голова кругом идет, не знать, что делать» [КРФС 1968: 311]; *ИтэешэкI* (букв. «обматывание пальца») – *ИтэешэкI цфын* 1. «вертеть кем-л.; укротить кого-л.», 2. «обидеться на кого-л.; затаить злобу» [Бижоев 2005: 255]; *кIэмуж* (букв. «копец») – *кIэмужыр етын* 1. «подобрать, уничтожить что-л. подчистую», 2. «показать кузькину мать» [Карданов 1962: 138].

Таким образом, проведенный анализ показал, что грамматическое значение фразеэмотивов с элементами *цфын* «делать», *хъун* «стать», *етын* «дать», *илэн* «иметь» выражается глагольным компонентом, а лексическое в основном именным, определяющим эмоциональную заряженность всего выражения. Данные единицы образуют семантические классы эмотивного состояния, эмотивного воздействия, эмотивного отношения, внешнего выражения эмоций, эмотивной характеристики. Рассматриваемые фразеэмотивы обладают морфологическими свойствами глаголов: изменяются по лицам, временам, наклонениям. Для успешного функционирования в речи к эмотивным фразеологизмам с *цфын*, *хъун*, *етын*, *илэн* присоединяются словообразовательные аффиксы *къэ-*, *хуэ-*, *цы-*, *зэху(э)-*, *-ж* и т.д., конкретизирующие действие. Исследуемые единицы могут выполнять различные синтаксические роли в предложении – подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства, но основной из них все же является функция сказуемого. Структурно-грамматический анализ показал преобладание в кабардино-черкесском языке двусоставных фразеэмотивов с *цфын*, *хъун*, *етын*, *илэн*, образованных по модели «неоформленное имя + глагол». Рассматриваемые единицы по направленности действия могут образовывать субъектно-объектные пары при сходном именном компоненте: в основном фразеэмотивы с *цфын*, *етын* обозначают направленность действия к объекту, а *хъун*, *илэн* – к субъекту. Для данных фразеэмотивов характерна полисемантизация – они нередко образуют дополнительные переносные значения.

Источники и литература

1. Адыгэ Гуэрыуатэ. Налшык: Эльбрус, 1999. 400 н.
2. Бижоев Б.Ч. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.

3. Журт Б. Унагъуэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 2004. 200 н.
4. КРФС – Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968. 344 н.
5. Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1973. 248 н.
6. Къэрмокъуэ М. Пшапэ зэхуэуэгъуэ: повестхэр, рассказхэр Налшык: Эльбрус, 2007. 264 н.
7. Нало А. Нэхуш шу. Налшык: Эльбрус, 1993. 400 н.
8. СКЧЯ – Словарь кабардино-черкесского языка. Москва: Дигора, 1999. 860 с.
9. Токмакова М.Х. Эмотивная лексика кабардино-черкесского языка. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2017. 274 с.
10. Токмакова М.Х. Эмотивные фразеологизмы кабардино-черкесского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 49 (82), 2018. С. 185–188. DOI: 10.30853/filnauki.2018-4-1.43
11. Шортэн А. Бгырысхэр. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 1975. 403 н.

KRABARDIN-CHERKES LANGUAGE PHRASEO EMOTIVES WITH THE VERBS OF *ETHIN*, *SCHIIN*, *KHUN*, *IEN*

Tokmakova Madina Khasanbievna, Candidate of Philology, senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), tokmak_madina_h@mail.ru

In this paper, we study the emotive phraseological units of the Kabardino-Circassian language with the verbal components of *schlyn* «do», *hyung* «become», *etin* «give», and *Ien* «have». A grammatical analysis of the units under consideration is given, their abilities to change according to persons, tenses, inclinations, concretize the meanings with the help of word-formation affixes (*k'e-*, *hue-*, *schy-*, *zekhu (e)-*, *-zh-*, etc.) are revealed, form negative forms by means of negative affixes, etc. The basic structural-grammatical model is defined, which is characteristic of two-part phraseological expressives with *schlyn*, *hyun*, *eletin*, and *Ien*, which make up the majority in the Kabardino-Circassian language. Studying the semantic features of these units has established the main classes created by them: emotional state, emotional attitude, emotional impact, external expression of emotions, emotional characterization. The role of emotive phraseological units with *schlyn*, *hyun*, *etyn*, *Ien* in the polysemantic processes of the Kabardino-Circassian language, the possibility of the formation of these units from ambiguous emotives, unemotional words are indicated. The dependence of the direction of the action (feeling) on the verb component with the similarity of the nominal part is noted. Possible syntactic roles (predicate, subject, additions, definitions, circumstances) of the functioning of phraseological expressions in the sentence with the use of illustrative material from the works of national writers are considered.

Keywords: phraseological expressives, verb component, semantic classes, affixes, structural-grammatical analysis, subject-object relations, polysemy.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-115-120

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа. Журнал не публикует рекламные материалы.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Все материалы, поступившие для публикации, проходят обязательное рецензирование.

Члены редакционного совета и/или приглашенные эксперты осуществляют внутреннее рецензирование и определяют соответствие статьи концепции журнала; оценивают качество представленных материалов: оценивают полноту и глубину раскрытия темы, достоверность фактологической информации, допустимость научных положений и выводов, корректность формулировок, определяют тип публикации (статья, краткое сообщение, рецензия, сообщение о научном мероприятии, материалы к словарю и пр.), определяют степень новизны исследования и научную ценность публикации, оценивают композиционную завершенность текста, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала; дают рекомендации разной степени обязательности, в том числе замечания, касающиеся формулировок; принимают рекомендации о возможности допустить статью к публикации, о том, в каком номере журнала будет опубликована статья.

Рецензирование проводится конфиденциально. Имена рецензентов не сообщаются авторам. В случае, если статья требует доработки, автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с той частью рецензии, которая содержит замечания, вопросы, рекомендации, необходимые к исполнению. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста. Статьи не публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия/ главный редактор может отказать в публикации статьи, если она будет оценена как не соответствующая требованиям журнала и/или оформленная с нарушением этических стандартов. Рукописи после рецензирования не возвращаются. Редакция вправе не вступать в переписку с авторами относительно причин (оснований) отказа в публикации статьи.

Сформированный номер утверждается к выпуску главным редактором журнала.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами;
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу – шрифт полужирный, размер 14 пт;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру;
- сведения об авторе(ах) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине по образцу:

Кузьминов Иван Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального

государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kuzminov@mail.ru

- аннотация статьи на русском языке (не менее 150 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;
- источники и литература;
- данные о статье на английском языке (шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, междустрочный интервал – 1):
 - заглавие статьи прописными (заглавными) буквами;
 - сведения об авторе;
 - abstract (резюме) (не менее 150 слов);
 - key words (5–7 слов).

2. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

2.1. Основной текст

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2.2. Ссылки и список литературы

Ссылки на источники и литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора или начало заглавия работы, год публикации работы и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Караулов 2000: 141] или [Бархударов 1975: 31–33].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Анфимов 1950: 73–75; Кантария 1968: 83, 87]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Пейсонель 1789; Пейсонель 1974].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы [Бондарко А.В. 1990; Бондарко Л.В. 1977].

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *в* к году издания [Иванов 2010a], [Иванов 2010б].

При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Влахов, Флорин 2006: 40]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» – в случае русскоязычного источника [Антонов и др. 1999], «et al.» – в случае с источником на английском языке [Kuipers et al. 1961].

Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Лики войны ... 1996: 45], [Методика расчета ... 2007: 17]. Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200].

Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15]; [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 1].

При ссылке на словарь указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [ТСРЯ, т. 1: 81] или [РКЧС: 15].

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

Источники и литература приводятся списком после основного текста с заголовком по центру. Список источников и литературы указывается строго в алфавитном порядке, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка.

Пример оформления списка литературы

Источники и литература

1. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.
2. *АП* – Адыгэ псалъалъэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. *Къыщокъуэ А. Хъуэпсэгъуэ* нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман). Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.
5. *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/ueм/iор_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).
6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.
7. Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / Сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).
8. *Малкондуев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // *Известия СОИГСИ*. 2018. № 28 (67). С. 146–154.
9. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // *Медиаскоп*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 12.12.2015).
10. *Павшук А.В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.
11. *РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.
12. *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.
13. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.
14. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

Усл. печ. л.
10.8

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 256

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушкова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*